

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№3 · 2008

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

3-2008

Издаётся с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:
Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Статьи для публикации
принимаются
по электронному адресу:
chsu1999@yandex.ru

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического
центра Кубанского государственного
университета
Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 6.10.2008
Уч.-изд. л. 11,3. Усл. печ. л. 11,83
Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос.н., проф. (МГИМО(У);
Арутюнян Л.А., д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ);
Бабешко В.А., д-р физ.-мат. н., проф., академик РАН
(Кубанский ГУ); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Бодалев А.А.**, д-р психол. н., проф.,
академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет
Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З.А.**, д-р полит. н.,
проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю.П.**, д-р
психол. н., проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова);
Знаков В.В., д-р психол. н., проф. (Институт пси-
хологии РАН); **Иванов А.Г.**, д-р ист. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. н., проф.
(РАО); **Латфуллин Г.Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т
управления); **Марьин М.И.**, д-р психол. н., проф. (МВД
РФ); **Никовская Л.И.**, д-р социол. н., проф. (Институт
социологии РАН); **Романова А.П.**, д-р филос. н., проф.
(Астраханский ГУ); **Рябикина З.И.**, д-р психол. н., проф.
(Кубанский ГУ); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. н., проф.
(СПбГУ); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. н., проф. (Пермский ГУ);
Шабров О.Ф., д-р полит. н., проф. (РАГС); **Шпак В.Ю.**,
д-р филос.н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р эконом. н., проф. (зам. гл. редактора);
Белоконь Т.М., канд. филол. наук, доц.; **Дёмин А.Н.**, д-р
психол.н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В.В.**,
канд. тех. н., доц.; **Ждановский А.М.**, канд. ист. н.,
проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол.н., доц.; **Кольба А.И.**,
канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г.С.**,
отв. секретарь; **Лаврова Т.Г.**, канд.эконом.н., доц.;
Лузаков А.А., д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э.Г.**, д-р
пед. наук, проф.; **Мясникова Т.А.**, канд. эконом. н., доц.;
Оберемко О.А., канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л.Н.**,
д-р психол. н., проф.; **Остапенко А.Н.**, д-р пед.н., проф.;
Савва Е.В., канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю.В.**, канд.
эконом. н., проф.; **Фоменко Г.В.**, д-р психол. н., проф.;
Юрченко В.М., д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

3-2008

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Баранов Н.А. Социальная обусловленность политики инновационного развития 5

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

Элеменкина В.В. Имидж муниципальных образований: структура, функции и проблемы формирования 20

Калашиникова О.А. Обращения граждан как показатель эффективности деятельности органов местного самоуправления 33

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Трещевский Ю.И., Шекина Е.В. Направления и инструменты поддержки реального сектора экономики Воронежской области в аспекте повышения ее конкурентоспособности. 38

Лебедева Э.Е. Особенности инновационной деятельности предприятий малого бизнеса. 43

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Сурай И. Г. Построение компетентностных моделей государственных специалистов: опыт Украины 49

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Фоменко Г.Ю. Возможности преодоления «схизиса» между исследовательской и практической психологией 53

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Лузаков А.А. Психосемантика личностных черт: нормативный и сравнительный подходы. 64

Павленко В. А. Проявления когнитивно-стилевых и личностных характеристик субъекта в текстах-интерпретациях 77

- Харитонов Е.В.* Востребованность, жизненные ресурсы и адаптационные способности пожилых людей.85
- Кулагина Н.В.* Гендерные стереотипы и профессиональная мотивация мужчин, работающих в полотиичной и непототиичной сфере.92

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

- Горская Г.Б.* Психологические эффекты ранней профессионализации личности.105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Всероссийская научно-практическая конференция «Традиции и современность на Северном Кавказе: Личность как субъект организации времени своей жизни»114

РЕФЕРАТЫ116

SUMMARY120

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ123

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

.....

Н.А. Баранов¹

Переход от традиционного общества, где господствовали сакральные отношения к власти, традиции, обычаи, религия, к современному обществу, основанному на внедрении нововведений во всех областях общественной жизни, рыночной экономике, рациональном восприятии окружающего мира, демократических политических институтах, носит название модернизационного процесса. Современность XXI в. отличается от века предыдущего прежде всего вектором развития, именуемым инновационным и связанным с передовыми технологиями и формированием информационного общества.

Ряд исследователей акцентируют свое внимание на влиянии современности на развитие всех сфер жизнедеятельности общества. Недаром современное общество З. Бауман называет «обществом текучей современности» [3, с. 30]. Причем современным его делает «навязчивая, непрерывная, непреодолимая, вечно незаконченная модернизация» [3, с. 35]. Английский мыслитель связывает современное развитие с неуклонным продвижением вперед, с неспособностью останавливаться и тем более стоять на месте.

Все эти перемены находят свое отражение и в политической жизни, которая в каждой стране своеобразно отвечает на вызовы современности, исходя из социокультурных особенностей. На этом пути, как правило, происходит приспособление новых или старых социально-политических институтов и практик к изменяющимся условиям.

Некоторые российские исследователи рассматривают инновационное развитие России в качестве национальной идеи. Так Э. Паин полагает, что жизненной необходимостью обусловлено сбережение населения, сохранение целостности страны и роста ее социального и интеллектуального капитала как

¹ Баранов Николай Алексеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Эл. почта: nicbar@mail.ru

основы конкурентоспособности России в мире. «Иными словами, – пишет российский ученый, – речь идет о переходе от экстенсивной модернизации к интенсивному типу развития. А с этим переходом, в свою очередь, связано неизбежное уменьшение роли персоналистских режимов» [15].

Российская политическая элита откликнулась на определившийся тренд разработкой инновационной стратегии, предполагающей отказ от парадигмы догоняющего развития. Поиск новых резервов, связанных с переходом на новую, инновационную модель развития, заставил власть обратиться к пока еще мало востребованному потенциалу российского общества, реализация которого находится в прямой зависимости от решения социальных проблем, остающихся одним из основных препятствий для инновационной политики.

Ставка на реализацию человеческого потенциала не может быть осуществлена без большей открытости власти и общества, без активизации населения, без эффективного управления, без широких прав и свобод граждан. В то же время намеченный курс не может быть реализован без демократической институционализации, что будет предполагать неизбежную смену авторитарных тенденций в политической практике и необходимость освоения российской бюрократией демократических методов управления. Такая стратегия может быть осуществлена только в условиях открытого общества, характеризующегося эффективной конкуренцией, высокой мобильностью, критическим типом мышления, плюрализмом, свободой частной собственности и выбора альтернатив.

В современной политике неуклонно повышается значимость социальной составляющей, так как существует очевидная связь между легитимностью власти и ее социально-экономической эффективностью, благосостоянием граждан. «Процесс наделения определенными социальными правами был одним из способов, при помощи которых новые элементы политического дискурса были вписаны в социальную жизнь для того, чтобы произвести новые элементы политического порядка», – утверждает Д. Дж. Рагги [22]. Социальная политика направлена на управление социальными процессами, суть которых заключается в согласовании интересов различных социальных групп и общностей, оптимизации процессов социальной дифференциации и интеграции, удовлетворении потребностей общества, социальном развитии. Г. Авцинова акцентирует внимание также на оптимизации жизнедеятельности всех сфер общества «с точки зрения ориентации их функционирования на человеческий потенциал, повышение благосостояния, социального благополучия людей» [1, с. 59].

Но социальная политика не ограничивается только системой мер по решению социальных проблем, она охватывает и взаимоотношения между социальными группами, властью и обществом.

Исследователи чаще всего отмечают две модели социальной политики: рыночную и социально ориентированную. В первом случае государство служит посредником между рынком и населением, поддерживая социальную сферу субсидиями, налоговыми льготами, страхованием, тем самым оказывая целенаправленную помощь социальным группам, которые не могут удовлетворить свои основные жизненные потребности. Во втором случае преобладает регулируемый рынок с мощной системой социальной поддержки. Государство в этой схеме выступает гарантом удовлетворения важнейших социальных потребностей общества, а рынок служит дополнительным средством обеспечения возрастающих потребностей граждан. Причем основным субъектом социальной политики в обеих моделях выступает государство, которое является также инструментом баланса в реализации социального, экономического и правового принципов с учетом общественных потребностей.

Государство, не поддерживающее надлежащим образом науку, образование, здравоохранение, не решающее своевременно демографические и социальные проблемы, не может называться демократическим. Активная социальная политика – обязательное условие успешного развития государства. Как отмечает В. Коваленко, «в современную эпоху демократия не может восприниматься вне своих социальных измерений, равно как и вне контекста экономической эффективности, обусловленной параметрами соответствующих политических режимов» [8, с. 10]. Поэтому представляется важным введение такой характеристики демократии, которую Ч. Тилли называет потенциалом государства, или способностью государства проводить политические решения в жизнь. Потенциал государства, полагает американский ученый, определяет, в какой степени вмешательство государственных агентов в существующие негосударственные ресурсы, деятельность и межличностные связи изменяет их распределение, а также соотношение таких распределений [26, с. 32]. Высокий потенциал государства при демократическом режиме является средством решения социальных проблем и стабилизирующим фактором поступательного развития общества.

Опыт российских реформ-контрреформ и модернизации свидетельствует о том, что односторонняя либерализация без сильной социальной политики государства, без поддержки малообеспеченных слоев ведет к поляризации и расколу общества, за которыми следуют тяжелые и не слишком продуктивные контрреформы. Чтобы смягчить неизбежные колебания, грозящие серьезными внутренними и внешними конфликтами, необходимо выравнивать перекосы стихийно развивающихся рыночных отношений, осуществлять многоплановую и сбалансированную модернизацию общества.

И.К. Пантин утверждает, что «нищета – такой же серьезный враг социального прогресса и демократии, как и привилегированное богатство, что глубокое чувство самостоятельности и ответственности можно воспитать только

у свободных людей, которые, в свою очередь, единственно в состоянии обеспечить развитие современной экономики и современной политической системы» [16, с. 85]. Специфика России заключается в том, что люди могут жить в бедности и поддерживать политическую элиту, если у них сохраняется вера в дееспособность власти, в повышение уровня жизни общества. По выражению Д. Сартори, в данном случае речь идет о «позитивной политике», которой противостоит «негативная» или «негодная» политика, приводящая к всевозможным лишениям [23, с. 13].

Однако пассивность и терпение любой группы населения не беспредельны и могут привести к различным формам социального протеста как ответной реакции на неоправдавшиеся ожидания народа. Россия проходит именно такой период, когда политическая элита экзаменуется народом на способность эффективно управлять обществом. От способности власти проводить позитивную политику в значительной степени зависит будущее инновационного развития в современной России. Ошибки, допущенные российскими реформаторами в 1990-х гг., связанные с уходом государства из экономики и социальной сферы, образно охарактеризовал американский политолог Стивен Холмс, который сравнил российское общество со сломанными песочными часами: «верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими – они их просто игнорируют» [29, с. 140].

Вполне естественны на данном фоне требования граждан о возвращении государства в те сферы, которые всегда были его прерогативой. Поэтому тот политик, который смог вписаться в свойственную гражданам страны модель восприятия государства, стал популярным и востребованным обществом. С В. Путиным связывается процесс усиления государства, повышения заботы о гражданах, т.е. те ценности, которые исторически были характерны для российского народа. Поэтому легитимность президентской власти в начале XXI в. достигла колоссальной величины, что позволяет В. Путину, а также избранному при его поддержке Д. Медведеву действовать более энергично при решении политических и социальных проблем.

Высокое доверие к политическому лидеру необходимо конвертировать в реализацию социально ориентированного курса, предполагающего развитие человеческого потенциала, качества жизни людей. В данном контексте можно согласиться с Б. Межуевым в том, что легитимной властью в России может быть только успешная власть [13]. Именно у такой успешной власти имеются реальные рычаги влияния на процесс демократизации в стране, который связан как со становлением демократических институтов, так и с трансформацией социальной сферы.

В общественном сознании россиян преобладает социальная составляющая демократии. Однако социальным государство сможет стать, только решив политические проблемы демократии. Поэтому социальная и политическая со-

ставляющая взаимозависимы и социально обусловлены. Решение о необходимости расширения социальной поддержки принимается государственной властью с учетом ее политической зависимости от общества. Такую зависимость власть приобретает лишь в условиях демократии. Анализируя современную российскую демократию, В. Петухов отмечает, что, по мнению населения, главная проблема российской демократии лежит в социально-экономической сфере, в трудностях для многих реализовать свои социальные и экономические права и интересы [21, с. 31].

В современных условиях решение социально значимых проблем остается приоритетным для общества. Реализация национальных социальных проектов играет важную политическую роль в развитии демократии, так как помогает каждому человеку определиться с жизненной стратегией и расширяет его возможности.

Спрос на социальные гарантии в последние годы быстро растет, о чем свидетельствует и ностальгия по советским временам, и смещение политических симпатий влево, и социальная риторика политических лидеров. Ссылаясь на социологические исследования, Г. Кертман утверждает, что основным критерием, используемым большинством россиян при оценке власти, служит «интенсивность и эффективность государственного патернализма» [7, с. 126]. Причем люди готовы пойти на ограничение своих прав в обмен на проведение патерналистской политики.

В то же время характерной чертой посткоммунистического реформирования России стало высвобождение частного и индивидуального после засилья гипертрофированного общего. Вполне очевидно, что данным потребностям отвечала либеральная политика, которая в свою очередь разрушила соотношение общего и частного по причине абсолютизации свободы индивида. С точки зрения Ю.А. Красина, великие идеи свободы и достоинства личности не работают, потому что оторваны от российской реальности, и заработают лишь в совокупности с другими не менее значимыми ценностями – социальной справедливостью, равенством и солидарностью [11, с. 13].

Вполне очевидно, что современное государство может быть сильным, только развивая рыночную экономику, поэтому можно согласиться с Ю. Коргунюком в том, что «левое общество – это расслабленное общество. Оно не способно ни на что, кроме как плыть по течению и проедать накопленные запасы» [9, с. 160]. Однако в современных условиях наблюдается не противостояние либеральных и социалистических тенденций, а их сближение, свидетельствующее о недостаточности традиционных либеральных представлений о правах и свободах человека и гражданина для эффективной защиты интересов людей. «Без торжества либеральных идей, – отмечает председатель Конституционного Суда России В. Зорькин, – не было бы государства и социального, и правового одновременно, т.е. государства, где социальные права граждан принадлежат

им от рождения, а не даруются им сверху, и их перечень не зависит от монаршей воли...» [5, с. 13].

Современная социальная политика в России обогащается либеральными компонентами. Так, развивается не только государственное, но и негосударственное медицинское, социальное, пенсионное страхование, осуществляется монетизация льгот. В стране функционируют коммерческие и благотворительные организации, дифференцируются источники финансирования социальных расходов, диверсифицируются виды и направления социальной политики, развивается плюрализм в социальной сфере, что предполагает свободу выбора. Однако, по мнению некоторых исследователей, неолиберализация социальной политики воспринимается большей частью общества негативно, так как не соответствует его представлениям о социальной справедливости [24, с. 337].

Практически все слои российского общества сегодня беспокоит чрезмерная социальная дифференциация, несущая угрозу российской демократии, причем эта обеспокоенность только растет: в 2004 г. – 30 %, в 2006 г. – 45 % [21, с. 126]. Проведенное в апреле-мае 2006 г. общероссийское социологическое исследование по проблемам социального неравенства в контексте социально-экономической дифференциации позволило ряду ученых, политиков, экспертов сделать вывод о том, что основной задачей социальной политики является «не материальная помощь беднейшим, а преодоление чрезмерных социальных неравенств, выравнивание сильно дифференцированных социальных шансов различных групп населения» [25, с. 218].

Современные исследователи утверждают, что существует корреляция между уровнем социального неравенства и политическим режимом. Так, при высоком уровне социального неравенства возникает потребность в авторитарных тенденциях, а при низком проявляется потребность в демократии.

Тем не менее все режимы, как считает Ч. Тилли, порождают неравенство, используя для этого три возможных способа: защищая преимущества своих основных сторонников, создавая собственные системы изъятия или вознаграждения ресурсами, перераспределяя ресурсы среди сегментов подвластного им населения [26, с. 144]. Преимущество демократии заключается в защите большего числа населения посредством различных механизмов в пользу менее защищенных слоев общества.

Ю.А. Красин называет три основных фактора влияния социального неравенства на политическую сферу: поляризация общества, в котором на одном полюсе концентрируется апатия и пассивность, а на другом – стремление монополизировать сферу принятия политических решений; маргинализация общества, создающая базу для политического экстремизма; культивирование в обществе атмосферы, подрывающей устои социальной справедливости и разрушающей нравственные основы демократии. По мнению российского учено-

го, нелимитированный рост социального неравенства противоречит демократии и способствует развитию авторитарных тенденций [10, с. 39–40]. Поэтому в демократических обществах осуществляется регулирование социального неравенства, удерживающее его в допустимых пределах и амортизирующее его негативные последствия.

С этой целью научным сообществом разрабатываются различные модели, вводятся понятия, позволяющие анализировать и эффективно решать социальные проблемы. Так, английский социолог Энтони Гидденс ввел понятие социальной исключенности, под которой понимается недоступность для людей не только материальных, но и культурных благ, а также социальных услуг. Практически человек оказывается исключенным из социальной среды по причине невозможности пользоваться благами, предоставляемыми обществом. Такая ситуация приводит к радикализации общества и имеет серьезные политические последствия.

Наряду с социальной исключенностью в западной политической мысли используется понятие «политическая бедность», которое трактуется как неспособность определенных групп граждан влиять на демократический процесс, в результате чего ни общество, ни государство не слышат их голос и не решают их проблемы. Пассивное поведение таких групп воспринимается как согласие с проводимой властью политикой. С точки зрения американского политолога Дж. Бохмана, порог политической бедности проходит по линии способности/неспособности той или иной общественной группы инициировать обсуждение проблем, затрагивающих ее интересы [10, с. 41].

Оба эти понятия актуальны для России, поскольку не все слои населения могут жить полноценной жизнью и участвовать в политическом процессе, что приводит к концентрации власти у политической элиты, а также у социально и политически привилегированных групп в ущерб остальным группам населения. Один из авторитетных социальных мыслителей и исследователей современного мира М. Кастельс предположил, что «социальная сегментация и социальная исключенность, скрыто присутствующие в логике глобальной экономики, могут развиваться в России и дальше, не встречая отпора» [6].

Такие тенденции формируют авторитарный запрос у общества. Высокий уровень социального неравенства приводит к преобладанию авторитарных требований, когда люди, разочаровавшись в навязываемых демократических ценностях, стремятся переложить ответственность на других, особенно на власть, что в конечном итоге заканчивается потребностью в подчинении.

Авторитарным тенденциям способствует и характер социального контракта, заключаемого гражданами с избираемой властью. Под социальным контрактом обычно понимается некий договор между властью и обществом в отношении перспектив дальнейшего развития страны и той политики, которую власть намерена проводить. Актуальность обращения к концепции

общественного договора в современных условиях экономического и социального развития обусловлена тем значением, которое эти концепции имеют для понимания смысла и роли таких фундаментальных социально-политических категорий, как права человека, гражданское общество, социальная справедливость, собственность, рациональный выбор и др.

Одна из типологий социального контракта различает два основных вида: вертикальный (по Т. Гоббсу) и горизонтальный (по Дж. Локку). Горизонтальный вариант контракта оказался более предпочтительным для стран Западной Европы, которая выстрадала его в условиях активного противостояния власти и общества и борьбы граждан за свои права. В России, особенно в начале 2000-х гг., наметился уверенный курс на заключение вертикального контракта, суть которого заключается в согласии населения отказаться от части своих прав, нежелании самим решать свою судьбу, а вручить ее государству. Такое происходит не впервые в российской истории, и мы возвращаемся к нашему опыту. Переход к локковскому контракту возможен лишь при активизации гражданского общества, переходе от состояния подданных к состоянию граждан. Здесь встают новые проблемы, связанные с доверием, толерантностью, гражданственностью и т.д. В условиях приоритета силы государства возникает вертикальный договор, в случае приоритета гражданского общества заключается горизонтальный договор как навязывание своих условий сильного слабому. Поэтому переход в России к горизонтальному варианту возможен лишь при развитии гражданского общества.

Пока же государство определяет, какие права предоставить населению: избирать или не избирать губернаторов, какой численности должны быть политические партии, какой должен быть проходной барьер в Государственную Думу, какой должен быть прожиточный минимум и т.д. В обмен на предоставление тех прав, которые посчитает нужным государство, оно предоставляет обществу решить наиболее злободневные социальные проблемы посредством реализации национальных проектов. Общество к такой ситуации относится в большинстве своем положительно, подтверждая свое согласие на вертикальный (гоббсовский) вариант социального контракта.

Как полагает А. Аузан, вертикальный контракт в России возникает по причине неверия человека в возможность разрешения проблемы через действия самих людей без обращения к власти. «Когда вы считаете, что без письма министру внутренних дел и обращения к Президенту Российской Федерации невозможно починить канализацию в доме, у вас в стране будет вертикальный контракт», – резюмирует известный общественный деятель [2, с. 158–159].

Договор, заключаемый российской властью и обществом, имеет в своей основе различные ценностные установки. Если в 1990-е гг. преобладали ценности свободы, в начале 2000-х гг. – стабильности, то для современного договора общества с властью на первый план выходит социальная справед-

ливость, которая в системе национальных ценностей всегда занимала одно из приоритетных мест.

Политическая практика свидетельствует, что признание ценности вовсе не означает ее освоения индивидом как образца для действий или поведения. Так, в России возник феномен ценностного выбора в пользу демократии и рынка без практических последствий. С. Патрушев и А. Хлопин считают, что скептицизм россиян по отношению к новым ценностям и образцам поведения, предполагающим реализацию предоставленных прав и свобод, зачастую влечет их замену проверенными на опыте правилами и привычными способами действия, подкрепляя сомнение в пользу правомерности и пригодности гражданских прав и свобод для утверждения макропорядка, усиливая недоверие к новым институтам [18, с. 100].

Потребность в социальной справедливости возникла из-за неравенства условий в политической, экономической и социально-культурной областях жизни общества, которые дополняются ошибочно просчитанными социальными последствиями принятых законов, оторванностью их от реальной социально-экономической ситуации в обществе, несогласованностью с общественным мнением, культурными традициями, что привело к высокому социальному неравенству в обществе.

Одна из причин глубокого социального неравенства в современной России – большой разрыв в обеспеченности ресурсами у различных слоев населения. Особенно низкий уровень доступа к ресурсам характерен для молодежи, что связано с ограничениями в образовательной и профессиональной сферах. По мнению Н. Тихоновой и Н. Давыдовой, если эта задача не будет осознана как решающая предпосылка борьбы с чрезмерным социальным неравенством, Россия не сможет предотвратить угрозы формирования застойной бедности многих поколений и массовой социальной эксклюзии [27, с. 100].

«Представление о бедности не столько как о недостатке денег, сколько как о недостатке определенного рода возможностей – очень важная установка», – отмечает член Общественной палаты А. Чадаев [30, с. 96]. Принципы социального государства предполагают создание равных возможностей для всех членов общества, проведение социальной политики, признающей за каждым членом право на уровень жизни, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния человека и его семьи не только, когда он работает, но и в случае безработицы, болезни, старости, инвалидности.

Несмотря на объявленную властью войну бедности, в современной России значительная часть граждан живет за чертой бедности, причем большинство из них имеют постоянную работу. Исследователи оценивают сегодняшнее состояние России как формального социального государства на уровне первой половины 1920-х гг. [5, с. 13]. К началу XXI в. Россия накопила, по выражению В.Н. Якимца, критическую массу «несправедливых неравенств» [31, с. 114], что

дало толчок развитию социалистической идеи, в значительной степени эгалитарно решающей проблему неравенства.

Социальные проблемы не могут оставаться вне поля зрения наиболее активных субъектов современной России. Так, Русская православная церковь, объединяющая значительную часть общества, заявила о своей позиции проведением XI Всемирного русского народного собора в марте 2007 г. «Богатство и бедность: исторические вызовы России».

Проблему бедности Собор предлагает решать конкретными политико-экономическими средствами с учетом краеугольных ценностей, присущих национальной традиции. Большинству предпринимателей предлагается критически переосмыслить свой образ жизни и свое отношение к народу, вернуть себе авторитет через заботу о простых людях – не только тружениках, но и тех, кто не в состоянии себя обеспечить.

Таким образом, предпринимательская свобода связывается с системой нравственных ценностей, в которой богатство – это результат созидательного труда, а труд – долг перед Богом и людьми. Только при этом условии естественное стремление к материальному достатку уравнивается влиянием духовно-нравственных принципов.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл считает, что у России нет альтернативы модернизации, которая может решить скопившиеся социальные и экономические проблемы общества. Однако история свидетельствует, что только тогда положение реформаторов обретало устойчивость, когда реформы приспосабливали к российской специфике. Тысячелетняя история России сформировала мощный духовно-культурный код нашего народа, который направляет образ жизни отдельного человека и всего общества. Когда игнорируются традиционные ценности и тем более когда пытаются заменить их на другие, происходит отчуждение народа от политики, которая проводит подобный курс. Поэтому, делает вывод священнослужитель, реформы в нашей стране не должны посягать на культурный код России, что означает поиск при проведении модернизации страны ценностных оснований в собственной духовно-культурной традиции [4].

Решить социальные проблемы современного общества призваны различные модели, являющиеся развитием концепции социальной ответственности бизнеса. Это прежде всего концепции корпоративного гражданства и социального гражданства. Суть первой концепции заключается в ориентации корпорации не только на ее работников, но и на местные сообщества, организации гражданского общества, муниципальные власти, на тех, кто различным образом включен в орбиту деятельности данной корпорации, с кем корпорация налаживает конструктивные отношения и учитывает их интересы в своей деятельности. В результате возникает взаимосвязь корпораций и гражданского общества, способствующая сближению бизнеса с обществом.

С.П. Перегудов полагает, что отечественная «бизнес-элита и бизнес в целом открыты для социально ответственного поведения, готовы содействовать решению не только проблемы бедности, но и других социальных проблем, порождающих и усугубляющих ее» [20, с. 37]. Для создания такой атмосферы необходимы законодательные меры, которые способствовали бы перераспределению доходов и богатств в пользу беднейших слоев населения. Эти меры должны сочетаться с созданием такого взаимодействия бизнеса, власти и общества, которое поможет сделать бизнес более цивилизованным и способным на высокую общественную отдачу. Другие российские исследователи акцентируют внимание на том, что накопление человеческого капитала невозможно без колоссального развития нерыночной сферы. Так, Г. Авцинова отмечает важность не только институциональной, но и духовной легитимации предпринимательства, которая во многом зависит от социальной сферы ответственности бизнеса [1, с. 67].

Суть такого подхода можно выразить следующим резюме: разницу в доходах между богатыми и бедными нельзя сокращать за счет одной из сторон. Для эффективного решения данной проблемы необходимо улучшать положение бедных, не снижая доходов богатых, так как в противном случае в значительной степени будут лишены стимулов представители среднего и крупного бизнеса.

Концепция социального гражданства исходит из необходимости урегулирования уровня социального неравенства в обществе, что создает экономическую и социальную основу для устойчивой гражданской солидарности. Эта концепция основывается на социально ориентированной политике демократического государства, которое не допускает противостояния граждан в результате неконтролируемого роста социального неравенства.

Согласно результату исследований ИКСИ РАН, нормальная для россиян разница между бедными и богатыми, определяемая уровнем доходов, составляет 12–13 раз [27, с. 86]. Министр здравоохранения и социального развития России Т. Голикова в мае 2008 г. сообщила, что разрыв между наиболее бедными и наиболее обеспеченными группами населения составляет 22 раза [28, с. 5]. Цифры, которые привел митрополит Кирилл в своем выступлении на Соборе, сопоставимы с информацией министра – с учетом реальных доходов состоятельных граждан децильный коэффициент в России составляет 20–25, в среднем по Европе эта цифра не превышает 6–7, в США – 9 [4].

Несмотря на такую высокую степень дифференциации общества, все большее значение в современной России приобретает тенденция к социальному партнерству, способствующему преодолению неприязни между богатыми и бедными и призванному сменить систему государственного патернализма. Суть социального партнерства состоит в том, что усилия предпринимателей сосредотачиваются на создании эффективных рабочих мест и расширении на

этой основе массовой покупательной способности населения, в результате чего растет жизненный уровень всех слоев населения. По достижениям на этом поприще формируется общественная оценка предпринимателя, определяется мера его жизненного успеха. Не менее важна и обратная связь – возросшая покупательная способность населения формируется для расширения производства и соответствующего роста предпринимательской активности.

Система социального партнерства предполагает также открытость элит, создание условий для вертикальной мобильности. Способной молодежи из разных слоев населения должен быть предоставлен шанс на хорошее образование и продвижение по социальной лестнице. Общество в свою очередь заинтересовано в том, чтобы элита не была закрытой кастой, а постоянно обновлялась за счет талантливых представителей всех слоев населения. Высокая эффективность предпринимательской и трудовой активности позволяет обеспечить достойный уровень жизни людей, которые без их собственной вины (старость, болезни, увечья, сиротство и т. д.) не могут принимать активного участия в процессе общественного производства.

Снизить высокие издержки социального неравенства призваны институты гражданского общества, которые должны иметь возможность контролировать реализацию социальной политики. Политические институты не в состоянии эффективно управлять без опоры на различные слои общества и организации, их представляющие. У современных политиков такое понимание есть. Так, в марте 2008 г. при открытии Института современного развития Д. Медведев заявил, что «власть нуждается в открытом, полноценном, публичном обсуждении всех тех проблем, которые копятся в обществе, которые есть в социальной сфере, в экономике» [12].

Свободное общество может быть построено только в том случае, если в этом заинтересовано большинство. Обязанность государства – создать условия для того, чтобы от свободы выиграло максимально возможное число граждан. Право на свободу имеют не только богатые и сильные, но и бедные и слабые. Последние должны иметь шанс ее получить. Такой подход разделяют большинство современных политиков, которые ориентируются на проведение реформ в интересах всех без исключения граждан России, а не только преуспевающего меньшинства. Цивилизованное распределение национального дохода должно быть таким же приоритетом государственной политики, как и его рост.

Гражданское общество – это общество равных возможностей, основанное на принципах социальной справедливости и социальной солидарности сильных и слабых. Это означает, что важнейшим условием существования свободного общества в России является не только раскрепощение частной инициативы, но и развитая система социальной поддержки. Развитие в данном направлении, по словам российского ученого С. Перегудова, зависит от двух игроков – «госу-

дарства и бизнеса, которые в российских условиях, по сути, предопределяют и пути развития гражданского общества, и модели его политического участия» [19, с. 146]. На современном этапе оба игрока заявляют о своей заинтересованности в развитии гражданского общества.

Социально-экономическое развитие способствует увеличению числа активных образованных граждан, пополняющих ряды гражданского общества, критично воспринимающего издержки власти. Формирующиеся институты становятся симбиозом уже укоренившихся в стране западных демократических ценностей, с одной стороны, и традиционного отношения к политической жизни – с другой.

Демократические институты, уже сложившиеся в России, оставляют шанс на снижение авторитарной составляющей в политическом режиме. По мнению В. Петухова, при всем своем несовершенстве демократические институты в России «выступают противовесом окончательной узурпации власти олигархами и бюрократией» [21, с. 144]. Прежде всего, в стране созданы институты гражданского общества – политические партии, общественные объединения, основанные на самоорганизации людей. И пусть эти институты еще слабы и нуждаются в укреплении, но они уже сейчас оказывают свое влияние на власть, которая не может не считаться с их мнением, что служит основой как дальнейшей демократизации общества, так и легитимации власти.

В современной России создаются переговорные институты, основанные на трехсторонних переговорах государства, организаций гражданского общества, отстаивающих интересы наемных работников, и бизнеса. Эти неокорпоративные институты действенны при усилении организаций гражданского общества и не допускают излишней политизации переговорного процесса.

В стране функционируют институты информации, которые уже не могут быть полностью монополизированы властью, так как современные средства коммуникации невозможно полностью проконтролировать и цензурировать. Сформировался и показал свою состоятельность институт выборов как форма контроля за действиями политической элиты и школа гражданской ответственности, формирования культуры гражданственности.

Демократическая институционализация создает политические возможности для перехода на инновационный путь. Однако инновационное развитие не может не сочетаться с социальным государством, так как в основе своей связано с развитием человека. «Сбережение народа» возможно лишь при демократии. Власти крайне важно в сложившейся ситуации еще в большей степени доказать обществу свой утилитарный характер, чтобы не растерять доверие и осуществить намеченную модернизацию.

В заключение необходимо отметить, что социальное развитие России состоит в принятии обществом не только новых социально-экономических усло-

вий или формы политического устройства, но и нового типа социокультурного развития, способствующего эффективному решению современных проблем, и адаптации общества к динамично развивающемуся миру. Инновации в политической жизни невозможны, если они не будут восприняты населением. Общество отвечает на действия властей либо безмолвным молчанием, характерным для подданнической культуры, либо активным заинтересованным воздействием на властные структуры. Для решения амбициозных задач, заявленных властью, возможен только второй вариант.

Библиографический список

1. Авцинова Г.И. Анализ проблем социальной политики России // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М., 2007.
2. Аузан А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. М., 2006.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
4. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на XI Всемирном русском народном соборе. URL: http://www.vrns.ru/11_vrns/11_vrns_mitr_kirill_otkr.htm
5. Зорькин В. Стандарт справедливости // Российская газета. 2007. 8 июня.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.2084.ru/content/publications/castels_inform.zip
7. Кертман Г.А. Государственный патернализм как мера власти и политики // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.
8. Коваленко В.И. Проблемы трансформирующейся демократии в условиях новых вызовов // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 2.
9. Коргунюк Ю.Г. Бесконечно долгий левый дрейф. Российская партийная система зимой 2006/2007 г. // Полития. Зима 2006–2007. № 4 (43).
10. Красин Ю.А. Неравенство в политическом измерении // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М., 2005.
11. Красин Ю.А. Публичная политика: либеральная и коммунитарная составляющие // Дифференциация российского общества в зеркале публичной политики / под ред. Ю.А. Красина. М., 2004.
12. Медведев Д. Власть сегодня не нуждается в комплиментах. URL: <http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=157623>
13. Межуев Б. «Российское государство может быть лишь сочетанием идеократии и демократии». URL: <http://liberal-1.hosting.parking.ru/sitan.asp?Num=604>
14. Мюллер Дж. Капитализм, демократия и удобная бакалейная лавка Ральфа: Пер. с англ. М., 2006.
15. Паин Э. «Устойчивое развитие России может гарантировать только ее народ, овладевший государством и превративший его в орудие реализации общественных интересов» // URL: <http://liberal-1.hosting.parking.ru/sitan.asp?Num=625>

16. Пантин И.К. Драма противостояния демократия / либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3.
17. Пантин И.К. Судьбы демократии в России. М., 2004.
18. Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Власть и народ в России: обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006.
19. Перегудов С.П. Гражданское общество как субъект публичной политики // Полис. 2006. № 2.
20. Перегудов С.П. Социальная исключенность и «ответственный» бизнес // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М., 2005.
21. Петухов В.В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007.
22. Рагги Дж. Территориальная структура в конце тысячелетия. URL: http://wpp.philos.msu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=75
23. Сартори Д. Размышления о демократии: негодное государство и негодная политика // Международный журнал социальных наук. 1991. № 2.
24. Сересова У.И. Социальная политика: социальная справедливость vs легитимация политической власти // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М., 2007.
25. Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол.: В.А. Медведев (отв. ред.), А.К. Горшков, Ю.А. Красин. М., 2007.
26. Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
27. Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М. Социальное неравенство в России: субъективный аспект // Социальное неравенство в России: вызовы обществу и публичной политике. М., 2005.
28. Факты – упрямая вещь // Аргументы и факты. 2008. № 18.
29. Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. 1997. № 4.
30. Чадаев А. Путин. Его идеология. М., 2006.
31. Якимец В.Н. О переформировании подхода к социальной справедливости в России // «Актуальные левые» в международном и российском политическом контексте: Сб. ст. / под ред. Л.В. Сморгунюва. СПб., 2007.

ИМИДЖ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

.....

В.В. Элеменкина¹

Местное самоуправление можно назвать одной из несущих опор гражданского общества. Самоуправление – самый близкий к людям институт публичной политики. Субъектами местного самоуправления выступают местные сообщества, к отличительным признакам которых относится территориальная идентичность, чувство сопричастности и ответственности за происходящее в сообществе. Именно по состоянию городов, поселений можно судить об общем уровне развития регионов и страны в целом.

Феномен локальной политики представляет собой довольно широкое предметное поле, еще не вполне освоенное российской политической наукой. Территориальное измерение политики позволяет находить новые, иногда неожиданные объяснения сложных политических процессов (например, электро-ральных расколов). Как показывают многие исследования, территориальная идентичность на Юге России выражена сильнее, чем в других регионах страны. В населенных пунктах региона сохранены плотные сети межличностных отношений. Существует позитивный исторический опыт самоорганизации сообществ. Политические лидеры местных сообществ были и остаются одним из основных источников рекрутирования региональной и федеральной политических элит.

Реализация основных положений Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» привела к изменению топологии регионального политического пространства. На локальном уровне за сравнительно короткое время сформировался слой значимых политических игроков, обладающих значительным влиянием на политическую жизнь и достаточно высоким человеческим, социальным и политическим капиталом. Муниципальные выборы стали необходимым этапом работы не

¹ Элеменкина Валентина Владимировна – аспирантка кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: elemenkina@rambler.ru

только государственных структур, но и политических партий. Большинство партийных руководителей понимают, что и выживание, и границы самостоятельности их организаций кроются именно в муниципальных выборах. Итогом конкуренции различных стратегий стали выявившиеся противоречия между общественными интересами, интересами местных сообществ и личными интересами политического и экономического выживания, подмена реальных действий PR, что в ряде случаев привело к возрастанию социальной деструкции, снижению управляемости, росту протестных настроений.

Реализация национальных и региональных проектов неизбежно стимулирует атмосферу конкуренции между административно-территориальными единицами (как между субъектами Федерации, так и между муниципальными образованиями), которые вынуждены бороться за получение ресурсов из бюджетов более высокого уровня. «Подобная активность предполагает позиционирование данного муниципального образования среди других, конкуренцию между ними, а это, в свою очередь, требует конструирования определенного образа данного муниципального образования, артикуляции его особенности (самости)» [16, с. 28]. Формирование локальной идентичности, конструирование и продвижение имиджей муниципальных образований (далее МО) становятся важнейшими целями информационной политики представительных и исполнительных органов местного самоуправления.

В современном обществе складываются новые формы социальной коммуникации, новые стили жизни, причем, как и предсказывал Ю. Хабермас в теории коммуникативного действия, акценты объективно смещаются с экономической на коммуникационную, культурную, информационную сферы, именно они становятся источниками социального прогресса [18]. Так, характеризуя силу современных государств, Дж. Най употребил термин «мягкая сила» государства, которая, на взгляд автора, основывается на привлекательности культуры, ценностей, политических и социальных программ [22, с. 46]. Иначе говоря, в то время как жесткая власть представлена ресурсами, которые позволяют заставлять других делать то, что необходимо государству, мягкая сила основана на симпатии, притягательности «положительного примера». Применяя этот тезис к уровню муниципальных образований, приходим к осознанию того, что образы МО, конструируемые самим населением, деловыми партнерами, населением региона и страны, региональными и федеральными органами власти, могут или предоставлять дополнительные возможности, или создавать серьезные препятствия для реализации интересов данного МО.

Многофакторная составляющая имиджа муниципального образования включает в себя исторические, политические, социальные и культурные аспекты. Структурная база, проективные рамки образа того или иного муниципального образования в сознании не только его жителей, но и населения региона,

страны в результате информационных интеракций закрепляются в системе локальных ценностей.

На актуализацию определенных образов МО в сознании людей влияют следующие основные факторы:

- географические, определяющие сумму представлений о локализации муниципального образования и его природных особенностях – рельефе, климате, флоре, фауне и т.п.;
- культурные, охватывающие сумму представлений, связанных с совокупностью материальных и духовных ценностей, созданных людьми в пределах данного муниципального образования;
- этнические, включающие сумму представлений о населяющих муниципальное образование этнических группах;
- исторические, включающие ассоциативные представления, связанные с историческим процессом развития данного местного сообщества [7].

Имидж муниципального образования определяют основные элементы его структуры и комплекс имиджеобразующих факторов.

Естественно, этот комплекс будет уникален для каждого МО. Но в то же время можно выделить общие элементы комплекса (мы проиллюстрируем их примерами из практики формирования имиджа Астрахани):

- природно-климатические особенности (так, например, цветущий лотос – своеобразный символ Астрахани, он зафиксирован на рекламной продукции, а лotosовые поля привлекают большое количество туристов в дельту Волги);
- состояние экономики, инвестиционные возможности, международные и межрегиональные связи (город участвует в разнообразных программах сотрудничества государств Каспийского региона и играет важную роль в геополитических процессах);
- состав и особенности населения, его этнические и конфессиональные характеристики (Астрахань – поликультурный город, в котором живут представители десятков этносов, к наиболее крупным этническим группам относятся русские, татары, казахи, азербайджанцы, армяне, чеченцы; город является своеобразным перекрестком всех мировых религий [3]);
- историко-культурные традиции (неотъемлемая часть имиджа Астрахани – белокаменный Кремль, с городом прочно связаны имена таких деятелей культуры, как В. Хлебников и Б. Кустодиев; последний писал: «У меня и душа-то по природе астраханка» [3, с. 155]);
- состояние местного самоуправления, деятельность органов представительной и исполнительной власти и их лидеров (именно в Астрахани создан один из первых в стране Фонд развития местного самоуправления как реальный институт межсекторального взаимодействия).

Благоприятный имидж МО должен отвечать следующим требованиям:

- быть адекватным, т.е. соответствовать специфике или реально существующему образу, быть целостным, реалистичным и непротиворечивым;
- быть оригинальным, т.е. отличаться от других, особенно однотипных имиджей;
- быть пластичным, т.е. не устаревать, быть вариативным, способным подстраиваться под различные жизненные ситуации;
- иметь целевую аудиторию, быть привлекательным для определенных групп людей, от которых зависит благоприятное развитие территории [6, с. 12].

Имидж муниципального образования выполняет ряд важных социальных функций.

Первая основная функция – это фасилитация общения и интересубъектного взаимодействия различного масштаба, а также ускоренный обмен информацией. Имидж – это носитель колоссального объема и формальной, и оценочной информации о муниципальном образовании. От имиджа во многом зависит инвестиционная привлекательность муниципальных образований. Высокий инвестиционный рейтинг Краснодарского края, к примеру, не в последнюю очередь определяется представлением инвестиционных проектов городских и сельских муниципальных образований на различных выставках и форумах. Сельский Тимашевский район края ассоциируется сегодня с крупнейшими реализованными инвестиционными проектами «Нестле» и «Бондюэль» [2].

Вторая основная функция – социально-групповая идентификация. Структура социальной идентичности включает не только когнитивный компонент (процесс и результат самокатегоризации, понимания человеком себя в терминах соотношения с определенной социальной группой), но и аффективные и поведенческо-регулятивные компоненты – от чувства любви к малой родине, готовности разделять практики, принятые в сообществе, до обязательств совершать поступки, вытекающие из ценностей, разделяемых данной группой [17]. Локальную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности [8; 21]. Территориальная идентичность – это переживаемое и/или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность. Она связана с установками воспринимать, интерпретировать и оценивать определенным образом социальные ситуации и события.

Исследование, проведенное краснодарскими и ставропольскими учеными и основанное на интерпретации серии фокус-групповых интервью, показало, что локальная идентичность как общее чувство сопричастности может реализовываться через идентификацию с отдельными элементами (малой родиной – местом рождения, особенностями ландшафта и климата, значимыми исто-

рико-культурными событиями, известными личностями, экономической специализацией территории, особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения) [12].

Анализ данных позволил выявить важные дифференцирующие факторы локальной идентичности: тип населенного пункта (краевой центр, курортный город, сельский населенный пункт), уровень социальной напряженности в муниципальном образовании и возраст респондентов. Вместе с тем эти факторы следует соотносить с реальным уровнем социально-экономического благополучия поселений в рамках системного подхода. Так, сравнение фокус-групповых интервью в сельских населенных пунктах (станция Ленинградская и село Кочубеевское) показывает, что социальное благополучие определяет особенности восприятия факторов идентификации («Это зависит от благополучия того места, где ты живешь. Если ты его нашел – это благополучие, тебе хорошо и детям твоим хорошо. Люди уезжают из-за того, что нет благополучия») [12, с. 738–739].

Третья социальная функция имиджа – социализация или ресоциализация. Имидж выполняет важнейшую инструментальную роль в проведении символической политики [1], или «символического менеджмента» (центр и региональные идентичности) на уровне МО. Под символической политикой понимается особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством символов. Она зачастую служит эмоционально-смысловой связкой для многообразных элементов общественной жизни. Символическая политика выполняет следующие основные функции в общественно-политической жизни: ритуализация (упорядочение) массовых действий, контроль за массовыми эмоциями в ситуации социальных стрессов, придание общественно-политическому опыту позитивно-эмоционального содержания [11, с. 46]. Механизм символизации позволяет осуществлять семантическую обработку информации молниеносно и бессознательно. Символы и символические процедуры призваны укреплять в населении уверенность, что власть справляется со своими задачами. По мнению ряда исследователей [13], символическая репрезентация локальных сообществ и дискурсивные практики, связанные с ней, являются теми четко фиксируемыми эмпирическими факторами, которые могут указывать на степень политизации местных сообществ.

Функция идеализации призвана обеспечить режим наибольшего благоприятствования восприятию образа страны, проецируя на целевые аудитории те ее характеристики, которые наиболее предпочтительны. Образ Санкт-Петербурга как Северной Венеции, музея под открытым небом призван прежде всего способствовать привлечению российских и иностранных туристов.

Важнейшая функция имиджа – конструирование модели презентации муниципального образования и его лидеров, создание репутации МО в регионе и

в стране в целом (а в некоторых случаях и в международном сообществе, в качестве примера можно привести Сочи, ставший столицей зимней Олимпиады 2014 г.). Это связано с номинативной функцией имиджа – обозначением МО в среде других муниципальных образований, его выделением, дифференциацией, отстройкой от других.

В современном понимании имидж муниципального образования – это не просто результат или следствие многих факторов локального развития (политического, экономического, социально-культурного и т. п.), но и активный инструмент преобразований, повышения статуса и престижа данной территории, ее инвестиционной привлекательности. Несмотря на то что имидж является по сути своей переменной, гибкой характеристикой, его пластичность не безгранична. Поэтому муниципальные образования постоянно сталкиваются с необходимостью формирования собственного имиджа в соответствии с динамикой развития, ценностных ориентаций, установок и ожиданий потребителей данной территории. Они способны меняться как при смене ситуации, так и вследствие целенаправленной работы PR-структур.

Имидж территории формируется через комплекс социально-экономических, политических, правовых, научно-технических и других действий и акций, направленных на развитие деловой, социально-экономической, культурной жизни территории, соответствующей инфраструктуры. Существует ряд стратегий работы с имиджем территории, каждая из которых целесообразна в конкретных условиях существования муниципального образования, при определенном состоянии его имиджа и в зависимости от целей его изменения. В современной имиджологии сформировалось научное направление, связанное с прикладными аспектами исследования имиджа территориального субъекта, однако все описанные имидж-стратегии и имиджевые технологии, как правило, носят уникальный характер и тесно связаны со спецификой территории и ее имиджеобразующими факторами [5; 7; 19].

Город многих возможностей: кейс Красноярск

Большая работа по формированию имиджа Красноярск ведется внутри города. Самыми удачными проектами, на которые откликнулись многие горожане, можно назвать трассу оздоровительного бега «Стартуют все» (образ спортивного города) и участие граждан в обсуждении Генерального плана застройки города (одновременно образ благоустроенного города и развитого гражданского общества). Положительную реакцию горожан вызвала и акция «Мой красноярский двор», когда жители сами предлагали проекты обустройства своих дворов и детских площадок [15].

Красноярск в других регионах известен благодаря местной культуре и спорту. По данным опроса «Известий», популярности Красноярск обязан: В. Астафьеву, Д. Хворостовскому (за рубежом он позиционируется не как красно-

ярец, а как россиянин), Ансамблю танца Сибири, Свободному балету Валерия Терешкина, хоккейному клубу «Енисей». Почему-то никто из опрошенных красноярцев не вспомнил о такой удачной миссии, как Дни Красноярска в Санкт-Петербурге. Хотя там это мероприятие принесло ожидаемый эффект – о Красноярске говорили газеты, говорили питерцы [10].

Новым структурным элементом имиджа Красноярска стал созданный в этом городе первый федеральный университет – Сибирский. В состав СФУ вошли четыре вуза: Красноярский государственный университет, Красноярский государственный технический университет, Красноярская государственная архитектурно-строительная академия, Государственный университет цветных металлов и золота. В настоящее время в составе СФУ 35 научно-инновационных подразделений, среди которых НИИ, КБ, центры коллективного пользования оборудованием, НОЦ, лаборатории, инновационные центры, технопарки, центры трансфера технологий, опытные производства и др. Число студентов очной формы составляет более 30 тыс. чел. За два года развития СФУ в 4 раза увеличился объем средств, заработанных на выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В Сибирском федеральном университете создан один из первых в стране эндаументов – Фонд целевого капитала развития университета.

Преодоление негативного имиджа: кейс Тольятти

Яркий опыт использования технологии Интернет-PR для преодоления негативных стереотипов в имидже имеет город Тольятти. Доминирующее положение в имидже Тольятти занимает ВАЗ – градообразующее предприятие, это популярная в России продукция, которая есть практически в каждом городе. Каждый третий житель Самарской области и Тольятти – либо работник ВАЗа, либо так или иначе связан с этим предприятием.

ВАЗ принес городу и определенные плюсы и определенные минусы. Так, в начале 1990-х гг. ВАЗ стал зоной борьбы различных интересов. События, происходившие с ВАЗом, закрепили за Тольятти одну из серьезных негативных составляющих его имиджа – имиджа одной из «криминальных столиц» России. И еще один негативный фактор для имиджа Тольятти – тень Б. Березовского, бизнес которого в свое время был плотно связан с ВАЗом, начавшим тогда формирование компании «АВВА», и теперь любое упоминание Березовского и его бизнеса отражается на ВАЗе, а через ВАЗ – на Тольятти.

Поэтому перед мэрией встал задача – расширить образ города, показать, что в городе существует много того, что делает его самостоятельной единицей.

В марте 2002 г. был создан специальный информационный канал – пресс-центр Тольятти в Интернете – информационная площадка, дающая журналистам и другим заинтересованным лицам оперативную и достоверную мак-

симально полную информацию о городе. Пресс-центр начал работать в двух направлениях: как самостоятельный сайт, который постоянно обновлялся и дополнялся по ключевым направлениям: развитие общества, новые технологии, инициативы и работа власти и т. д., и через адресную рассылку, постоянно контактируя с основными представителями СМИ, с представителями агентств в Москве.

Главный результат этого проекта – вычленение в СМИ имиджа города из имиджа ВАЗа, их разделение. Сейчас в Интернете основной составляющей имиджа Тольятти становится культура и социальная политика. Бизнес становится важной составляющей современного имиджа города, которая формировалась на основе публикаций об экономическом сотрудничестве города со странами дальнего зарубежья и промышленными выставками и ярмарками. Пока эта информация имеет скорее презентационную направленность, чем реальную практическую, но общее количество сообщений свидетельствует о возможности достаточно быстрого роста этой новой имиджевой составляющей.

Когда была представлена развернутая информация о Тольятти и получатели поняли, что на сайте размещено много информации, связанной с бизнес-активностью, инвестиционной политикой, культурой, образованием и многими другими сферами, поступило предложение от Интерфакса открыть корпункт в Тольятти. РИА «Новости» стало официальным партнером проекта «Тольятти в ИнтернетЪ». Что касается адресного размещения, в результате работы проекта в СМИ вышло не менее 900 позитивных сообщений о Тольятти, поступивших по этому каналу из Тольятти в Москву. 70 % сообщений о Тольятти в Интернете носят положительную окраску, 17 % – негативную, 13 % – нейтральную. Соотношение позитива и негатива значительно изменилось [14].

Брендинг муниципального образования: кейс Астрахани

450-летие Астрахани в октябре 2008 г. стало не только значимым событием для Юга России, но и PR-проектом в масштабах России, связанным с созданием бренда территории и формированием позитивного имиджа города Астрахани и Астраханской области. Сложность проблемной ситуации заключалась в том, что создание бренда Астрахани происходило в жестко сегментированной территориально-маркетинговой среде, где лидирующие позиции традиционно занимают конкурирующие между собой Ростовская область с городом Ростов-на-Дону и Краснодарский край с городами Краснодар и Сочи.

Важно отметить, что современные территориальные бренды отличаются от брендов традиционных своим событийным наполнением. Для современных брендов интенсивная жизнь региона является не только PR-составляющей, способом подачи региона, но и содержанием этого бренда. Именно событийная насыщенность жизни муниципального образования, ее согласованность

с ритмом жизни других территорий и ритмом жизни происходящего вне этой территории, по сути дела, поднимает муниципальное образование над своим конкретным географическим местом и положением. Поэтому при разработке бренда Астрахани субъектами политического управления – региональными и муниципальными органами власти – была выбрана *стратегия использования памятных событий*.

Основой для выделения ключевых свойств бренда Астрахани стали традиционные историко-культурные очертания города, с его неповторимой конгломерацией и самобытной архитектурой, связанные со становлением российской государственности. Символические названия Астрахани – Рыбацкая столица, Ворота в Каспий, Волжская Венеция точно отражают географическое и экономическое положение города-форпоста, города-транзита, где пересекаются важнейшие водные и сухопутные магистрали.

Формирование стратегического имиджа Астрахани стало приоритетным направлением в Стратегии социально-экономического развития Астраханской области, которое получило название Проекта развития городской среды Астрахани. Данный проект является сопровождающим для всех остальных проектных линий (стимулирование роста добычи газа и нефти в Волго-Каспийском бассейне, развитие транспортных инфраструктур, модернизация рыбопромышленного комплекса и АПК, формирование туристического кластера и развитие судостроения, совершенствование государственного управления и бюджетной политики) в качестве условия и инфраструктуры для их успешной реализации. На первом этапе проекта были поставлены задачи преимущественно по инженерной и отчасти планировочной реконструкции, на втором этапе предполагалось становление целевой культурной политики, формирующей гуманитарную, рекреационную и образовательную инфраструктуру города.

Использование событийной логики позволило региональным и муниципальным органам власти привлечь необходимое внимание к территории, а также создать ситуацию первоначальных вложений (с национального и меж-дународного уровней) в инфраструктуру города Астрахани и области. В 2005 г. Указом Президента РФ «О праздновании 450-летия основания города Астрахани» юбилею был присвоен статус федерального, что позволило профинансировать из федерального бюджета строительство и реконструкцию городских объектов. Среди наиболее важных объектов строительство спортивно-зрелищного комплекса «Звёздный», отвечающего современным требованиям, и нового Музыкального театра – «астраханского Ла Скала».

Для оперативного принятия управленческих решений и контроля за ходом подготовки юбилея была создана автоматизированная система управления мероприятиями, проводимыми к 450-летию основания г. Астрахани (<http://www.450.asru.ru>). В нее заносились все данные по объектам и мероприятиям

по подготовке к празднованию. На сегодняшний день в автоматизированной системе хранится информация более чем по 350 мероприятиям и объектам.

Грамотное планирование и использование информационного маркетинга в PR-кампании по празднованию 450-летия г. Астрахани позволило «раскрутить» астраханский бренд на национальном и международном уровне. Информационный маркетинг, как правило, предусматривает регулярные публикации о территории, подготовку специальных информационных и презентационных документов; распространение информации о данной территории по официальным каналам; проведение семинаров, миссий, презентаций МО, участие (проведение) в ярмарках и выставках и т.д. Так, в мае 2008 г. были организованы Дни Астраханской области в Москве, в состав делегации вошли губернатор А. Жилкин, депутаты от города и представители бизнеса. В первую неделю октября 2008 г. была проведена Межправительственная экономическая конференция прикаспийских государств, в которой где приняло участие руководство пяти прикаспийских государств и бизнесменов, заинтересованных в экономических проектах в регионе Прикаспия. Конференция стала ключевым экономическим событием для стран Прикаспийского бассейна, площадкой для обсуждения и формирования программы действий по реализации долгосрочных инвестиционных, экономических, транспортных и экологических программ Каспия. В программе мероприятия было запланировано обсуждение таких важных для всех стран – участниц конференции геостратегических направлений, как: развитие межгосударственного экономического сотрудничества, перспективы развития нефтегазотранспортной инфраструктуры, экологическая безопасность Каспия.

В проведении 450-летия Астрахани приняли активное участие первые лица государства, в частности, премьер-министр В. Путин, министр культуры А. Авдеев, председатель Совета Федерации ФС С. Миронов, глава Сбербанка Г. Греф. Самым важным итогом пребывания в регионе членов кабинета министров страны можно считать тот факт, что на самом высоком уровне принято решение о формировании программы дальнейшего развития Астрахани как каспийской столицы России на 2009–2011 гг.

Брендинг Астрахани заложил основу серьезным преобразованиям в формировании инвестиционно-привлекательного имиджа территории. Так, 4–7 февраля 2009 г. в штаб-квартире Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в Париже состоится презентация Астраханской области. Цель мероприятия – привлечь внимание широкой зарубежной общественности к Астраханской области, в первую очередь как к региону привлекательному с точки зрения научно-познавательного туризма.

На презентации планируется проведение выставки историко-культурного и природного наследия Астраханской области, научно-практического семинара

по вопросам археологии, а также выступление астраханских творческих коллективов.

Основным лейтмотивом мероприятия станет презентация Астраханского кремля – жемчужины русской архитектуры середины XVI в., который в настоящее время проходит необходимые процедуры по включению в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В рамках презентации предполагается подписание соглашения о сотрудничестве между Правительством Астраханской области и ЮНЕСКО.

По словам губернатора Астраханской области, 450-летие стало «главным событием 2008 г., которое значимо не только в масштабе одного года, но и многих десятилетий. Всего за два года привлечено более 110 млрд р. инвестиций – это средства бюджетов всех уровней и частные капиталовложения». Таким образом, брендинг одного города на основе планомерного и системного изучения состояния и тенденций развития территории и принятия рациональных решений руководителей регионального и/или местного уровня и предпринимателей позволил направить усилия на создание и поддержание престижа области в целом, а также привлекательности сосредоточенных на ней ресурсов производства и возможностей для их реализации и воспроизводства.

Все три рассмотренных кейса связаны с крупными городскими муниципальными образованиями, обладающими комплексами важных имиджеобразующих факторов. Значительно сложнее выстраивать и реализовывать стратегии продвижения имиджа в экономически депрессивных городах, районах и поселениях. Вместе с тем без изменения имиджа невозможно реализовать программы развития таких муниципальных образований [4; 9].

Процесс управления имиджем муниципального образования начинается не с разработки конкретных технологий. Он осуществляется на основе уже сформулированных философии, миссии и стратегии развития территориального образования. Все это формулируется в стратегическом плане развития муниципального образования. Анализ электронных ресурсов регионов ЮФО показал, что процесс разработки стратегий развития МО запущен, но он нуждается в солидной экспертно-консультационной поддержке. Многие МО не имеют ресурсов для привлечения такой поддержки, а документы, которые создаются самостоятельно, скорее похожи на планы советской эпохи, чем на программы стратегического развития.

Нужны более конкретные характеристики взаимовосприятия, отражающие относительно автономные ценности локальной субкультуры. Необходимо построение модели имиджа, наполнение ее конкретной информацией о муниципальном образовании, четкая идентификация целевых групп внутренней и внешней общественности.

Труднорешаемой проблемой остается пока ресурсное обеспечение PR-деятельности на уровне муниципальных образований. Существует дефицит ресурсов организационных (далеко не во всех органах исполнительной власти МО есть структурные подразделения по связям с общественностью, в лучшем случае эти функции выполняют пресс-секретари), кадровых ресурсов (сотрудники, занимающиеся связями с общественностью, как правило, не имеют специального образования и в большинстве случаев действуют ситуативно, реактивно, а не проактивно), концептуальных ресурсов (стратегическое планирование PR-деятельности скорее исключение, чем правило, грамотная экспертиза проблем не ведется, крайне редко проводится оценка эффективности проводимой работы).

Необходимо создание эффективного механизма координации действия различных органов муниципальной власти, региональных властных структур и бизнес-структур, влияющих на формирование представлений о муниципальном образовании во внутренней и внешней среде.

Библиографический список

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002.
2. Андрианова Н.А. Социально-экономическая характеристика Краснодарского края и имиджеобразующие факторы // Публичная сфера в современной России: правовые основы и политические практики. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
3. Астрахань – XXI век: социокультурная регионалистика. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007.
4. Бикметов Р.М. Особенности политического самосознания депрессивного региона // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999.
5. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003.
6. Кирдин В. Имидж регионов: базовые определения // Publicity. 2006. № 1.
7. Кирюнин А.Е. Имидж региона как интериоризация культуры. М.: Университет, 2000.
8. Колосов В.А. Территориальная идентичность и межэтнические отношения: на примере восточных районов Ставропольского края // Полис. 2001. № 2.
9. Кравченко П.В., Пунина К.А. Городской район как потенциальное сообщество: факторы актуализации // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2008. № 2 (4).
10. Марьялова Д. Создание положительного имиджа Красноярска // Известия. 2003. 5 нояб.
11. Миронцева С.А. Символическая политика в формировании местного сообщества // Человек. Сообщество. Управление. Развитие местных сообществ: теория и практика. Приложение. 2006.

12. Морозова Е.В., Улько Е.В., Зинев С.Н. Локальная идентичность и готовность субъектов к социально-преобразовательной деятельности // Национальная идентичность России и демографический кризис: Матер. Всерос. науч. конф. М.: Научный эксперт, 2007.
13. Назукина М.В., Сулимов К.А. Символическая репрезентация локальных политических сообществ: Пермский край и Свердловская область // Политическая наука. 2008. № 3.
14. Озерова Е.А. Опыт использования технологии интернет-PR для преодоления негативных стереотипов в имидже города. URL: Сайт «PR.ru», <http://www.pr.ru>.
15. Официальный сервер города Красноярска. URL: <http://www.admkrsk.ru>
16. Панов П.В. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. 2008. № 3.
17. Подольская Е.А. Ценностные ориентации и проблема активности личности. Харьков: Основа, 1991.
18. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: лекции и интервью. М.: КАМИ, 1992.
19. Черная И.П. Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 4.
20. Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2003.
21. Шматко Н.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4.
22. Nye J. The Power of Persuasion: Dual Components of US Leadership // Harward International Review. 2003. Winter.

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

.....

О.А. Калашникова¹

Процесс реформирования системы местного самоуправления в РФ ставит ряд серьезных проблем перед теоретиками, законодателями и практиками. Эти проблемы нуждаются в специальном анализе – только так можно будет выработать адекватные и эффективные практические меры для их разрешения. Одна из таких мер – принятие Указа Президента РФ № 607 от 28 апреля 2008 г. «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [8] (далее – Указ). В нем утверждена специальная методика анализа, предназначенная для определения «единых методических подходов к организации мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления для оценки эффективности расходования бюджетных средств; динамики изменения показателей, характеризующих качество жизни; уровня социально-экономического развития муниципального образования; степени внедрения методов и принципов управления, обеспечивающих переход к более результативным моделям муниципального управления» [8].

Экономический словарь относит **эффект, результативность процесса, операции, проекта** определяет как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обеспечившим его получение. **Эффективность** еще можно представить как уровень соответствия результатов какой-либо деятельности поставленным задачам. Методика анализа эффективности деятельности органов местного самоуправления, утвержденная Указом Президента РФ, включает не только количественные показатели развития муниципального образования (а их около 30). В ней также представлены и качественные характеристики: удовлетворенность населения качеством медицинской помощи, качеством дошколь-

¹ Калашникова Оксана Александровна – аспирант кафедры государственной политики и государственного управления КубГУ, главный консультант управления по работе с обращениями граждан администрации Краснодарского края. Эл. почта: klshn@mail.ru

ного образования, общего образования и дополнительного образования детей; деятельностью органа местного самоуправления городского округа (муниципального района), в том числе и их информационной открытостью.

Эти данные органы государственной власти субъекта РФ обязаны ежегодно представлять в сводном докладе и размещать их для общего доступа в сети Интернет. Количественные данные, полученные в результате применения данной методики, позволяют определять зоны, требующие приоритетного внимания органов местного самоуправления и государственной власти субъектов РФ. В то же время возникает ряд вопросов, связанных с применением качественных показателей.

Во-первых, нет четкого описания механизма, методов и порядка проведения исследования общественного мнения в муниципальных образованиях.

Во-вторых, не только удовлетворенность населения качеством медицинского обслуживания и дошкольного образования определяет успех проводимых в области местного самоуправления преобразований.

В-третьих, пока не ясно, какие критерии будут предложены населению муниципальных образований для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

В-четвертых, что имеется в виду под формулировкой «показатель информационной открытости муниципального образования»? В настоящее время прослеживается интерес к вопросу повышения уровня открытости и прозрачности деятельности органов государственной власти и муниципальных органов. Решению данного вопроса будет способствовать принятие Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Однако, по данным зарубежных социологов, исследующих качественные характеристики информационной открытости деятельности органов власти различных стран, из 103 стран Россия занимает 74-е место (между Польшей и Саудовской Аравией) [6, с. 76]. Низкая степень информационной открытости дополняется низкой степенью объективности информации, предоставляемой органами местного самоуправления населению.

В этой связи большое значение приобретает поиск таких источников информации, которые позволяли бы дать наиболее объективные представления о качестве муниципального управления и эффективности деятельности органов местного самоуправления. В качестве одного из таких источников может быть использован количественный и качественный анализ обращений граждан в органы местного самоуправления и органы государственной власти субъекта РФ. Данный анализ служит не только средством социальной диагностики потребностей населения и настроений в местном сообществе, но и одним из индикаторов оценки решений, принимаемых на местном уровне.

Право граждан на обращения во властные структуры закреплено не только во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ч. 1 ст. 21) [1] и Конституции РФ (ч.1 ст.31) [3]. Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» определяет институт обращения как форму участия населения в решении вопросов местного значения, а Федеральный закон № 59-ФЗ от 2 мая 2006 г. [7] регулирует помимо права граждан на обращение порядок и сроки их рассмотрения. К.В. Подъячев определяет институт обращений как форму гражданского или партисипаторного участия, разграничивая его с формой участия политического, которое, по его мнению, непосредственно связано с логикой господства-подчинения [5, с. 69]. Он считает, что участие политическое атрибут не столько демократии, сколько структур публичной власти, высшей из которых является государство. Гражданское же участие можно определить как «активность граждан, направленную на процесс принятия решений органами государственной власти и местного самоуправления в целях реализации своих прав и интересов» [5, с. 70]. Это участие находится в ценностной области и повинует логике взаимодействия-компромисса [5, с. 72]. Таким образом, обращения граждан – это форма именно гражданского участия, которая в современном обществе становится не только средством самозащиты, но и формой реализации права граждан на участие в управлении делами государства, указывая субъектам управления на свои потребности. Для современного демократического общества «нужны граждане не запуганные, а готовые стоять на своем и заставляя с собой считаться, когда под угрозой находятся базовые ценности» [2, с. 60], интересы, потребности как личные, так и общественные.

Таким образом, посредством обращения, у граждан появляется канал влияния на процесс принятия решений в органах местного самоуправления и органах государственной власти субъектов РФ. А количество обращений, направленных в органы власти по вопросам, не соответствующим их компетенции, характеризует качество муниципального управления.

Данные анализа письменных обращений, поступивших в администрацию Краснодарского края в 2007–2008 гг., позволяют представить объективную картину тех проблем, с которыми столкнулись муниципальные образования в процессе проведения муниципальной реформы (см. таблицу). Так, например, в 2007 г. в администрацию Краснодарского края поступило 26 235 письменных обращений (предложений, заявлений, жалоб), за 9 месяцев 2008 г. – 20 973 [4]. В 2007 г. 58 % из поступивших обращений посвящены вопросам местного значения, за 9 месяцев 2008 г. – 62 %. При более детальном анализе тематики данных обращений можно провести параллель с полномочиями, возложенными на муниципальные образования Федеральным законом № 131.

Как показывают приведенные в таблице данные, наибольшее число обращений поступают по вопросам, касающимся жилищного хозяйства, 21,86 % и 23,26 % в 2007 и 2008 гг. соответственно. Это вопросы владения, пользования и

Тематика обращений граждан, поступивших в администрацию Краснодарского края
в 2007–2008 гг.

Тематика	2008 г.		2007 г.	
	кол-во	%	кол-во	%
Жилищное хозяйство	3027	23,26	3382	21,86
Коммунальное и дорожное хозяйство	2311	17,76	2584	16,71
Социальное обслуживание населения	1337	10,27	1694	10,95
Здравоохранение	779	5,99	1204	7,78
Земельные вопросы	795	6,11	939	6,07
Архитектура	608	4,67	621	4,01
Образование	409	3,14	376	2,43
Транспорт	266	2,04	269	1,74
Административно-организационные	261	2,01	250	1,62
Вопросы отдыха	245	1,88	345	2,23
Бытовое обслуживание населения	156	1,20	240	1,55
Культура	52	0,40	76	0,49
Физкультура	47	0,36	124	0,80
Охрана окружающей среды	85	0,65	102	0,66
Вопросы связи	46	0,35	55	0,36
Сельское хозяйство	148	1,14	197	1,27
Строительство	252	1,94	410	2,65
Финансирование	282	2,17	347	2,24
Прочие	1909	14,67	2253	14,57
<i>Всего поступило</i>	13015	100,00	15468	100,00

распоряжения муниципальным имуществом, в том числе и организация учета граждан, нуждающихся в предоставлении жилья, улучшения жилищных условий, строительства и содержания муниципального жилищного фонда, организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведение, снабжение населения топливом и т.д. Коммунальное и дорожное хозяйство объединяет вопросы организации сбора, вывоза и утилизации бытовых отходов, освещения улиц, содержания и строительства автомобильных дорог местного и районного значения, мостов и иных транспортных сооружений. К вопросам социального обеспечения населения отнесены оказание материальной помощи населению из бюджетов муниципальных образований, из внебюджетных фондов и за счет спонсорских средств, а также оказание содействия в установлении согласно федеральному закону опеки и попечительства над нуждающимися в этом жителями муниципальных образований. Вопросы архитектуры связаны с утверждением схем территориального планирования, генеральных

планов поселений, городских округов, муниципальных районов, правилами землепользования и застройки и т.д. Бытовое обслуживание населения – это прежде всего организация библиотечного обслуживания населения, торговли, общественного питания, организация ритуальных услуг, содержание мест захоронения и т.д. Административно-организационные вопросы касаются установления, изменения, отмены местных налогов и сборов, организации управления, работы местных администраций и т.д.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что более 50 % поступивших в 2007–2008 гг. в администрацию Краснодарского края обращений не относится к компетенции главы субъекта. Наш вывод подтвердило сопоставление их тематики с вопросами, отнесенными Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» к вопросам местного значения.

Это говорит не только о неграмотности подавляющего количества граждан в части определения полномочий между уровнями государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления, но и о невысоком уровне доверия населения муниципальным институтам, что не может не быть результатом невысокого качества муниципального управления. И, может быть, целенаправленная работа именно в этой области позволит повысить эффективность деятельности органов местного самоуправления.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека. URL: [http:// www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm](http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm)
2. Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007.
3. Конституция РФ: Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 дек.
4. Материалы текущего архива управления по работе с обращениями граждан администрации Краснодарского края. 2007–2008.
5. Подьячев К.В. Институт обращений граждан в органы власти в России: возможность возникновения нового канала влияния // Полис. 2007. № 5.
6. Собянин С.С., Терещенко А.К. Обеспечение открытости деятельности органов исполнительной власти // Административная реформа в России: науч.-практ. пособие. М.: Инфра-М, Контракт, 2005.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления: Федеральный закон № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40.
8. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: Указ Президента РФ № 607. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/ DocumShow_DocumID_137671.html
9. О порядке рассмотрения обращений граждан: Федеральный закон № 59-ФЗ. URL: http://www.arhusd.ru/docs/fz_59.shtml

НАПРАВЛЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В АСПЕКТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

.....

Ю.И. Трещевский, Е.В. Щекина¹

Проблема конкурентоспособности регионов и их подсистем находит в настоящее время отражение в различных теоретических исследованиях и нормативных документах федерального и регионального уровней. В «Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу» в качестве одной из целей провозглашено повышение конкурентоспособности региона [1]. В данном документе представлен также ряд предложений, направленных на решение данной проблемы. В частности, применительно к России сказано, что необходимо перейти от эксплуатации доступных ресурсов (слабого рубля, дешевой рабочей силы, низких тарифов на услуги естественных монополий и цен на сырье, минимизации социальных обязательств бюджета и хозяйствующих субъектов) к конкуренции на основе роста производительности труда и капитала, а также реализации программ и проектов повышения качества управления и развития человеческого потенциала [1, с. 3]. Полагаем, что в региональных документах нет смысла давать рекомендации для органов власти общегосударственного уровня. Необходимо выработать инструментарий, обеспечивающий достижение высоких конкурентных позиций в конкретных российских условиях.

Значительное внимание в «Стратегии» уделено производственному блоку, однако инструментарий воздействия на него проблематичен. Промышленность,

¹ Трещевский Юрий Игоревич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления организациями Воронежского государственного университета. Эл. почта: eppd@econ.vsu.ru

Щекина Екатерина Вячеславовна – аспирантка кафедры экономики и управления организациями Воронежского государственного университета. Эл. почта: eppd@econ.vsu.ru

ведущая в прошлом отрасль в Воронежской области, утрачивает конкурентоспособность.

На наш взгляд, применение предлагаемых инструментов управления конкурентоспособностью региона не учитывает необратимости процессов, происходящих на различных стадиях жизненного цикла социально-экономических систем и нацеливает на стратегии, малоприменимые в изменившихся условиях. Для ряда старых промышленных регионов, в том числе и Воронежской области, часто рекомендуются стратегии и инструменты, соответствующие виолентному типу стратегий. Между тем опорную базу для такой стратегии многие регионы утратили. Так, в Воронежской области она сформировалась в 1930-х – 1960-х гг. как комплекс крупных машиностроительных предприятий, ориентированных на производство продукции для ВПК, который можно охарактеризовать как виолента-льва. В 1960-х – 1970-х гг. он представлял собой виолента-слона, а в 1980-х гг. превратился в виолента-бегемота.

В настоящее время применение инструментария поддержки реального сектора экономики, ориентированного на ведущие в прошлом отрасли, вряд ли оправдано. Для повышения конкурентоспособности в текущий момент принципиальное значение имеет способность региона не только сохранить прежние конкурентные преимущества, но и приобрести новые, отвечающие современным экономическим реалиям. Исходя из новых потребностей внешней среды, считаем необходимой реструктуризацию промышленности и в целом региональной экономики.

Вполне приемлемы для данных целей инструменты, обеспечивающие комплексирование традиционных и новых производств. Это будет способствовать реализации стратегии диверсифицированного роста, позволяющей сохранить конкурентоспособные элементы старых отраслей и создать условия для развития новых.

Следует в этой связи отказаться от попыток разработки и реализации на региональном уровне технико-технологических проектов, направленных на сохранение и воспроизводство отраслей, утративших конкурентоспособность, и предоставить такую возможность частному бизнесу. Проблема для региональных органов власти и управления заключается в создании для развития частного бизнеса лучших условий, чем в соседних регионах.

Для этого целесообразно отказаться от отраслевого подхода к поддержке региональной экономики и перейти к территориальному. Следовательно, необходимо проведение тщательного мониторинга, позволяющего выявить спонтанное перераспределение потоков капитала и населения по территории области. Особое внимание следует уделять тем территориям, которые имеют положительную динамику по численности населения и концентрации капитала. Производственная специализация не должна приниматься во внимание: какая отрасль (или какие отрасли) станет новым виолентом – решит рынок.

Задача органов власти и управления заключается в том, чтобы создать условия для укоренения нового виолента на территории области. Поэтому поддержка бизнеса должна осуществляться в точках роста не по отраслевому, а по территориальному признаку.

Целесообразно использовать для этих целей программы развития кластеров как территориальных, а не отраслевых структур. Отсюда – необходимость принципиально иного инструментария поддержки производственного сектора. Он должен работать не избирательно, как в случае отраслевого подхода, а универсально, способствуя активизации бизнеса в территориально локализованных точках роста. Общая направленность инструментов поддержки кластеров со стороны региональных органов – организация пространства, обеспечивающая функционирование любых видов бизнеса.

Важно учитывать при этом характер распределения населения по территории региона. Например, Воронежская область характеризуется высокой степенью урбанизации: в 15 городах, 2 поселках городского типа и 19 рабочих поселках проживает 1457,6 тыс. чел. (62,5 %) [1, с. 3]. Города могут стать опорными конструкциями для формирования кадрового состава вновь формируемого производственного комплекса региона: с одной стороны, в них проживает население, в принципе способное к освоению новых технологий, с другой – имеется возможность воссоздания сети общеобразовательных и специальных средних учебных заведений. В силу слабых позиций области в развитии образовательной инфраструктуры это потребует совместных усилий региональных органов власти и управления, воронежских вузов, привлечения отечественных и зарубежных фирм, заинтересованных в развитии производства в регионе.

На наш взгляд, механизмы гарантирования инвестиций и подготовки кадров для реального сектора могут стать эффективной формой реализации государственно-частного партнерства как нового для России института. Естественно, что при этом придется преодолевать традиционное, сформировавшееся столетия назад, закрепившееся в социалистический период развития страны и получившее новые направления развития в период современных реформ недоверие между органами государственной власти и частным бизнесом.

Весьма важна диверсификация производства в сельской местности. Как и в случае с промышленностью, речь должна идти об инструментах, обеспечивающих территориальное, а не отраслевое развитие. Проблема заключается не в сохранении сельскохозяйственного производства, базирующегося на архаичных технико-технологических и организационно-экономических решениях, а в территориальной диверсификации производства. В целом ее решение будет способствовать комплексному развитию небольших поселений городского

типа, сельских поселений, диверсификации производства и формированию на этой базе новой структуры рабочей силы собственно в сельском хозяйстве.

Для восстановления утраченных позиций в традиционных для регионов отраслях большинство авторов рекомендуют расширение инвестиционной деятельности. Часто недостаточную эффективность инвестиций связывают с недостатком финансовых ресурсов. Однако, на наш взгляд, это не главное, важно, что органы власти и управления предлагают инвестиционные программы, свойственные скорее специализированной корпорации, чем региону. В программах находит отражение институт завышенных ожиданий от государственного патернализма. В результате в проигрыше оказываются все – и частный бизнес, не получивший ожидаемой поддержки, и органы власти и управления, взявшие на себя не свойственные государству функции.

Неудачи государственных программ, на наш взгляд, связаны с тем, что органы власти и управления могут ошибиться, задав нерациональное направление инвестиционным процессам, и не столько способствовать, сколько препятствовать дальнейшим частным инвестициям. Поэтому капиталовложения, осуществляемые региональными органами власти и управления, должны носить универсальный характер. Из объектов инвестиций такой универсальностью обладают коммуникации различного рода: транспортные, электронные, финансовые и др. Задача региональных органов власти заключается не в дублировании частного бизнеса, а в его дополнении на основе формирования социально-экономических программ, достаточно универсальных с отраслевой точки зрения и сфокусированных на определенных территориальных сегментах.

Нормативные документы региональных органов (в том числе и в Воронежской области) содержат инструменты активизации инвестиционной деятельности в основном индикативного и информационно-аналитического свойства. Можно согласиться с необходимостью применения инструментов информационно-аналитического и индикативного свойства, особенно если включить их в информационные потоки PR. Однако информационно-аналитической деятельности для эффективного привлечения крупных инвестиций в большинство регионов страны, в том числе и Воронежскую область, недостаточно.

Для привлечения крупных инвесторов в Воронежскую область, имеющую высокий инвестиционный риск и слабо выраженные международные связи, целесообразен комплекс инструментов гарантирования безопасности инвестиций и их эффективного использования. В их числе: подготовка кадров совместными усилиями органов власти, вузов и зарубежных инвесторов; создание совместного с федеральным Правительством фонда гарантирования инвестиций на основе солидарной и субсидиарной ответственности; создание промплощадок с развитой инженерной инфраструктурой для передачи инвесторам в долгосрочную аренду. Создание промплощадок должно быть привязано к

точкам роста населения и развития бизнеса, объединенным своего рода инвестиционными коммуникациями (дорогами с улучшенным покрытием, современными линиями электропередачи и т.п.), территориально привязанными к имеющимся или вновь создаваемым крупным транспортным магистралям.

Библиографический список

1. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области: приложение к Постановлению администрации области от 02.07.2007 г. № 612 // Молодой коммунар. 2007. № 84 (12280).

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО БИЗНЕСА

.....

Э.Е. Лебедева¹

Эффективность современной научно-технической политики большинства экономически развитых стран определяется не только выбором основных приоритетов в инновационной сфере, но и формированием такой структуры экономики, которая изначально ориентирована на развитие инновационных процессов. Необходимость перехода к инновационному развитию признана на всех уровнях государственного управления. Инновационная модель экономики, основывающаяся на имитационных схемах освоения тех или иных новшеств, не позволяет российским предприятиям достичь высоких конкурентных преимуществ. Для реализации задачи перевода экономики страны на инновационный путь развития предпринимаются значительные усилия в области создания механизмов, обеспечивающих этот путь. В качестве таковых особую роль отводят малому предпринимательству.

Опыт большинства развитых стран доказывает, что активная деятельность малого бизнеса является важным условием построения экономики инновационного типа. Так, в США на предприятиях малого и среднего бизнеса занято 70,2 млн чел., в Германии – 18,5 млн чел., в Италии – 16,8 млн чел., во Франции – 15,2 млн чел. Доля малого и среднего предпринимательства в Валовом внутреннем продукте (ВВП) Франции составляет 62 %, Италии – 60 %, Японии – 55 %, Великобритании – 54 %, Германии – 53 %, США – 52 %. При этом на долю малых предприятий Германии приходится 75 % всех выдаваемых патентов, а на долю всех малых предприятий США – около 50 % научно-технических разработок [2, с. 411]. Россия по данным показателям инновационной активности пока отстаёт.

Малый бизнес имеет ряд преимуществ в реализации инноваций. Во-первых, это возможность углубления специализации в таких научных разработ-

¹ Лебедева Эльвира Евгеньевна – аспирант кафедры антикризисного управления Ростовского государственного экономического университета. Эл. почта: lebedeva-e@aaanet.ru

ках, которые кажутся для крупных фирм или неперспективными, или слишком рискованными. Во-вторых, малые фирмы заинтересованы в более быстром продвижении на рынок их инноваций в связи с высокой затратностью данной деятельности, в то время как на крупных предприятиях затраты по НИОКР могут быть размыты в совокупном объёме затрат. В третьих, малые предприятия, изначально нацеленные на доведение до конечного потребителя наиболее перспективных инноваций, служат своеобразным фильтром новаций. Крупные фирмы иногда даже не осваивают изобретение, разработанное в собственных лабораториях, из-за риска некупаемости проекта. В четвёртых, высокая активность малых инновационных предприятий играет первоочередную роль в зарождении следующего технологического уклада экономики.

Несмотря на объективные преимущества, в России всего 1137, 4 тыс. малых предприятий, на которых занято 9239 тыс. чел. [3], но их доля в ВВП страны ничтожно мала. Общая численность организаций, выполняющих исследования и разработки, осуществляющих технологические инновации, в 2007 г. составила 6 112 предприятий, или около 10 % от общей численности зарегистрированных организаций.

Такая ситуация объясняется многими факторами, в том числе и недостаточным государственным финансированием науки на протяжении нескольких лет. В связи с тем что примерно 70 % научных организаций России находятся в собственности государства, эти предприятия в таком же соотношении зависят от государственных источников финансирования. Так, внутренние затраты на исследования и разработки в 2002 г. составили 135 млрд р., в 2004 г. – 196 млрд р., в 2006 г. – 288,8 млрд р. [3]. Причём доля средств, выделяемых из государственных источников финансирования, оставалась стабильно высокой – на уровне 60 %. В процессе развития инновационной сферы российской экономики планируется увеличить долю затрат с незначительного уровня в 2007 г. – с 3,8 до 10 % в 2010 г. Динамика государственных инвестиций по федеральным целевым инновационным программам представлена в таблице.

В то же время зарубежный опыт развития инновационной сферы демонстрирует сокращение доли средств со стороны бюджета и увеличение финансирования за счёт частных источников. Структура затрат по различным странам показана на рис. 1.

Данный график показывает наметившуюся в мировой практике тенденцию увеличения доли средств частных инвесторов в структуре затрат на НИОКР, что способствует созданию сбалансированной модели управления. Под сбалансированной моделью управления подразумевается принципиальная реструктуризация направлений исследований и разработок; значительная модернизация методов и форм использования ресурсов на всех уровнях инновационной системы, коренная трансформация взаимодействия науки, бизнеса, власти, общества.

Прогнозируемая динамика финансирования из средств федерального бюджета на развитие инновационной сферы

Название федеральной целевой программы	Расходы в текущих ценах, млн р.			
	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
1. Национальная технологическая база на 2007–2011 гг.	8450	12390	14922	17616
2. Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 гг.	11660	14560	18215	22935
3. Развитие инфраструктуры в наноиндустрии РФ на 2008–2010 гг.	–	9536	7925	7483
<i>Объем общего финансирования по инновационным программам</i>	<i>22117</i>	<i>38494</i>	<i>43071</i>	<i>50044</i>
<i>Общий объем расходов бюджета</i>	<i>585939,98</i>	<i>698294,44</i>	<i>747021,94</i>	<i>503414,13</i>
<i>Доля инновационных затрат в общем объёме</i>	<i>3,8</i>	<i>5,5</i>	<i>5,8</i>	<i>9,9</i>

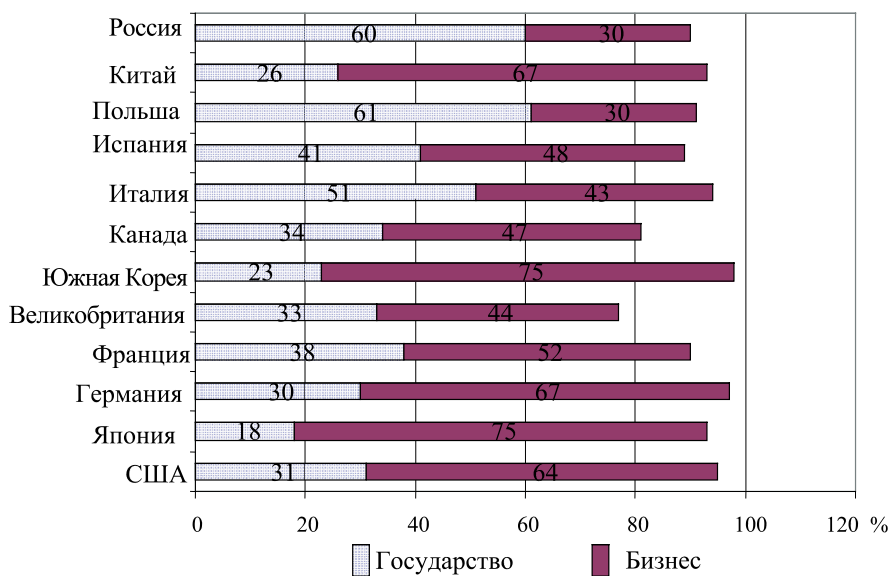

Рис. 1. Доли секторов в финансировании общенациональных затрат на НИОКР

В связи с этим уже к 2010 г. распределение средств между государственными источниками финансирования и частными должно быть 50:50, а к 2015 – 30:70.

Опыт промышленно развитых стран показывает, что желание частных инвесторов вкладывать финансовые средства во многом обусловлено высокой эффективностью инновационной деятельности.

Инновационная деятельность – это процесс, направленный на разработку и реализацию на рынке результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки [4, с. 510]. С точки зрения управления инновационная деятельность представляет собой сложную динамическую систему действий и взаимодействия различных методов, факторов и органов управления, занимающихся: научными исследованиями; созданием новых видов продукции; совершенствованием оборудования и предметов труда, технологических процессов и форм организации производства на основе новейших достижений науки, техники и передового опыта; планированием, финансированием и координацией научно-технического прогресса; совершенствованием экономических рычагов и стимулов; разработкой системы мер по регулированию комплекса взаимообусловленных мероприятий, направленных на ускорение интенсивного развития научно-технического прогресса и повышение его социально-экономической эффективности [5, с. 252].

Г.С. Гамидов в инновационной деятельности видел целый комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, которые в своей совокупности приводят к созданию конечного результата инновационного процесса [1, с. 323].

На основе изложенных определений можно сделать вывод, что успех реализации инновационной деятельности зависит от объема и доступности необходимых ресурсов, которыми располагает предприятие, от эффективности применения организационно-управленческих механизмов, реализующих инновационные процедуры проекта НИОКР, и от уровня развития инновационной инфраструктуры, которая поддерживает деятельность предприятий этой сферы.

Предложенная на рис. 2 схема в виде треугольника демонстрирует инновационную систему предприятия. Каждая грань фигуры – это факторы, оказывающие влияние на разработку, распространение и использование инноваций, т.е. на реализацию инновационной деятельности. Основой для появления инноваций является наличие инновационно-ориентированных ресурсов. Они

Рис. 2. Графическая модель инновационной системы предприятия

обладают важной особенностью – ограниченностью, уникальностью и невосполнимостью с точки зрения своей роли в инновационном процессе.

Иновационная инфраструктура обеспечивает условия для последовательного прохождения новшеством всех этапов инновационного процесса, в том числе и до превращения его в конечный продукт. Каждый субъект инфраструктуры отвечает за развитие соответствующего ресурса инновационной деятельности. Основание треугольника демонстрирует организационно-управленческие механизмы, которые способствуют наиболее эффективному использованию научно-технических, технологических, кадровых, финансовых и других возможностей предприятия. Игнорирование какой-либо функции управления делает менее устойчивым основание треугольника, отсутствие какого-либо субъекта инфраструктуры приводит к ограниченности ресурсов. Таким образом, стороны треугольника позволяют достичь эффекта сбалансированности при формировании модели инновационной системы предприятия.

Баланс в данном случае рассматривается между субъектами инфраструктуры, создающими макроклимат для успешного протекания инновационных процессов, между ресурсами и управленческими технологиями, которые используют имеющиеся ресурсы для достижения поставленных целей. Таким образом, инновационность предприятия на корпоративном уровне обуслов-

лена взаимодействием компонентов его внутренней среды – ресурсов и управленческих механизмов. От степени развития или обеспеченности этими компонентами зависит конкурентоспособность предприятия; конкурентоспособность региона и страны в целом зависит в том числе от уровня развития инновационной инфраструктуры.

Библиографический список

1. Гамидов Г.С. Основы инноватики и инновационной деятельности / Под ред. Г.С. Гамидова, В.Г. Колосова, Н.О. Османова. СПб.: Политехника, 2000.
2. Корпоративное управление инновационным развитием: монография / Под ред. Ю.П. Анискина. М.: Омега-Л, 2007.
3. Россия в цифрах 2008: Краткий стат. сб. / М.: Росстат, 2008.
4. Тычинский А.В. Управление инновационной деятельностью компаний: современные подходы, алгоритмы, опыт. Таганрог: ТРТУ, 2006.
5. Харин А.А., Каменский И.А. и др. Управление инновациями: В 3 кн. Кн.1: Основы организации инновационных процессов: Учеб. пос. / Под ред. Ю.В. Шленова. М.: Высшая школа, 2003.

ПОСТРОЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНЫХ МОДЕЛЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ОПЫТ УКРАИНЫ

.....

И.Г. Сурай¹

Как известно, компетенция – это набор квалификационных требований, предъявляемых к данной профессиональной деятельности, и совокупность действий (процедур, полномочий, прав), предполагаемых для осуществления представителем данной профессии.

Компетентность в отличие от компетенции – интегративная характеристика качеств человека (работника), ориентированных на решение реальных задач, определяемых его актуальной (или потенциальной, желаемой) должностью.

Профессиональная специфическая компетентность государственного служащего состоит из политической, юридической, экономической, социологической, управленческой, психолого-педагогической, компьютерной компетентности и компетентности в области делопроизводства.

Компетенция должности, в частности, на государственной службе – это набор характеристик, наличие которых необходимо служащему, который занимает данную должность, т.е. от него требуется функциональная компетентность.

Компетенции должности (группы должностей), конкретизированные через характеристики качеств человека составляют профиль компетентности (модель компетентности).

Исходя из таких критериев, как сложность работы, необходимость квалификации, степень самостоятельности, автономности и ответственности, кате-

¹ Сурай Инна Геннадьевна – кандидат наук государственного управления (Ph.D. Public Administration), доцент кафедры государственного управления и менеджмента Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. Эл. почта: in128@ukr.net

Для написания данной статьи использованы материалы доклада, представленного автором на Второй международной летней школе повышения квалификации преподавателей дисциплин государственного управления (МГУ, 2–6 июня 2008 г.).

гории должностей государственных служащих в Украине можно условно разделить на 4 уровня:

1) высший квалификационный уровень (1–3-я категории должностей государственной службы [1]) – высшие руководящие должности: руководители центральных органов власти, областных и районных государственных администраций;

2) высокий квалификационный уровень (3–4-я категории должностей государственной службы [1]) – руководящие должности: заместители руководителей областных и районных государственных администраций, заместители директоров департаментов министерств, начальники отделов центральных органов власти; исполнительские должности: главные специалисты высших органов государственного управления: секретариата Президента Украины, секретариата правительства и аппарата парламента;

3) средний квалификационный уровень (4–5-я категории должностей государственной службы [1]) – руководящие должности: начальники подразделений областных и районных государственных администраций; исполнительские должности – специалисты центральных органов власти;

4) низкий квалификационный уровень (6–7-я категории должностей государственной службы [1]) – исполнительские должности: специалисты областных и районных государственных администраций.

Компетентностная модель специалиста государственной службы включает: особенности (специфику) профессии государственного служащего; специфику органа государственного управления; особенности работы в данной должности; профессионально важные знания, умения, личностные качества, необходимые для успешной и результативной работы служащего.

В Украине для выполнения Программы кадрового обеспечения государственной службы, утвержденной Указом Президента Украины от 10 ноября 1995 г. № 1035 [2], разработан справочник типичных профессионально-квалификационных характеристик должностей государственной службы, который утвержден приказом Главного управления государственной службы Украины 1 сентября 1999 г. № 65 [3].

Этот справочник включает 48 типичных профессионально-квалификационных характеристик должностей государственной службы, которые размещены по группам:

- должности в министерствах и иных центральных органах исполнительной власти (17);
- должности в местных (областных и районных) государственных администрациях (10);
- должности общего характера (15);

– патронатные должности (6).

Все типичные профессионально-квалификационные характеристики должностей государственной службы состоят из следующих разделов: «Задания, обязанности и полномочия»; «Имеет право»; «Обязан знать»; «Квалификационные требования».

Справочник типичных профессионально-квалификационных характеристик должностей государственной службы может быть использован при:

- разработке должностных инструкций государственных служащих;
- подборе и расстановке кадров, контроле за их использованием согласно квалификации и компетентности;
- конкурсном отборе и аттестации государственных служащих;
- формировании и использовании кадрового резерва;
- организации стажировки в государственных органах власти;
- разработке и усовершенствовании программ подготовки и повышения квалификации государственных служащих с учетом компетентностной модели должности, которую занимают.

Но на практике должностные инструкции государственных служащих часто не отображают те задания, функции, которые фактически осуществляются ими повседневно (в соответствии с заданиями органа государственного управления). В профессионально-квалификационных характеристиках должностей отсутствуют некоторые необходимые требования, (личностные и психологические характеристики), которые непосредственно влияют на деловые и профессиональные качества государственных служащих. Кроме того, службы управления персоналом (органа государственного управления) не имеют четкого описания профессионально-квалификационных требований к государственному служащему (требований относительно компетентности) по каждой конкретной должности государственной службы.

Поэтому разработка «профиля компетентности», который включал бы как профессиональные специфические компетентности, так и личностные, психологические характеристики, крайне необходима на данном этапе развития системы государственной службы Украины. Это позволит сделать более объективным оценивание претендентов на вакантную должность, деятельности государственных служащих, необходимости повышения их профессиональности и т.д.

Кроме того, для Украины все более актуальным становится компетентностный подход при профессиональном обучении государственных служащих, который должен обеспечить:

- получение государственными служащими тех знаний, умений и навыков, которые необходимы ему на определенной должности (т.е. нужны и органу государственного управления, и государственному служащему);
- объективность оценивания претендентов на должности государственной службы при приеме и продвижении по службе (в том числе при присвоении ранга);
- плановость кадровой работы в органах государственного управления и во всей системе государственной службы Украины по профессионализации;
- уменьшение расходов на учебу государственных служащих (получения конкретно необходимых, а не возможно необходимых знаний, умений, навыков);
- постоянное повышение профессиональности государственных служащих через постепенное, но постоянное приобретение новых умений;
- качественное предоставление государственными служащими общественно необходимых услуг;
- быстрое реагирование на изменение требований к отдельным элементам профессиональности государственных служащих при изменении заданий и функций органа государственного управления;
- усовершенствование системы профессионального обучения, повышения квалификации государственных служащих;
- взаимосвязь приобретения (повышения) профессионализма с профессионально-должностным развитием служащего, его должностным ростом, служебной карьерой и эффективностью деятельности органа государственного управления.

Именно четкое представление о должностных компетенциях, нашедшее свое отражение в «профилях компетентности», т.е. построение компетентностных моделей специалистов государственной службы, позволит учебным заведениям готовить более компетентных, более востребованных специалистов государственной службы.

Библиографический список

1. Закон Украины о государственной службе от 16.12.1993 № 3723. URL: <http://www.rada.gov.ua>.
2. Об утверждении Программы кадрового обеспечения государственной службы и Программы работы с руководителями государственных предприятий, учреждений и организаций: Указ Президента Украины от 10.12.1995 № 1035. URL: <http://www.rada.gov.ua>.
3. О справочнике типичных профессионально-квалификационных характеристик должностей государственной службы (выпуск 76): Приказ Главного управления государственной службы Украины от 01.09.1999. № 65. URL: <http://www.guds.gov.ua>.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ «СХИЗИСА» МЕЖДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИЕЙ

.....

Г.Ю. Фоменко¹

Вынесенная в название статьи тема чрезвычайно актуальна для современного состояния психологии и имеет личностную профессиональную подоплёку для самого автора.

Термин «схизис» (греч. *shisma* – расщепление) по отношению к состоянию современной психологии был применён Ф.Е. Василюком в 90-е гг. XX в. [4]. Впоследствии А.В. Юревич [16, 18], квалифицируя положение дел в психологии как системный кризис, также использовал это понятие, акцентируя внимание на расщеплении психологии на исследовательскую и практическую.

С ними солидарны и другие психологи. По мнению А.М. Эткинда, исследовательская и практическая психология фактически представляют собой две разные науки, использующие разные «языки», разные «единицы» анализа и различные «логики» его построения [15].

Обсуждая постмодернистские перспективы развития психологии, М.С. Гусельцева подчёркивает, что специфика современной психологии связана с дезинтеграцией в самих её основах. При этом особенно зримо увеличился разрыв между академической психологией и профессиональной практикой [5, с. 66].

Ф.Е. Василюк выделяет также аспект социальной разобщённости этих двух ветвей психологии, проявляющийся в размежевании соответствующих сообществ. «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать директоров академических

¹ Фоменко Галина Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ. Эл. почта: fomgal27@mail.ru

институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о “звёздах” психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» [4, с. 26].

А.В. Юревич указывает, что образование двух *социодигм* – психологических сообществ, занятых преимущественно академической или практической психологией, есть одно из проявлений этого социального аспекта современной стадии кризиса [17, 18].

В настоящее время ситуация несколько начинает меняться, хотя и не кардинальным образом.

Цель данной статьи – обсудить возможные пути преодоления данного положения дел на основе анализа характера и тенденций взаимоотношений исследовательской и практической психологии. При этом излагается прежде всего собственный взгляд автора, которому в силу специфики профессиональной деятельности, а соответственно и профессионального позиционирования всегда приходилось выступать в двух ипостасях, так как автор является практическим психологом силового ведомства.

Говоря о трёх источниках и трёх составных частях психологического знания, А.В. Юревич называет «психологическое исследование», «психологическую практику» и «обыденную психологию».

Любопытно, что практической психологии как таковой просто не существовало в советский период развития отечественной психологии [11], и это, по мнению А.В. Юревича, отражало комплекс практической неполноценности советской психологии. Долгое время считалось, что только зрелая наука, решившая все методологические вопросы, объединённая единой парадигмой и теорией, способна к практической отдаче.

В своём прикладном варианте в советский период развития психология была представлена в основном в психиатрических больницах и в силовых ведомствах. Автору довелось поработать и в одной и другой организации.

В перестроечный период начался бум практической психологии, и как любая крайность, это происходило со значительными перегибами и издержками.

Современная психология приобрела ярко выраженную практическую ориентацию – направленность на применение и коммерциализацию психологического знания.

Психология начала решать практические задачи значительно раньше, не преодолев, а попросту обойдя свои главные методологические трудности, указывает А.В. Юревич, не став полноценной наукой в том смысле слова, который вкладывают в него учёные, считающие модель естественно-научного

познания единственно возможной [18], и это отрицательно сказывается на содержании и формообразовании её практического направления.

Объективные трудности усугубились отсутствием квалифицированных кадров. Существовала проблема массового притока в практическую психологию людей, которые психологами не являются или подготовлены по различным ускоренным программам – «скороспелые» специалисты. Объявления типа «Требуется психолог до 35 лет. Психологическое образование обязательно», которые с горечью цитируются в психологической литературе, это не анекдот, а реалии нашего времени.

Речь идёт о новой траектории развития практической психологии, предопределённой не столько внутренними потребностями науки, сколько социальным заказом и логикой рынка.

Появилось большое количество так называемых специалистов-психологов, которые неконвертируемы за пределами своих кабинетов и ведомств и не признаются равными в психологическом сообществе.

Но сейчас речь не об этом.

Мы обсудим проблему «схизиса» исследовательской и практической психологии в преломлении к возможностям специалистов, имеющих или получающих полноценное базовое психологическое образование.

В настоящее время большинство академических психологов и преподавателей вузов занимаются практической психологией, и это существенно меняет лицо последней.

Автору как специалисту, всю свою профессиональную жизнь совмещающему в одном лице эти две составные части нашей науки, очень близко понятие «научно-практическая деятельность».

В то же время укоренилось мнение, что практикой могут, а главное, должны заниматься психологи, получившие ускоренное и сокращённое образование, а психолога с базовым образованием это просто недостойно. Существенно недооцениваются возможности и мощный потенциал практической деятельности специалиста для взаимообогащения двух составных частей нашей науки.

Соответственно *первым условием* успешного преодоления водораздела между исследовательской и практической психологией, на наш взгляд, является стремление к такому положению дел, когда на смену практическим психологам придут полноценные специалисты, причём не только выпускники профильных вузов, но и психологи с учёными степенями.

Представляется, что именно в этом случае и практическая психология обретёт своё достойное лицо, и более реальными станут прогнозируемые теоретико-методологические прорывы в нашей науке, на которые уповают исследователи.

Обсуждаемое первое условие нуждается в пояснении.

Работа практического психолога с *неизбежностью* требует занятия исследовательской деятельностью. В связи с чем возникает эта *необходимость*? По мнению А.В. Юревича, с одной стороны, имеется дефицит академического знания, которое может быть использовано на практике. С другой стороны, это творческий характер самой практической психологии, имеющий как минимум три составляющих.

1. Практический психолог всегда имеет дело с индивидуальными случаями, поэтому обобщенного знания, которым он обладает, всегда недостаточно для решения стоящих перед ним уникальных проблем, они не могут быть решены путем проекции общих алгоритмов. Обобщенное знание и соответствующие алгоритмы всегда приходится адаптировать к индивидуальным случаям, что неизбежно оборачивается созданием нового знания.

2. Психолог-практик, конкретизируя и модифицируя общее знание, обобщает индивидуальное, формулирует свой личный опыт в общезначимых терминах, а иногда и в виде общих закономерностей. И это тоже порождает новое знание.

3. Любая ситуация взаимодействия психолога-практика с его клиентом уникальна не только вследствие того, что уникален клиент, но и в силу того, что уникальны сам психолог и ситуация его взаимодействия с клиентом, что неизбежно порождает новое знание об этом взаимодействии [18, с. 167].

Необходимость заниматься исследовательской психологией обусловлена социальным заказом общества, запросами потребителя, которому требуется качественная психологическая продукция.

Поясним это на конкретных примерах.

В случае экспертизы при приёме на службу или работу по результатам обследования составляются психологические заключения. В зависимости от того, кто составляет заключение – неконвертируемый психолог или психолог, проводящий практические изыскания в процессе своей практической деятельности, будут иметь место два совершенно различных продукта. Неконвертируемый психолог представит трафаретный набор фраз коллекционерского типа [8], где отдельно излагаются свойства внимания, памяти, особенности мышления, способов эмоционального реагирования на ситуацию, перечень невзаимосвязанных личностных характеристик, не объединённых никаким стержневым системообразующим основанием. В лучшем случае это будет структурированное описание без выявления механизмов, факторов, скрытых мотивов, основных тенденций развития личности. Здесь мы имеем дело с очень любопытным феноменом, который со ссылкой на Л.С. Выготского обсуждает А.Г. Асмолов: психология личности, довольствующаяся описани-

ем, всегда рискует вместо помощи человеку вернуть ему его же рассказ о себе самом².

В случае с психологом, проводящим научные изыскания в процессе своей практической деятельности, заключение в полной мере может быть названо психологическим портретом обследуемого. Оно построено с учётом не только особенностей поведения кандидата в процессе обследования, но и специфики его актуальной жизненной ситуации, анализа всего его жизненного пути, выявления кризисных, поворотных этапов его развития, изучения специфики ценностно-смысловых образований, характера активности по преодолению трудностей, выявления системообразующих факторов становления его личности. При этом специалист чётко понимает, что невозможно описать человека, вырванного из его естественных жизненных связей, из мира. Такое заключение – результат аналитической работы специалиста, в нём он, изучая личность обследуемого, выясняет, кем и как он сумел стать при данных внешних и внутренних, психологических, личностных и социальных условиях. Это единство, по мнению К.А. Абульхановой и М.И. Воловиковой, достигается в способе функционирования личности (модусе бытия [13]), объективации во времени и пространстве жизненного пути, множестве его форм, сфер, систем, а не задано её структурой, к которой она долгие годы сводилась в отечественной психологии, или совокупностью черт, с которыми её было принято соотносить в мировой персонологии [2, с. 5–6].

В наших исследованиях, а соответственно и в заключениях как практическом продукте, исходя из положений субъектно-бытийного подхода, мы осуществляем переход от простого выявления отдельных качеств и типологических характеристик личности к уяснению противоречий в становлении личностной и социальной идентичности и противоречий, возникающих в процессе её самоосуществления в различных личностных бытийных пространствах [13].

В результате, если при работе с заключением первого типа и аналогичной ему продукцией мы будем иметь ситуацию: пять заключений – пять человек (эти заключения можно применять в произвольном порядке), то в заключении второго типа возможна реконструкция скрытых мотивов поведения, когни-

² Л.С. Выготский приводит случай подмены житейским описанием более глубоких причин поведения личности, с которым он столкнулся в практике консультирования трудновоспитуемого ребёнка. Мать, приведшая своего восьмилетнего сына на консультацию к психиатру, рассказала, что её ребёнок испытывает приступы вспыльчивости, аффекта, злобы, гнева, опасен для окружающих. В этом состоянии он может запустить камнем в другого ребёнка, даже наброситься на него с ножом. «Расспросив мать, мы отпустили её, – пишет Л.С. Выготский, – посоветовались между собой и снова позвали её для того, чтобы сообщить ей результаты нашего обсуждения. “Ваш ребёнок, – сказал психиатр, – эпилептоид”. Мать насторожилась и стала внимательно слушать. “Это что же значит?” – спросила она. “Это значит, – разъяснил ей психиатр, что мальчик злобный, раздражительный, вспыльчивый, когда рассердится, сам себя не помнит, может быть опасен для окружающих, может запустить камнем в детей и т.д.” Разочарованная мать возразила: “Всё это я сама вам только что рассказала” [3, с. 49].

тивных схем, картины мира, прогнозирования поведения в различных ситуациях и специфики профессионализации личности обследуемого.

Кроме того, возникает парадоксальная ситуация.

Принято считать, что именно научное описание далеко от социальных запросов (люди не любят психологов, потому что в их описаниях и теоретических построениях они не узнают себя, как справедливо и с известной долей юмора отмечал психоаналитик Э. Гловер). Тем не менее именно заключение, построенное по логике и требованиям нашей науки (с учётом методологии практического исследования, интегративного подхода и т.п.), отвечает критериям ясности, доступности и понятности изложения, не вызывая недоумённых вопросов. Поэтому многие проблемы во взаимоотношении со специалистами другого профиля (медицинскими работниками, сотрудниками кадрового аппарата, руководителями подразделений) оказываются искусственными и надуманными или неотрефлексированными и упираются в квалификационные критерии специалистов.

В случае интегративного подхода оптимизируются рабочие взаимоотношения, повышается восприимчивость и откликаемость сотрудников кадрового аппарата и руководителей подразделений на инновационные предложения психологов, повышается качество предоставляемых ими материалов и характеристик на сотрудников, возрастает ответственность за эти характеристики и меры, которые по ним принимаются. Исключается то пресловутое грубое давление на специалиста, о котором любят говорить многие коллеги. На вашу качественную продукцию отвечают качественной продукцией. Не будет давления и недоумённых вопросов, касающихся того, почему именно это экспертное заключение вынесено вами, если вы будете убедительны и доказательны в изложении его содержания.

Второе условие преодоления схизиса между двумя ветвями психологии связано с необходимостью перераспределения полномочий решения научно-практических задач между центром и регионами (примером могут служить силовые ведомства). Это в свою очередь обусловлено необходимостью оперативного реагирования на масштабные социальные запросы в соответствии с их спецификой, требованиями и содержанием.

Практические проблемы разного уровня, а тем более те, которые сопоставимы по масштабам со стратегическим планированием организации, невозможно адекватно решить без обращения к научным теоретико-методологическим основам психологической науки.

Традиционно складывалось так, что центральные научно-исследовательские институты, в ведении которых находится реализация подобных проектов, могли заниматься этими проблемами годами. Соответственно в условиях динамизма современной жизни они не успевают за потребностями практики.

При этом многие проблемы требуют оперативного решения непосредственно на местах. И тогда, как это сложилось в нашем регионе, при наличии специалистов высокого уровня профессиональной квалификации материалы по программам, связанным, в частности, с психологическим сопровождением сотрудников, выезжающих в районы со сложной оперативной обстановкой, включающие предварительную проработку методологических и теоретических основ проблемы, содержательный и статистический анализ положения дел в этой области, готовятся в месячные сроки. Но это возможно, если вся предшествующая текущая деятельность, связанная с профессиональным отбором на службу и учёбу и должностным перемещением, была организована на научной основе и рассматривалась как составляющая более сложного системного процесса взаимодействия с различными службами и структурными подразделениями.

Повседневная деятельность практического психолога не мешает научной работе. Здесь нет разделения: днём – рутина, вечером – наука. Обе части органично вплетены в ежедневную текущую деятельность специалиста.

Как в настоящее время квалифицируется практическая психология?

Формально практическая, или прикладная, психология – это психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как науке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности психологическая практика – это больше, чем практика, она представляет собой достаточно самостоятельную область психологического познания [18]. Поэтому неудивительно, что практическая психология осуществляет собственную методологическую рефлексию и строит собственную рефлексивную методологию, что характерно для различных областей научного познания и знаменует их вступление в фазу зрелости.

Приведенное заключение А.В. Юревича, касающееся оценки статуса практической психологии и возможности методологической рефлексии в её рамках, можно выделить как *третье условие* преодоления расщепления между двумя составляющими нашей науки.

В своей практической работе нам удалось концептуализировать и изучить такой сложный феномен, как модус бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности [13]. Это оказалось возможным благодаря интеграции двух организационных стратегий: *исследовательской и научно-практической*.

Организационная исследовательская стратегия по выявлению модуса бытия личности в экстремальных условиях предполагает следующую этапность работы:

- 1) организация клинической беседы на основе принципов методологии психологического обследования личности как субъекта самопознания и саморазвития;

2) выявление системы разноуровневых противоречий по результатам клинической беседы и материалам социально-психологического изучения кандидата;

3) выявление внутриличностных типологических противоречий (модель дифференциально-типологического анализа личности Г.Ю. Фоменко);

4) анализ противоречий в различных бытийных пространствах на основе структурно-динамической модели личности З.И. Рябикиной³;

5) анализ особенностей экзистенциальных противоречий.

Выявленная специфика модуса бытия личности позволяет прогнозировать особенности профессионализации и возникновение кризисных явлений.

Организационная научно-практическая стратегия реализуется на основе разработанной нами ранее методологии практического исследования личности как субъекта самопознания и саморазвития [12]. Организация научно-практической работы на основе выработанных принципов способствует стимуляции субъектной активности личности в соответствии со спецификой взаимодействия эксперта и обследуемого («уравнение в правах» испытуемых и психологов; учёт двусторонности процесса изучения участников взаимодействия; привлечение обследуемого в качестве эксперта полученных результатов; личность как субъект интерпретации); сочетание качественных и количественных методов в условиях лонгитюдного обследования с интеграцией информации со всех уровней личностной бытийности на каждом из этапов профессионализации; синтез эмпирики и теории), благодаря чему заключение по результатам психологического обследования и другие итоговые документы (служебные справки, аналитические записки и т.п.) являются продуктом не только практической, но и исследовательской деятельности, поскольку содержат обобщения высокого уровня, отвечающие критериям научного знания.

Они могут служить материалом аналитической исследовательской работы. Причём обобщение материалов научно-практического этапа и его концепту-

³ По мнению З.И. Рябикиной, личность предстаёт как структурное, полисистемное образование, включающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимопересекающиеся подпространства: «планы и структуры поведения», «образ мира», «мотивационно-потребностная сфера». Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: конативный, когнитивный, аффективный. В структуре личности системно организованное пространство смыслов занимает позицию над феноменами бытийного слоя психики и объективными пространствами её бытийности. Развитие личности и обретение человеком личностной зрелости сопряжены с появлением и возрастанием способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов и самоактуализацией, трактуемой автором как экспансия Я на внешние пространства, вследствие чего объективные пространства становятся бытийными пространствами личности, её продолжением и частью.

ализация не требуют дополнительного обращения к результатам конкретных методик для их статистического анализа.

В связи с тем что данная информация нам доступна и на собственно исследовательском этапе, полученные формализованные материалы рассматривались в индивидуальном преломлении к конкретному человеку и подвергались качественному анализу для выявления проблемных моментов и противоречий в контексте исследовательской тематики [13].

Четвёртое условие преодоления схизиса – это сближение исследовательской и практической психологии через проблематизацию специалистом своей практической деятельности. Необходимо научиться выкристаллизовывать это содержание из повседневной, казалось бы, рутины, которая таковой не является.

Нам созвучна позиция Н.С. Пряжникова и Е.Ю. Пряжниковой, согласно которой настоящая психологическая проблема – это своеобразная линза, через которую преломляются многие силовые линии бытия. Именно осознанная проблема позволяет интегрировать всё лучшее, что накоплено в различных психологических направлениях. Примечательно, что в теории систем именно общая цель или общая проблема являются главным системообразующим признаком, так как «именно цель, общая проблема строит систему», а без неё всё превращается лишь в набор хаотичных и бессмысленных элементов [10].

Переходя к проблемам прикладного характера, подчеркнем, что все вопросы практического плана по своей сути являются комплексными, включёнными в живую ткань человеческого бытия, поэтому они наиболее остро ставят проблему продуктивной и корректной интеграции теоретических оснований психологического знания и целостного научно-практического мышления.

Необходимость комплексного объяснения изучаемых психологических феноменов обуславливает то, что наши теоретические построения выступают не самодовлеющей целью, а исходным инструментом для планирования исследований и интерпретации полученных результатов, а также более эффективного решения практических задач в целом.

Завершая статью о схизисе современной психологии и возможных условиях и путях его преодоления, приведем одно метафорическое рассуждение. Обсуждая переход современной психологии от монологичности к диалогичности, Д.А. Леонтьев со ссылкой на лидера диалогического направления Губерта Херманса подчёркивает, что диалогичность Я (self), внутреннее многоголосие является нормой и не тождественно шизофреническому расщеплению. Здоровое Я, по мнению Губерта Херманса, подразумевает многоголосие, но при этом обязательно сохранение метапозиции, которая позволяет увидеть внутри между этими голосами определённые связи, упорядочить и структурировать вариативность позиций внутри Я. [7, с. 61–62.].

В данной статье нами обсуждались пути и возможности выхода в подобную метапозицию, видение целостности при кажущемся расщеплении, причём вне зависимости от того, к какой преимущественно ветви – исследовательской или практической принадлежит тот или иной специалист-психолог. Мы солидарны с Т.В. Корниловой, которая, обсуждая проблему ложных дихотомий в психологии и затрагивая, в частности, данный аспект современного системного кризиса психологии, акцентирует внимание на том, что дело уже не в разработке когнитивных оснований науки, а в нормализации социальной составляющей её развития. Раскрытие ошибок на пути ложных противопоставлений является важным для дальнейшей интеграции психологии [6, с. 115].

В заключение синтезируем выделенные нами условия преодоления расщепления между двумя составными частями психологии.

Первое условие – это закрепление в практической сфере высококвалифицированных специалистов-психологов на постоянной основе.

Второе условие – необходимость ведомственного перераспределения полномочий в решении научно-практических задач между центром и регионами (например, в силовых ведомствах).

Третье условие – разработка рефлексивной методологии практической психологии. В этом случае любые служебные задачи реализуются в научно-практическом контексте и рассматриваются как элемент сложного системного образования, что позволяет на основании полученных результатов выдвигать теоретические предположения, касающиеся сути и содержания сложных понятийных конструктов (в нашем случае это модус бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности; профессионализация личности и т.п.). А далее создаётся возможность использовать арсенал теоретического дискурса для повышения потенциала практики. Таким образом, осуществляется взаимообратимость и обогащение научно-практической и исследовательской организационных стратегий.

Четвёртое условие – интеграция исследовательской и практической психологии через проблематизацию специалистами своей практической деятельности.

В случае комплексной реализации указанных условий проблема схизиса между этими ветвями психологии может быть отнесена к разряду ложных дихотомий.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Абульханова К.А., Воловикова М.И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 5.

3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Academia, Смысл, 2007.
4. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6.
5. Гусельцева М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Институт психологии РАН, 2007.
6. Корнилова Т.В. Экспериментальная парадигма или ложные дихотомии в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Институт психологии РАН, 2007.
7. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2).
8. Мошкова Г.Ю. Биографический метод и творческая личность учёного // Вопросы психологии. 1994. № 2.
9. Научное исследование, его принципы и структура // Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
10. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2003.
11. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995.
12. Флоровская Г.Ю. Методология психологического обследования и воспитания личности как субъекта самопознания и саморазвития (на материале сотрудников органов внутренних дел ГУВД Краснодарского края): Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.
13. Фоменко Г.Ю. Парадоксальность как конституирующее качество профессионального бытия психолога // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1.
14. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: Дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
15. Эткинд А.М. Психология практическая и академическая: Расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопросы психологии. 1987. № 6.
16. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Институт психологии РАН, 2005.
17. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2.
18. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5.

ПСИХОСЕМАНТИКА ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ: НОРМАТИВНЫЙ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

.....

А.А. Лузаков¹

Одна из современных тенденций в психологии личности – усиление внимания к субъективной картине мира. Акцент на прояснении собственной системы координат, в которых субъект воспринимает, интерпретирует, оценивает людей, явления, ситуации, на наш взгляд, является одним из ключевых признаков развивающейся субъектной методологии в изучении личности и одновременно своеобразным мостом, соединяющим когнитивно-ориентированный и экзистенциально-гуманистический подходы. Ведь в доминирующих у субъекта основаниях различения объектов и ситуаций в той или иной мере отражена мотивация, в том числе устойчивая, связанная с ценностно-смысловым ядром личности [7; 10]. С определенным видением мира связаны намерения и действия, осуществляемые личностью в мире, поэтому реконструкция системы координат индивидуального и группового субъекта может использоваться с целью объяснения и прогнозирования поведения.

Моментом, в котором «встречаются» и взаимодействуют ценностно-мотивационные и когнитивные процессы, является категоризация. Все, что воспринимается личностью, обретает смысл в зависимости от того, с каким классом понятий или образов она это объединяет. Категории далее трактуются как основания различения субъектом объектов и объединения их в классы. С категоризацией связано предвосхищение результата познания, а значит, и его возможные искажения. Д. Брунер подчеркивал: объединение объектов в категории носит произвольный характер в том смысле, что категории не predetermined ни устройством мира, ни устройством познавательного аппарата, их существование и изменение зависят только от культурно-психологических и языковых факторов [1]. Добавим: категории формируются в субъективном опыте лич-

¹ Лузаков Андрей Анатольевич – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом и организационной психологии КубГУ. Эл. почта: luan@manag.kubsu.ru

ности, включая его неосознаваемые, довербальные аспекты. Категоризация, понимаемая таким образом, не сводится к процессу подведения под понятие, к общепонятному «означиванию» некоторого содержания, которыми занимается лингвистическая семантика и отчасти социальная психология при исследовании социальной категоризации [15; 19]. Требовался иной подход, отличный и от логико-лингвистических поисков, и от традиционных исследований стереотипов. Также была очевидна необходимость преодоления некоторых ограничений теории и методов изучения личностных конструктов, предложенных в середине XX в. [7].

Экспериментальная психосемантика (термин введен В.Ф. Петренко и А.Г. Шмелевым в начале 1980-х гг. [9; 12]) относится к конструктивистской парадигме в психологии и является творческим развитием идей Дж. Келли о личностных конструктах [18] и Ч. Осгуда о семантических пространствах [20]. В ранних определениях психосемантика позиционировалась как «область психологической науки, изучающая структуру, генезис и функционирование системы значений, образующей в единстве с чувственной тканью и личностным смыслом индивидуальное сознание субъекта» [10, с. 12]. Согласно более позднему определению, психосемантика – это «область общей психологии, исследующая субъективные системы значений, категориальное строение сознания и личностного опыта человека» [13, с. 374–375].

Психосемантические методы сегодня, по-видимому, наиболее адекватны задачам, обозначенным в начале статьи. К классическим методам экспериментальной психосемантики относят метод семантического дифференциала, репертуарные тесты личностных конструктов, метод классификации, метод субъективного шкалирования (попарное сопоставление ряда объектов), ассоциативный эксперимент, метод семантического радикала А.Р. Лурия и О.С. Виноградовой и др. За четверть века появилось множество вариантов и модификаций этих методов, но все их объединяет следующее. В центре внимания – не процесс отнесения субъектом познаваемого объекта к определенной, заранее известной категории-стереотипу, а обнаружение и описание самих мерок, прикладываемых субъектом к окружающим людям, объектам, ситуациям. Эти мерки восприятия часто не обозначены в ясных терминах самими их носителями, но фактически выступают для них основаниями субъективной классификации. Подчеркивается принцип контекста. Любой одиночный конструкт должен интерпретироваться только в контексте других конструктов, представленных в картине мира личности. Личностные смыслы отражаются только в переживаемых субъективных связях объектов между собой, поэтому необходима реконструкция интегральных, сложносоставных конструктов-категорий.

Содержательно трактовка устойчивого личностного смысла близка к психосемантической трактовке личностной черты. Она трактуется как субъек-

тивная категориальная единица опыта, обобщающая для субъекта признаки определенного класса ситуаций и предписаний по поведению в этих ситуациях; это личностный конструкт, позволяющий ускоренно выбирать стратегию поведения в текущей ситуации и одновременно выполняющий задачу поддержания целостности Я [13].

Сфера использования психосемантических методов обширна. Это общая психология и психология личности, возрастная, социальная психология, в том числе психология общения, политическая психология, психология рекламы, СМИ и др. [3; 4; 8; 11; 14]. Со временем общность методологических оснований стала размываться, наметились направления, различающиеся не только областью применения, но и базовыми посылами, целями и эталонами профессионализма.

Цель данной статьи – рефлексия наметившихся противоречий между нормативным и сравнительным подходами в психосемантике (термины предложены нами). Такая рефлексия представляется необходимой для дальнейшего развития теории психосемантических исследований личности, в частности, для обозначения сфер и задач, в которых каждый из подходов оптимален, что в свою очередь является условием взаимообогащения и успешного продвижения в каждом из них. Мы будем опираться преимущественно на материал, касающийся исследования субъективных категорий познания человека человеком, как наиболее развитую область приложения психосемантических идей и методов.

Применительно к межличностному познанию психологи, использующие психосемантический подход, оперируют представлением об общих и частных семантических пространствах. Первые – это конвенциональные модели, отражающие наиболее общие закономерности познания человека человеком. Они задают определенное количество факторов-категорий (два, три, пять) и их содержание. Частные семантические пространства – это многочисленные варианты пространств, отличающиеся от общих. Их особенности определяются спецификой выборки респондентов, исследуемым фрагментом их картины мира (близкие и друзья, этнические стереотипы-типажи, политические деятели и пр.), набором используемых дескрипторов. По своим функциям они близки к тому, что ранее исследовалось как имплицитные теории личности [21]. В качестве общих пространств чаще всего принимаются следующие.

1. Трехфакторная модель Ч. Осгуда: Оценка – Сила – Активность [20]. Она была построена на материале оценивания людьми самых разных объектов реальности, а не только других людей, поэтому называется универсальным семантическим пространством. На ее основе созданы трехфакторные семантические дифференциалы, в том числе личностные для оценивания людьми друг друга и самих себя [6; 8; 9; 13].

2. Двухфакторная модель: Моральная оценка и Динамизм (Сила, Активность, Адаптивность). При факторизации и кластерном анализе личностных прилагательных и поведенческих описаний осгудовские факторы Сила и Активность нередко образуют один общий фактор, отражающий интегральное впечатление об активности, деловитости, общей жизненной силе и адаптивности познаваемых людей [7; 12; 13].

3. «Большая пятерка» черт (B5): Доброжелательность, Экстраверсия, Нейротизм (эмоциональная стабильность/нестабильность), Сознательность (добросовестность), Интеллектуальная открытость (открытость новому опыту) [13; 17]. Имеется лингвистический вариант B5, полученный в результате классификации личностной лексики, прилагательных (отечественная версия разработана А.Г. Шмелевым), а также вариант, полученный на основе данных опросников (NEO-PI-R) [5; 12; 13; 17]. Порядок факторов, их иерархия в этих вариантах отличаются, как и отличаются американская и российская лингвистические версии B5.

Интересная проблема связана с тем, что при реконструкции личностных семантических пространств даже на больших выборках испытуемых получаемая структура категорий иногда ближе к универсальному семантическому пространству Ч. Осгуда (Оценка, Сила, Активность), а иногда к модели «Большая пятерка», не говоря уже о многообразии структур факторов-категорий, полученных на малых выборках, различных по полу, возрасту, образованию, интересам и ценностным ориентациям.

Универсальных рецептов того, как гармонично интегрировать принципы анализа всеобщего и особенного, пока не существует. Поэтому у психологов, видимо, неизбежно будет проявляться тяготение к одному из полюсов, хотя бы потому, что именно полюса представляют собой уже освоенную территорию (номотетический и идеографический подходы в психологии личности). В психосемантическом подходе к личности, субъектном по своей сути, фактически уже наметились две линии. Одна из них ориентирована на универсальные модели, другая – на группоспецифические модели. Во втором случае фокус интереса смещается от общих семантических пространств типа «Оценка–Сила–Активность» или «Большой пятерки» к частным пространствам, характеризующим конкретные группы и отдельных субъектов. Это направление можно назвать сравнительной психосемантикой [7].

Но сначала обратимся к особенностям нормативного подхода. В последние десятилетия исследователи, занимающиеся классификацией лексики личностных черт (названий черт в естественном языке), проделали большую работу по выявлению эмпирически обоснованных списков основных черт личности с опорой на то, как они структурируются в общественном сознании. Результатом такой работы явилась, в частности, «Большая пятерка» личностных факторов (ее так называемая лингвистическая версия [5; 17]). По мнению

А.Г. Шмелева, выявленные классы черт представляют собой «хорошо систематизированную культурную норму личностного знания» [13, с. 112] и потому могут служить точкой отсчета для стандартизированных интерпретаций многообразных вариантов личностных семантических пространств. Но выявленный на больших выборках стандарт общественного сознания затрагивает по определению лишь уровень *всеобщего*, поскольку исследователи были сосредоточены на выявлении наиболее общих, поднимающихся над групповой спецификой способов структурирования лексики. Обнаружены категории различения и соотнесения людей как *объектов* познания, характерные для *усредненного субъекта*, при том условии, что такой субъект использует для категоризации именно *названия личностных черт*. Поэтому они часто оказываются нерелевантными по отношению к реально работающим познавательным категориям, специфическим для конкретных групп людей, а тем более для отдельных субъектов. Абсолютизация нормативного подхода к категоризации личностных черт напоминает трактовку личности испытуемого как объекта в пространстве тестовых показателей, которая в наши дни часто критикуется сторонниками субъектных подходов.

Конечно, сказанное совсем не означает, что таксономические исследования на уровне всеобщего малополезны как таковые, просто они имеют свои приоритеты и ограничения. О приоритетах свидетельствуют, например, суждения А.Г. Шмелева о статусе «Большой пятерки» личностных факторов, которые содержатся в фундаментальной монографии «Психодиагностика личностных черт» [13]. Утверждается, что имеющаяся в литературе критика этой концепции, касающаяся неустойчивости и вариативности пяти факторов, не принципиальна. В основе такой критики, как известно, лежит тот факт, что эмпирически факторов часто получается не пять, а направленность осей главных факторов не совпадает с «Большой пятеркой», т.е. психологическое содержание факторов оказывается как бы смешанным, состоящим из отдельных «частей» Дружелюбия и Сознательности, или Экстраверсии и Эмоциональной стабильности. Но ученый полагает, что это несущественно: неважно, сколько получается факторов и какие они (выбор того или иного варианта поворота семантических осей при факторизации якобы не принципиален), важно, *насколько полным является исходный набор личностной лексики* или пунктов-вопросов, насколько он захватывает, отражает *все возможные человеческие черты*. Если принять постулат о существовании такого максимально полного, универсального семантического пространства личностных черт, то исходные дескрипторы в идеале должны равномерно «покрывать» его (лингвистический детерминизм). Если это соблюдается, то полученный многомерный базис будет обладать прогностической эффективностью, а факторное пространство будет иметь достаточную информационную емкость. Тогда возможны разные преобразования *внутри* него, а также получение тех или иных факторов без потери психологического содержания, т.е. особенностей личности испытуемых.

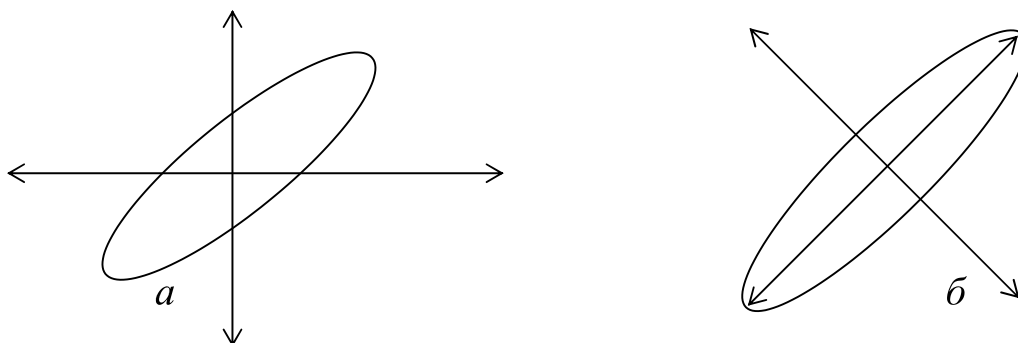
Тем самым постулируется, что пространство первично, а факторы вторичны. А.Г. Шмелев приводит образный пример – аналогию с площадью круглого зала: площадь зала не изменится от того, проведем ли мы ось диаметра в нем с севера на юг или с запада на восток. Координаты любой точки в этом зале можно с одинаковой степенью точности выразить как через систему двух ортогональных осей «запад/восток – север/юг», так и через эквивалентную ей, отличающуюся только поворотом на 45 градусов систему осей «северо-запад/юго-восток и северо-восток/юго-запад». Вторая система координат просто менее удобна, потому что приходится использовать менее компактные, составные названия осей. «Именно в стремлении найти систему взаимно-независимых, информативных и односложно названных факторов (осей описательного пространства) и состоит цель любого таксономического проекта» [13, с. 106].

С позиций иного, сравнительного подхода в психосемантике необходимо учитывать следующее. В ситуациях реального межличностного познания субъект почти никогда не оперирует «многомерным базисом признаков большой информационной емкости». У него есть более или менее ограниченный (неправильный с научной точки зрения) набор конструкторов, который он готов использовать для описания и оценки *для себя* ситуации и образа другого человека в ней. Ограничения накладываются образованием, активным тезаурусом, культурными стереотипами, дефицитом времени, предложенным психологом набором дескрипторов (в ситуации участия в исследовании) и т.п. Да и сами наборы дескрипторов в психосемантических методиках редко достаточно полно и равномерно охватывают нормативное пространство черт, например, «Большую пятерку» (в целях экономии сил испытуемых и предотвращения тактики ухода и случайных ответов с их стороны). Перед исследователем стоит задача понять, как при имеющемся *ограниченном наборе средств* субъект или группа все-таки структурирует воспринимаемое, и сравнить результаты разных людей/групп друг с другом. Возможность сопоставить результат с некой нормативной моделью теоретически желательна, но проблематична, поскольку нормативная модель была построена на иных основаниях и при других условиях. В частности, ее создатели, в отличие от субъекта, оперировали именно «многомерным базисом признаков большой информационной емкости» и руководствовались стремлением «найти систему взаимно-независимых, информативных и односложно названных факторов» [13, с. 106].

Развивая приведенный пример, заметим, что, с точки зрения субъекта, совсем не безразлично, как измерить площадь зала, учитывая, что зал скорее всего не пуст и в каждом случае субъект наткнется на что-то иное. Древняя притча о слоне и трех слепцах иллюстрирует это. Один уперся слону в бок и подумал, что перед ним стена, другой схватил хобот и решил, что это змея, третий уцепился за хвост и подумал, что это веревка. Фрагментарность обыденного познания ставит его в заведомо несравнимые условия с познанием науч-

ным, которое, хочется верить, быстро и правильно категоризовало бы объект именно как слона. Продолжая аналогию с залом, заметим, что для субъекта межличностного познания ни площадь зала, ни метрический объем слона, как правило, не важны. Ищутся ответы на иные вопросы: насколько зал красив, комфортен, безопасен, как много людей здесь собралось, как из него легче выйти в случае необходимости и т.п. Даже если учитывается величина зала, то она оценивается в субъективных дескрипторах, связанных с отношением и/или с возможными действиями субъекта в ситуации (если предложены готовые дескрипторы, они структурируются субъектом так, чтобы отразить это субъективное измерение). Например, женщина может быть озабочена тем, насколько быстро без ущерба для красоты походки она сможет пересечь зал, если важная персона, к которой нужно подойти, находится на противоположном его конце. Совсем иные основания категоризации площадь зала порождает у руководителя службы безопасности, которому надо правильно расставить в зале своих сотрудников.

Вернемся к дискуссионному утверждению, что вопрос о направлении осей эмпирически получаемых факторов семантического пространства не принципиален при условии, что базис дескрипторов достаточно полно представляет само пространство (в данном случае «Большую пятерку»). А.Г. Шмелев пишет: «Смысл самого пространства вовсе не изменится от того, что в какой-то момент какая-то группа людей будет настаивать на том, что их собственное личностное семантическое пространство вдруг вытянулось в большей степени вдоль биссектрисы какого-то квадранта, и таким образом у них вдруг “заработал” смешанный фактор, например, “Экстраверсия плюс Стабильность против Интроверсия плюс Нейротизм” (т.е. сангвиничность–меланхоличность, если следовать модели Айзенка – Гиппократы)» [13, с. 113]. Наверное, можно согласиться, что смысл пространства, понимаемого как стандарт общественного сознания, не изменится. Но что до этого стандарта указанной группе людей, которая по каким-то причинам действительно привыкла различать окружающих по *такой* оси? И что до этого психологу, который хочет понять, как воспринимают мир именно эти люди, чтобы предсказать их реакции на определенные объекты или помочь им справиться с проблемами в отношениях? На рисунке представлена ситуация, когда в пространстве неких нормативно заданных осей группа обследуемых лиц демонстрирует устойчивую тенденцию категоризовать объекты вдоль некой оси по диагонали, и именно эти части пространства оказываются для нее самыми «населенными» (эллипс на рисунке, а). Обнаружение в эмпирически полученном семантическом пространстве смешанного фактора-категории, например, «интроверсия + нейротизм», мы склонны трактовать не просто как отклонение от нормативных категориальных осей, а как основание, чтобы строить новое семантическое пространство с категориальными осями «как есть». На рисунке (б) вдоль эллипса проведена новая категориальная ось, которая лучше и точнее описывает субъективную

Переход от нормативных категориальных осей к семантическому пространству с новыми (полученными эмпирически) категориальными осями

систему координат данной группы обследуемых, хотя это и создает дополнительные трудности с выбором названия для найденной категориальной оси.

Поясним это на примере из нашей практики. Пусть в эмпирически полученной комплексной категории оказались взаимосвязаны следующие личностные прилагательные (они получили максимальную нагрузку по первому биполярному фактору семантического пространства). На одном полюсе – честный, прямой, порядочный, добрый, ответственный; на противоположном полюсе – лживый, изворотливый, непорядочный, злой, безответственный. Этот фактор может без оговорок интерпретироваться как «Моральная оценка» в рамках уже описанного двухфакторного семантического пространства, включающего помимо Моральной оценки, еще и Динамизм (Силу, Активность, Адаптивность). Это предположение будет тем более обоснованно, если прилагательные, описывающие Адаптивность (например, активность, предприимчивость, материальный достаток) окажутся также эмпирически связанными друг с другом, при этом корреляция между первым и вторым фактором будет незначимая. Но такой хрестоматийный вариант получается не всегда. В другом исследовании и на другой выборке мы получаем первый биполярный фактор с несколько иным содержанием. На одном полюсе с дескрипторами «честный, прямой, порядочный, добрый, ответственный» теперь оказываются связаны «богатый» и «предприимчивый», а на противоположном полюсе «лживый, изворотливый, непорядочный, безответственный» коррелируют с «бедный» и «безынициативный». Фактически возникла новая ось категоризации, в которой теоретически независимые Оценка и Адаптивность уже не независимы. Но, даже выбрав название этой вновь обнаруженной категориальной оси (например, Позитивная моральная оценка плюс Предприимчивость), преждевременно полагать, что получена просто некая экзотическая версия нормативного семантического пространства. Третья выборка дает нам еще одну картину. Позитивная моральная оценка (честный, прямой, порядочный, добрый, от-

ветственный) теперь оказывается связанной с пассивностью, безынициативностью и бедностью, а негативная моральная оценка (лживый, изворотливый, непорядочный) – с предприимчивостью и богатством. Эти способы категоризации напоминают печально известный в недалеком прошлом классовый подход, но с двух противоположных позиций. Может ли в этом случае быть достаточной некоторая нормативная модель, в которой Оценка и Адаптивность (Динамизм) соотносятся друг с другом вполне определенным образом и не учитывается возможность «перевертышей»?

А.Г. Шмелев, ссылаясь на П. Боркенау, считает, что таксономия черт в идеале должна представлять собой круговую, или циркуляторную, модель (ее прототипы – известные круговые модели Г. Айзенка [16] или Т. Лири), в которой одно и то же пространство можно будет представить с разным поворотом, размещением базисных осей. Зададимся вопросом: на чем основано утверждение, что это будет *одно и то же* пространство? У сторонников нормативного подхода аргумент следующий: в хорошей циркуляторной модели имеются *установленные соотношения между его соседними секторами*, между близкими чертами (точнее, их названиями), плавно перетекающими одна в другую. Но почему не учитывается возможность изменения этого нормативного соотношения секторов в реальном семантическом поле индивидуального или группового субъекта? Варианты такого изменения были только что представлены нами в примере с разными вариантами соотношения осей Оценки и Динамизма.

По сути, циркуляторная модель – это упорядоченные относительно друг друга *названия черт* личности, как они понимаются сегодня усредненным субъектом межличностного познания, а точнее, психологами, изучающими такого «среднего человека». Здесь недооценивается принцип контекста, согласно которому смысл каждого используемого личностью конструкта (например, названия личностной черты) следует интерпретировать только в контексте других конструктов, которые ассоциируются с первым в сознании данного субъекта или группы. Каждый одиночный конструкт-дескриптор как бы погружен в комплексную семантическую категорию и вне её психологически непонятен. Имеет значение и фактор времени. Лингвистам, историкам и психологам известно: значения слов в общественном сознании могут со временем меняться.

Мы также разделяем гипотезу о том, что в разные периоды и в разных сферах общественной жизни доминируют определенные типы личности [2] со свойственными им, как мы полагаем, стратегиями категоризации. Они задают свою специфику семантических пространств, имея высокую дифференцированность в одних частях условного круга и некоторую «близорукость» – в других. Их категории, взятые все вместе, при усреднении, возможно, дают круг (он также может символизировать идею взаимодополнения разных систем категоризации). Но фактически в конкретной группе всегда доминирует несколько *определенных осей* различия. Тогда нормативный круг как эталон для описа-

ния разнообразных трансформаций личностных пространств в значительной мере теряет объяснительный потенциал. Каждый психотип может не просто превратить какой-то из его диаметров в базисную ось различения людей, но и причудливо изогнуть саму ось. Второй полюс конструкта-категории (если полюс вообще актуален) при этом оказывается расположенным не на противоположном конце отрезка, т.е. не под углом 180 градусов к первому полюсу, а под углом 120 или 230 градусов.

Похожие случаи А.Г. Шмелев справедливо трактует как «выхватывание» одного из аспектов некоего целостного конструкта-черты [13]. Например, в нейротизме субъект видит только сензитивность, и она становится у него осью самокатегоризации, поскольку позволяет сохранять самооценку при собственном высоком нейротизме (сензитивность, чувствительность как преимущество противопоставляется «толстокожести», эмоциональной «тупости» некоторых людей). Действительно, с точки зрения психолога, знающего о существовании такой интегральной черты, как нейротизм, субъект «выхватывает» отдельный его аспект. Но мы не склонны понимать это просто как искажение субъектом некоторой научной истины. Зачем интегральный фактор-конструкт «нейротизм» субъекту в данном случае вообще нужен? О его существовании многие люди не догадываются, а наш субъект, если и знал, то вытеснил, оставив для себя «сензитивность». Интегральные черты-конструкты научной психологии могут использоваться для сопоставления с ними индивидуальных способов категоризации лишь как условные точки отсчета.

Ограниченность нормативных моделей проявляется и в том, что в них заданы, как правило, биполярные конструкты-категории. Это те самые оси сознания типа «хороший–плохой», «сильный–слабый», о которых часто говорится как о чем-то само собой разумеющемся. Конечно, нельзя отрицать существенную роль противопоставлений в мышлении, в познании, но положение об *обязательной* биполярности конструктов сегодня многими психологами не поддерживается (В.В. Столин, В.Ф. Петренко). Существуют однопольные смысловые конструкты, для которых характерно отсутствие семантических оппозиций. Имеется в виду не то, что человек не может подобрать антоним к какому-то понятию, а то, что определенное содержание смысла переживается им как единственно существующее, не противопоставленное какому-то иному содержанию. Есть много оснований полагать, что на глубинных уровнях восприятия мира, соотносимых с «правополушарными» функциями, тоже нет дихотомии, там конструкты не биполярны [10; 11; 19]. Навязанная исследователем биполярность конструкта-категории может быть неадекватной реально действующим категориям субъекта. Поэтому в психосемантических исследованиях, не ориентированных на нормативные модели, все чаще используются униполярные конструкты, чтобы, не навязывая второй полюс, оставить респонденту больше свободы для выражения его собственных смыслов.

Конструкты в межличностном познании не обязательно представляют собой отдельные качества личности, а значит, не обязательно предстают как один из диаметров круговой таксономической модели личностных черт. Описание отдельных качеств подходит скорее для случаев рациональной оценки другого человека. В большинстве же случаев человек, как отмечает В.Ф. Петренко, воспринимает целостный образ другого, «заклячая, например, что в нем есть что-то от Печорина, или от Чонкина, или от Иудушки Головлева» [10, с. 350]. Если все-таки использовать понятие конструкта, то, в отличие от трактовки Келли, оно становится более широким. «Мы расширяем до понятия конструкта любой познавательный эталон, включая в понятие конструкта и этнический стереотип, и некий образ-типаж, и некое житейское обобщение, по отношению к которым респондент может выстраивать субъективные меры сходства, т.е. использовать их как униполярные шкалы» [10, с. 350]. Выводы об антонимии-синонимии, полярности тех или иных признаков можно делать лишь после выявления того, какие характеристики оказались «в режиме употребления» антонимичными для данной группы людей или для данного респондента. Это одна из причин, почему мы предпочитаем использовать не понятие «конструкт» (с ним в традиции Дж. Келли обычно связывают биполярность), а понятие «категория». Другая причина – подразумеваемая комплексность, синкретичность категории, функционирующей часто на довербальном, дорациональном уровне. Глубинные обобщенные категории стоят за множеством конкретных конструктов субъекта и выявляются многомерным анализом исходных матриц с дескрипторами.

Итак, обращение психосемантики к наиболее общим закономерностям восприятия личностных черт в рамках нормативного подхода имеет свои приоритеты и ограничения. При этом следует отметить, что возможности использования формализованных универсальных моделей и стандартизованных методов интерпретации далеко не исчерпаны [10; 13]. Вместе с тем ориентация на всеобщее и соответствующие ей количественные методы работы на больших выборках отражает лишь определенный класс задач. Есть иные задачи – описание субъектов познания на уровне особенного (группоспецифического) и даже единичного (в традиции, идущей от Дж. Келли). И здесь остается полезным не только количественный, формализованный, но и качественный, герменевтический подход к психосемантическим данным, метод понимания, а не объяснения, обращение психолога к интуитивной, не лишенной субъективизма интерпретации чужого семантического пространства в попытке вжиться в него.

Одни группировки личностных черт (способы категоризации) лучше объяснять в соотнесении с нормой общественного сознания, другие – в соотнесении со средними тенденциями в некоторой макро- или микросреде, третьи – с изменениями структур одной и той же личности во времени, в разных

психических состояниях, в разных сферах ее жизни, типах ситуаций. Второй и третий случаи соответствуют специфике сравнительного подхода в психосемантике. Ограниченность нормативных моделей обусловлена также тем, что личность может не только упрощать, искажать, но и продуктивно усложнять конструкты-категории, предусмотренные научной моделью, различать более тонкие нюансы в тех ее частях, которые для науки являются пока слабо дифференцированными, т.е. в определенном смысле опережать научный анализ. Неприложимость заданных какой-либо теорией категориальных осей к реальной познавательной деятельности субъекта будет особо заметна там, где речь идет о субъективных по своей сути феноменах экзистенциального характера (свобода, любовь, вера, воля, ответственность и т.п.).

Библиографический список

1. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
2. Демоз Л. Психоистория: Пер. с англ. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
3. Джерелиевская М.А. Установки коммуникативного поведения: диагностика и прогноз в конкретных ситуациях. М.: Смысл, 2000.
4. Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998.
5. Лаак Я., Бругман Г. Big 5: Как измерить человеческую индивидуальность: Оценки и описания. М.: Книжный дом «Университет», 2003.
6. Личностный дифференциал: Методические рекомендации. Л.: НИИ им. В.М. Бехтерева, 1983.
7. Лузаков А.А. Личность как субъект познания: категоризация при восприятии другого человека. Краснодар: КубГУ, 2007.
8. Матвеева Л.В., Анисеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Психология телевизионной коммуникации. М.: Учебно-методический коллектор «Психология», 2000.
9. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983.
10. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005.
11. Улыбина Е.В. Обыденное сознание в картине мира личности: психосемантический подход: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 1999.
12. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
13. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб: Речь, 2002.
14. Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике (тезаурус личностных черт). М.: Изд-во МГУ, 1988.
15. Endler N.S. The interface between personality and cognition // European Journal of Personality. 2000. № 14.
16. Eysenk H., Eysenk M. Personality and individual differences. N. Y.: Plenum, 1985.

17. John O.P. The «Big Five» factor taxonomy: Dimensions of personality in the natural language and questionnaires // Personality theory and research / Ed. by L. Pervin. N.Y.: Guilford Press, 1990.
18. Kelly G.A. The Psychology of Personal Constructs. N.Y.: Norton, 1955.
19. Macrae C.N., Bodenhausen G.V. Social cognition: thinking categorically about other // Annual Review of Psychology. 2000.
20. Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana: Univ. of Illinois press, 1957.
21. Tagiuri R. Person perception // The Handbook of Social Psychology / ed. G. Lindzey, E. Aronson. Addison-Wesley, 1969. Vol. 3.

ПРОЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНО-СТИЛЕВЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СУБЪЕКТА В ТЕКСТАХ-ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

.....

В.А. Павленко¹

Комплекс проблем, связанных с изучением когнитивно-стилевых и личностных характеристик в ситуации «субъект и текст», уже давно пытаются решать в различных научных направлениях: психолингвистике, когнитивной психологии, психологии индивидуальных различий и т.д. Существуют эмпирические данные, позволяющие говорить о том, что когнитивно-стилевые и личностные характеристики субъекта имеют свое специфическое проявление при порождении текста.

В ряде исследований подтверждено, что показатели такого когнитивного стиля, как полезависимость/поленезависимость, оказывают существенное влияние при работе с текстом. Так, при конспектировании лекций и научных текстов поленезависимые студенты подвергали текст большей переработке, сокращая количество слов, перефразируя мысли, используя средства структурирования текста в виде абзацев, подчеркивания, выделения цветом и т. д., поскольку им легче осуществлять гипотетико-дедуктивный подход к его смысловой перестройке [9]. В теории Дж. Келли такой стиль, как «когнитивная простота/когнитивная сложность», связан с тем, что одни люди строят многомерные модели событий, другие видят те же события упрощенно и невариативно, это определенным образом сказывается на особенностях восприятия и интерпретации в ситуации порождения собственного текста.

С точки зрения А.Н. Собчик, на избирательность восприятия и стиль усвоения информации влияют различные сочетания когнитивных стилей с чертами темперамента и характера. Так, личности, формирующиеся на базе ригидной нервной системы, отличаются формально-логическим, прагматическим

¹ Павленко Виктория Анатольевна – преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: vivangel@yandex.ru

мышлением с преобладанием способности ориентироваться в цифрах, четких схемах, конкретных конструкциях, формулах. Когнитивный стиль эмотивного (лабильного) типа отличается, напротив, преобладанием наглядно-образного, целостно-чувственного, художественного восприятия. Тревножно-интровертные гипостеники предпочитают вербальный (словесный) материал и проявляют способности в сфере постижения смысла и обобщения словесной информации. Стеничным спонтанным личностям свойственно целостное интуитивное мышление, опережающее опыт [8].

Имеются данные о взаимосвязи между выраженностью у личности психических функций (по Юнгу) и ее стилем свободных высказываний. По мнению авторов, разработавших модифицированные версии типологии К.Г. Юнга (И. Майерс, К. Бриггс, Д. Кейрси), больше всего на специфику восприятия и интерпретации информации, или «особую чувствительность к ее аспектам» [3; 4], влияют такие полярные функции, как ощущение (сенсорика) и интуиция, которые принято обозначать как S и N. Ощущающие типы больше доверяют тому, что говорят им их органы чувств, они реалисты, ориентированы на настоящее, любят конкретность, их в большей степени интересуют факты, а не интерпретации. Интуитивы, наоборот, проявляют гораздо больший интерес не к фактам как таковым, а к их значению, возможным последствиям, во всем ищут скрытый смысл.

Так, в работе К.Ю. Петровой высказана мысль, что в зависимости от преобладающей функции человек порождает собственный текст в удобном для себя стиле и избегает соответствующих высказываний (переформулирует или вытесняет информацию) на неудобном ему языке [6]. В работе Н.Д. Кулишовой показана специфика вербализации психотипов (по классификации Д. Кейрси) и установлены корреляции их черт с языковыми структурами, показано, что существует собственный (удобный) стиль описания событий при построении текста [5].

Однако сложность и неоднозначность существующих взаимосвязей между параметрами текстов и когнитивно-стилевыми особенностями, эмпиризм, несопоставимость разных схем исследования оставляют актуальным вопрос о соотношении диагностируемых психологами личностных и когнитивно-стилевых характеристик субъекта с их проявлениями в процессах порождения и интерпретации текста. Также пока недостаточно конкретных эмпирических исследований, связанных с проекцией когнитивных стилей на сферу речевой и текстовой деятельности.

Среди методик, используемых для изучения личностных особенностей субъекта при продуцировании текста, наиболее популярен Тематический апперцептивный тест (ТАТ). В данной методике делается попытка по особенностям текста-интерпретации реконструировать личностные черты, мотивы испытуемого. Стимульный материал отличается неопределенностью, потен-

циальной неоднозначностью понимания и интерпретации изображенных ситуаций. В основе интерпретации результатов тестирования лежит идея о том, что общая направленность и конкретные детали понимания испытуемым тех или иных ситуаций позволяют сделать заключение о его личностных чертах, мотивах и диспозициях, обусловивших именно такую, а не какую-либо иную интерпретацию. Так, насыщение рассказа большим количеством деталей, подробностей, не заимствованных из самой картины, может быть признаком демонстративности обследуемого или компенсировать недостаточную внутреннюю опору на собственные мнения и убеждения, а устойчивая низкая степень детализации – выступать показателем тенденции к игнорированию поступающей извне информации. Прикованность к деталям изображения в начале рассказа рассматривается как проявление растерянности, тревоги, в середине рассказа – низкой самооценки, неуверенности в себе, в конце рассказа – педантизма, склонности к застреванию.

Тем не менее при всех потенциальных возможностях методики к ее недостаткам относят большое количество несовпадающих схем интерпретирования результатов [2], трудоемкость процедуры проведения, высокие требования к обработке и анализу результатов. Поэтому перспективным для получения и анализа текстов-интерпретаций нам представляется использование такого приема, как пересказ обследуемыми некоторого общеизвестного литературного сюжета или популярного художественного фильма.

Целью нашей работы – получение такого методического приема, где одновременно и когнитивно-стилевые, и личностные характеристики субъекта могут изучаться через порождение собственного текста путем письменной интерпретации содержания популярного художественного фильма.

Не вызывает сомнения тот факт, что одно и то же событие может вызывать чрезвычайно многообразную его реализацию в тексте. Так, при пересказе одного и того же факта происходит различная его интерпретация, в результате чего возникают нетождественные тексты [1].

Под интерпретацией в рамках нашей работы мы понимаем обусловленную личностными особенностями переработку информации, ее осмысление, поиск «значения для себя». Так, при изложении прочитанного текста в виде письменного текста-пересказа особенности интерпретации могут отражаться в том, как именно пишет субъект, какими средствами изложения пользуется, на чем больше фиксирует внимание – на структурных (как написано) или содержательных аспектах источника (о чем текст). Сюда мы предположительно можем отнести и размер текста, степень детализации, включение собственного мнения о прочитанном. Использование образов превосходной степени, эмоционально окрашенных слов в процессе порождения собственного текста, все авторские проявления (кавычки, вопросительные и восклицательные знаки)

также предположительно могут отражать некоторые особенности субъекта, порождающего свой текст.

В проведенном нами исследовании участников просили кратко изложить содержание художественного фильма «Титаник», снятого американским кинорежиссером Дж. Кемероном. В основе сюжета фильма – трагическая история гибели в океане одноименного лайнера в начале XX столетия.

Для изучения личностных и когнитивно-стилевых характеристик респондентов были использованы следующие методики: тест-опросник Д. Кейрси; тест-опросник «Стили мышления» Р. Бремсона и А. Харрисона, адаптированный А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой; тест «Вставленные фигуры» Г. Уиткина; тест «Свободная сортировка объектов» Р. Гарднера; письменная интерпретация сюжета фильма «Титаник». Схема анализа данных предполагала: 1) выявление типичных паттернов (сочетаний) когнитивно-стилевых и личностных характеристик субъектов интерпретации; 2) сопоставление обнаруженных личностных паттернов (фактически неких психотипов в рамках данной выборки) с особенностями текстов-интерпретаций, продуцируемых этими субъектами.

С помощью алгоритма кластерного анализа были выделены три группы, с определенными сочетаниями когнитивно-стилевых и личностных характеристик. Это дало возможность на основе качественного анализа обозначить некоторые связи между когнитивно-личностными параметрами и особенностями составленных текстов. В данной статье приводятся данные о двух типологических группах (психологических кластерах), в текстах которых удалось обнаружить наиболее яркие отличия в способах изложения и выборе тем описания. Тексты третьей группы оказались довольно разнородными, что на начальном этапе исследования пока не позволяет делать выводы.

Первая группа, в которую вошли 16 респондентов, отличается от второй более высоким уровнем понятийной дифференцированности (ПД), преобладанием реалистического стиля мышления и тенденцией к полнезависимости (ПНЗ), условное обозначение группы – «полнезависимые реалисты». Во второй группе (21 чел.) ПД ниже, выражен аналитический стиль мышления (данные тест-опросника «Стили мышления») и склонность к полюсу полнезависимости.

Называя следующую группу, мы хотели бы внести некоторые пояснения. Существует мнение, что аналитичность как способность детализировать и дифференцировать свои познавательные впечатления, структурировать и связывать семантический материал больше связана с полнезависимостью [9]. Некоторые авторы говорят о связи ПНЗ с левым полушарием (с учетом его роли в аналитическом процессе).

Но современные обзоры в этой области свидетельствуют о противоречивом характере имеющихся связей. На уровне эмпирической проверки этого

предположения удалось получить слабые корреляционные связи между полнезависимостью (тесты Готтшальдта и АКТ-70) и аналитичностью, или узким диапазоном эквивалентности ($r = 0,40$ и $0,41$ при $P = 0,05$) [9]. По данным исследования Т.Н. Серегиной, не удалось проследить выраженной линейной взаимосвязи между параметрами полнезависимости/ полнезависимости и аналитичности/синтетичности [7]. М.А. Холодная считает, что ошибочно отождествлять полюса полнезависимости, широкого диапазона эквивалентности с синтетичностью [9, с. 103]. По мнению Дж. Гилфорда, полнезависимость характеризует скорее гибкость (способность осуществлять изменения информации), чем способность к анализу (структурированию) информации. Следовательно, аналитичность как степень выраженности понятийной дифференцированности скорее связана с полнезависимостью.

Также поясним, что, по данным нашего пилотного исследования, термин «аналитичность», используемый при описании когнитивного стиля «узкий/ широкий диапазон эквивалентности» в терминологии Гарднера, и аналитический стиль мышления в подходе Р. Бремсона и А. Харрисона не коррелируют между собой, т.е. они не тождественны друг другу.

Давая название второй группе, мы имели в виду аналитичность как стиль мышления, описанный Р. Бремсоном и А. Харрисоном [9], а не аналитичность как степень выраженности понятийной дифференцированности или «узкий диапазон эквивалентности» по Гарднеру. Именно в этом смысле ее условное рабочее название – «полнезависимые аналитики».

По методике Д. Кейрси полученные данные не слишком различаются: в обеих группах по сравнению с другими наблюдаются более высокие значения по функциям ощущения (S) и суждения (J) и более низкие по логике (T).

Для порождения текстов-интерпретаций испытуемым давалась следующая инструкция: «Представьте, что перед вами находится человек, который никогда не видел фильм “Титаник”. Просим вас наиболее естественным, удобным для вас образом изложить в письменном виде содержание фильма так, чтобы у собеседника сложилось впечатление, будто он побывал на просмотре».

Полученные тексты-интерпретации анализировались по следующим критериям: подробность изложения сюжетной линии фильма; прикованность к деталям; наличие авторского мнения (суждения о фильме); на чем в первую очередь заостряется внимание, что описывается в начале текста – сам корабль и его история или история двух главных героев.

В текстах-интерпретациях «полнезависимых реалистов» мысли «упакованы» в емкие фразы, часто не привязанные конкретно к сюжетной линии фильма, а напоминающие выводы: «Это история о том, что прогресс и величие нововведений могут сыграть злую шутку с человеком, их создавшим». В текстах присутствует личное мнение: «хороший, интересный фильм», «фильм

заставляет задуматься о собственной жизни и поступках, которые мы совершаем»; отмечается, что у фильма есть свои достоинства и недостатки: «минусом фильма я считаю выдвинутую на передний план социально-любовную драму», что в целом можно объяснить преобладанием реалистического стиля мышления. Несмотря на достаточно высокий уровень понятийной дифференцированности и сравнительно высокую выраженность функции «ощущения» (тест Кейрси), что должно было отразиться на подробности изложения и повышенном внимании к деталям, сюжетная линия передана в общих чертах, без особых подробностей. Практически ни в одном из текстов не упоминаются имена главных героев, хотя присутствуют факты о самом корабле, его маршруте, месте затопления, о масштабности фильма и его популярности (в частности, песни), что можно объяснить особенностями указанного стиля мышления, с одной стороны, и полнезависимостью (склонностью выделять в ситуации ее существенные, главные черты) – с другой.

Тексты «полнезависимых аналитиков» отличаются подробным, с соблюдением тщательной хронологической последовательности, изложением сюжета фильма и значительным количеством деталей о самом корабле и людях, которые там находились; подробно описывается, как попадают на корабль главные герои, как знакомятся, как развиваются и завершаются их отношения. Акцентируется социальная несправедливость: «на верхних палубах царила роскошь, веселье... тогда как на нижних люди жили на головах друг у друга», эта тема затрагивается и в других эпизодах. Практически во всех текстах упоминаются имена главных героев (как реальные, так и сценарные). Кроме того, прослеживается ориентация на социальный антураж: отмечается красота и престижность корабля, дороговизна билетов на рейс, популярность самого фильма и количество полученных за него наград. В нескольких текстах фильм характеризуется как шедевр нашего времени, «грандиозное детище величайшего голливудского режиссера». Данные особенности текстов в целом можно объяснить указанными когнитивно-личностными характеристиками субъектов второй группы.

Заслуживающим внимания оказался еще один факт. При сопоставлении личностных паттернов с особенностями текстов-интерпретаций «полнезависимых реалистов» и «полнезависимых аналитиков» обнаружились некоторые различия между текстами внутри каждого из двух выделенных типов. Так, в одних текстах «полнезависимых реалистов» присутствуют обобщения, констатация трагичности жизни вообще, где сюжет служит скорее отправной точкой для собственных размышлений: «Люди не готовы встретить смерть так скоро, они только начали жить», а в других – повествование о трагической истории любви и неизбежности завершения отношений двух конкретных героев: «Они очень любили друг друга и не хотели расставаться, но так и не смогли быть вместе».

Различия в текстах «полезависимых аналитиков» носят иной характер. В одних текстах достаточно много эмоционально окрашенных высказываний о самом корабле и фильме, тогда как в других – эмоционально окрашены сами отношения: «эта встреча изменила их смысл существования», случается большая любовь», «он утонул, смотря ей в глаза и протягивая руки».

Итак, использованный нами в данном исследовании методический прием оказался довольно продуктивным. В текстах-интерпретациях субъектов, различающихся по психологическим характеристикам, прослеживаются различия и в стиле изложения, и в выборе основной темы, и в степени детализации, по-разному расставлены акценты. Вместе с тем когнитивно-стилевые особенности субъектов, даже в сочетании с некоторыми их характерологическими признаками (данные теста Д. Кейрси), оказываются недостаточными для объяснения некоторых из обнаруженных содержательно-стилевых различий в текстах. Возможной детерминантой этих различий нам представляются ценностно-мотивационные структуры личности, оставшиеся в данном исследовании вне поля внимания. Кроме того, изучение проявлений личностных характеристик в текстах-интерпретациях с учетом базовых ценностно-мотивационных личностных различий позволит установить более четкое отличие личностно-психологического подхода к анализу текста от психолингвистического.

Психологический подход, и в частности подход с позиций психологии личности, обязывает акцентировать дифференциально-психологический аспект. Поэтому необходимо изучать индивидуальные различия переработки информации, ее получения и воспроизведения, приемы анализа, оценки и типичные формы реагирования, относительно которых люди похожи и отличны друг от друга (Л. М. Веккер, М.А. Холодная, Л.Н. Собчик, Д.А. Леонтьев, В.Ф. Петренко, Е.Ю. Артемьева и др.).

Поэтому при дальнейшем использовании данного методического приема необходимо дополнительное использование методик, направленных на изучение базовых личностных характеристик (например, опросник Ш. Шварца, методика М. Рокича, NEO-P-R), что, по нашему мнению, позволит более содержательно описать структуру личностных паттернов и точнее объяснить специфику связи между когнитивно-личностными параметрами и содержательно-стилевыми особенностями составленных текстов.

Библиографический список

1. Белянин В.П. Психологические аспекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1988.
2. Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
3. Лузаков А.А. Некоторые индивидуально-типологические факторы когнитивной совместимости в общении // Психология общения: социокультурный анализ: матер. Междунар. конф. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003.

4. Лузаков А.А. Типология личностей Майерс-Бриггс и управленческое консультирование // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 1.
5. Лузаков А.А., Сухих С.А. Психологические факторы взаимопонимания // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Воронеж: ВГУ, 2004. Ч. 1.
6. Петрова К.Ю. Картина мира в высказываниях человека и функции психики по К. Юнгу // Модели мира. М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997.
7. Серегина Т.Н. Черты личности и когнитивный стиль: взаимодействие и роль в успешности обучения: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001.
8. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2003.
9. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ, ЖИЗНЕННЫЕ РЕСУРСЫ И АДАПТАЦИОННЫЕ СПОСОБНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

.....

Е.В. Харитонова¹

В последние годы со страниц научной и публицистической литературы практически не сходят такие термины, как «востребованность», «невостребованность». При этом отсутствуют как теоретические разработки, так и эмпирические исследования данного феномена с применением различных методик и подходов. Если анализировать представленность проблемы невостребованности в психологии, то упоминание о ней можно найти в трудах многих исследователей. Наибольший интерес она вызвала у ряда таких экзистенциалистски ориентированных авторов, как Э. Фромм, В. Франкл, А. Лэнгле и др. В отечественной психологии проблема невостребованности нашла свое отражение в трудах С.Л. Франка, Б.С. Братуся, Л.И. Анцыферовой. Стоит отметить концепцию отраженной субъектности В.А. Петровского, концепцию самоутверждения личности Н.Е. Харламенковой, представление о биографических кризисах Р.А. Ахмерова, а также концепцию «лишних людей» британского социолога З. Баумана.

В частности, З. Бауман исследует феномен избыточности, ненужности, неиспользуемости человека и его возможностей. С его точки зрения, быть избыточным (термин, обозначающий в английском языке одновременно «сокращенный» и «уволненный») означает, что другие в вас не нуждаются, они могут сделать дело без вас и лучше вас. Говоря об «избыточных» людях, З. Бауман прежде всего имеет в виду мигрантов, беженцев и др. как неизбежный побочный продукт экономического прогресса, не нужных этому обществу людей, «человеческие отходы» [11]. «Избыточный» индивид чувствует себя социально бездомным, никому не нужным, не имеющим собственного жизненного проекта [10]. По мнению О.Н. Яницкого, «за годы реформ уже сотни тысяч жителей

¹ Харитонова Евгения Владимировна, кандидат биологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии ФППК Кубанского государственного университета. Эл. почта: veba_2000@mail.ru

бывшего СССР стали “отходами” трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала “транзитным пунктом” на пути в никуда» [10, с. 205]. По словам З. Баумана, бездомные и лишние были и раньше, но тогда они относились к четко очерченному социальному слою, порождались конкретной социальной ситуацией, теперь же «избыточным» может стать каждый, оканчивающий школу или университет.

В наших исследованиях 50–70 % обследованных могут отнести себя к невостребованной личности. Это как мужчины, так и женщины в возрасте до 25 и старше 45 лет; врачи, педагоги, инженеры, научные работники и пенсионеры [8]. Переживание своей «избыточности», невостребованности характерно для большинства пожилых людей, в 60–70 % случаев они отмечают свою невостребованность, ненужность «ни родным, ни стране» [7; 9]. В целом анализ литературных источников и эмпирических данных позволяет утверждать, что кризис востребованности является одним из личностных кризисов, обусловленных изменениями значимых отношений личности. Под востребованностью мы понимаем многоуровневую и динамическую систему субъективных отношений личности к себе как значимому для других.

Все обозначенное, а также сложившаяся демографическая ситуация в стране обуславливают актуальность данного исследования, целью которого был анализ востребованности личности на поздних этапах онтогенеза.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение, что у востребованных пожилых людей уровень жизненных ресурсов и адаптационных способностей выше, чем у невостребованных.

Согласно ресурсным концепциям психологического стресса (С. Хобфолл), жизненные ресурсы человека, способствующие противостоянию стрессогенным жизненным обстоятельствам, связаны с адаптационными возможностями и сохранностью потенциала здоровья [3, с. 119].

С. Хобфолл называет ресурсами то, что ценно для человека и помогает адаптироваться к стрессовым ситуациям, в том числе:

- 1) материальные (доход, дом, транспорт, одежда, объектные фетиши) и нематериальные (желания, цели) объекты;
- 2) внешние (социальная поддержка, семья, друзья, работа, социальный статус) и внутренние личностные переменные (самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности, система верований и др.);
- 3) психические и физические состояния;
- 4) волевые, эмоциональные и энергетические характеристики, которые необходимы (прямо или косвенно) для выживания или сохранения здоровья в

трудных жизненных ситуациях либо служат средствами достижения лично значимых целей [12].

Для исследования особенностей идентификации и установления статуса востребованности респондентов использовались биографический метод и методика М. Куна «Кто Я?»; для анализа социально-демографического статуса респондентов – анкета, включающая вопросы относительно пола, возраста, уровня образования, профессии, пенсионного стажа, семейного положения, состава семьи респондентов. Измерение жизненных ресурсов личности проводилось с помощью Опросника потерь и приобретений Н.Е. Водопьяновой, М.В. Штейн [3], позволяющего оценить динамическое взаимодействие потерь и приобретений; оценка уровня развития адаптационных способностей личности – многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» [6].

Статистическая обработка осуществлялась путем сопоставления выборок по качественно определяемому признаку с помощью многофункционального ф-критерия Фишера и параметрическим методом сравнения двух выборок с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок (для большинства переменных распределение оказалось близко к нормальному). Результаты исследования обрабатывались с применением компьютерной программы «Statistica 6.0».

Объем выборки составил 80 психически сохранных пожилых и старых людей, из них 40 мужчин и 40 женщин. Средний возраст респондентов – 70,1 лет.

Общий анализ динамического взаимодействия потерь и приобретений жизненных ресурсов исследованных нами пожилых людей позволил выявить низкий уровень ресурсности у 53 чел. (66,3 %), средний уровень ресурсности – у 13 чел. (16,3 %), высокий уровень – лишь у 14 чел. (17,5 %).

Для исследованных пожилых людей наиболее ощутимы следующие потери: собственного здоровья; ощущения успешности; ощущения нужности другим людям; желания что-то делать; возможности хорошо одеваться; уверенности, что будущее зависит от них; дружбы (друзей); чувства оптимизма; возможности нормально выспаться; стабильной работы; уверенности, что они контролируют события своей жизни.

В качестве наиболее значимых приобретений для исследованных пожилых людей можно выделить: хорошие отношения с детьми; стабильность в семье; ощущение нужности другим людям; положительное мнение о себе; ощущение, что жизнь имеет значение; возможность нормально питаться; ощущение успешности; чувство гордости за себя; желание что-то делать.

У 50 чел. (62,5 %) был выявлен низкий уровень адаптационных способностей, у 30 чел. (37,5 %) – средний уровень.

Анализ соотношения потери и приобретения *ощущения нужности другим людям*, а также данных контент-анализа биографий и методики «Кто Я?» позволил разделить всех испытуемых на три группы. В первую группу (востребованные) вошли 30 пожилых людей (37,5 %) с выраженным преобладанием приобретения ощущения нужности над его потерей (более чем на 2 балла); во вторую группу (с равным соотношением как приобретения, так и потери ощущения нужности) – 32 чел. (40,0 %); в третью группу (с выраженным ощущением ненужности – невостребованные) – 18 чел. (22,5 %). В качестве индикаторов востребованности выступили упоминания об отношении к себе как значимому для других (по материалам биографического интервью). Анализировались также следующие качественные (смысловые) единицы: отношение к прожитой жизни (в том числе к событиям профессиональной жизни); переживания, сопровождавшие прожитую жизнь (в том числе профессиональную деятельность), изменения в соотношении профессиональный опыт – квалификация – требуемая компетентность, позитивная или негативная идентификация (в том числе профессиональная), оценка жизненного и профессионального опыта (идея взята из [6]). В группе востребованных людей преобладали такие определения, как «нужный профессионал», «незаменимый дед», а в группе невостребованных – «никто», «никому не нужный» и т.п. В этой связи можно сослаться на мнение М. Ермолаевой, которая считает, что потребность пожилых людей сознавать свою нужность, значимость может быть удовлетворена ощущением того, что ты нужен семье и внукам, и возможностью служения другим людям своим профессиональным и жизненным опытом, а также сохранившимися способностями [4].

Анализ различий динамического взаимодействия потерь и приобретений жизненных ресурсов личности показал, что у 18 невостребованных пожилых людей (100 %) был выявлен низкий уровень ресурсности. В группе востребованных низкий уровень ресурсности был выявлен у 16 чел. (53,3 %, $\phi^* = 5,04$, $p < 0,001$ при сравнении с группой невостребованных), средний – у 8 чел. (26,7 %) и высокий – у 6 чел. (20,0 %). Иными словами, у востребованных пожилых людей показатели ресурсности выше, чем у невостребованных.

Анализ особенностей адаптационных способностей личности показал, что среди невостребованных у 14 чел. (88,9 %) низкий уровень личностного адаптационного потенциала, у 4 чел. (22,2 %) – средний уровень.

В группе востребованных пожилых людей низкий уровень личностного адаптационного потенциала был выявлен у 12 чел. (40,0 %), у 18 чел. (60,0 %) – средний уровень (соответственно $\phi^* = 3,66$, $p < 0,001$; $\phi^* = 2,65$, $p < 0,001$ относительно группы «невостребованных»). Данные соотношения свидетельствуют о более высоком адаптационном потенциале востребованных пожилых людей.

Сопоставление выборок по качественно определяемому признаку с помощью многофункционального F -критерия Фишера не позволило выявить су-

щественно различающихся значений поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала и морально-нравственной нормативности (показатели, выявляемые с помощью опросника «Адаптивность»), хотя параметрический метод сравнения двух выборок с использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок показал более высокий уровень поведенческой регуляции в группе востребованных пожилых людей ($t = 2,31, p = 0,03$).

Анализ выраженности потерь отдельных ресурсов показал, что в группе востребованных пожилых людей, по сравнению с невостребованными, менее выражены потери таких ресурсов, как:

- стабильность в семье ($t = 2,57, p < 0,05$);
- хорошие отношения с детьми (родителями) ($t = 7,10, p < 0,001$);
- собственное здоровье ($t = 2,37, p < 0,05$);
- сбережения, вклады ($t = 3,34, p < 0,05$);
- мотивация (желание) что-то делать ($t = 4,16, p < 0,001$);
- ощущение, что жизнь имеет значение ($t = 2,38, p < 0,05$).

По данным анализа выраженности приобретений отдельных ресурсов, в группе востребованных пожилых людей, по сравнению с невостребованными, преобладают приобретения таких ресурсов, как:

- ощущение успешности ($t = 3,19, p < 0,01$);
- возможность нормально выспаться ($t = 4,73, p < 0,001$);
- уверенность, что достигаешь своих целей ($t = 3,28, p < 0,01$);
- уверенность, что будущее зависит от тебя ($t = 3,36, p < 0,01$);
- стабильная работа ($t = 2,32, p < 0,05$);
- сбережения, вклады ($t = 2,11, p < 0,05$);
- дружба (друзья) ($t = 3,20, p < 0,01$);
- ощущение, что жизнь имеет значение ($t = 4,02, p < 0,001$);
- положительное мнение о себе ($t = 2,40, p < 0,05$).

Таким образом, анализ динамического взаимодействия потерь и приобретений жизненных ресурсов показал, что для исследованных нами пожилых людей в целом наиболее значимы такие ресурсы, как нематериальные объекты (желания, цели), внешние и внутренние личностные переменные, а также волевые и эмоциональные характеристики.

Обращает на себя внимание тот факт, что у более 60,0 % исследованных пожилых людей такой ресурс, как ощущение нужности другим людям, не выражен. По мнению Л.И. Анцыферовой, переживание тягостного чувства ненужности наряду с потерей уважения к себе – типичный пример потери личностной идентичности и неспособности человека построить новую систему иден-

тификации [2] (среди исследованных нами пожилых людей таковых оказалось 22,5 %).

Согласно предложенной К.А. Абульхановой классификации психосоциальных личностных типов, пенсионеры относятся к типу, вдвойне не адаптированному к новым условиям – в силу консерватизма своих ценностей, принадлежности к населению, занимающему низкое социальное положение и имеющему низкий уровень благосостояния [1]. Тяжелое протекание адаптации осложнено потерей внутренних и внешних (социальных) ресурсов, что влечет за собой утрату субъективного благополучия и отражается на состоянии здоровья. В частности, потеря собственного здоровья – наиболее ощутимая потеря для респондентов. Для большинства исследованных нами пожилых людей характерно наличие признаков явных акцентуаций характера и некоторых признаков психопатий, возможность нервно-психических срывов, длительных нарушений функционального состояния, низкой нервно-психической устойчивости и конфликтности.

У востребованных пожилых людей выявлен более высокий уровень жизненных ресурсов и, соответственно, устойчивость по отношению к стрессам, а также более высокий уровень личностного адаптационного потенциала, в том числе поведенческой регуляции. То есть ощущение нужности, значимости для других способствует повышению нервно-психической и эмоциональной устойчивости, поведенческой регуляции, более высокой адекватной самооценке и адекватному восприятию действительности. С нашей точки зрения, чрезвычайно важен тот факт, что пожилые люди, ощущая себя нужными, востребованными, более высоко оценивают наличие у себя таких жизненных ресурсов, как собственное здоровье, ощущение успешности; уверенность, что достигнешь своих целей и что будущее зависит от тебя; положительное мнение о себе; ощущение, что жизнь имеет значение.

В заключение отметим, что проведенное исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу: у востребованных пожилых людей уровень жизненных ресурсов и адаптационных способностей выше, чем у невостребованных.

Библиографический список

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб: Алетейя, 2001.
2. Анцыферова Л.И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 3.
3. Водопьянова Н.Е., Штейн М.В. Опросник потерь и приобретений // Практикум по психологии здоровья. СПб: Питер, 2005.
4. Ермолаева М. Практическая психология старости. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
5. Исмаилова Ф.С. Профессиональный опыт специалистов и управление им в условиях формирования рыночной экономики: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000.

6. Маклаков А.Г. Оценка уровня развития адаптационных способностей личности // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности. СПб.: Речь, 2001.
7. Харитонов Е.В. Особенности социально-психологической адаптации в пожилом и старческом возрасте // Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека: матер. Междунар. науч. конф. М.: ЭКО, ООО «ПКЦ Альтекс», 2004.
8. Харитонов Е.В. Возрастные особенности представлений о невостребованной личности // Социокультурные проблемы современной молодежи: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 2006. Ч. 2.
9. Харитонов Е.В. К вопросу о профессионально-личностной невостребованности в пожилом возрасте // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2007.
10. Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2.
11. Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge, UK: Polity Press, 2004.
12. Hobfoll S.E. Stress, culture, and community. N.Y.; L., 1988.

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ МУЖЧИН, РАБОТАЮЩИХ В ПОЛОТИПИЧНОЙ И НЕПОЛОТИПИЧНОЙ СФЕРЕ

.....

Н.В. Кулагина¹

Профессиональная деятельность – один из важных компонентов жизнедеятельности человека, за счёт которого он развивается как личность и индивидуальность, получая материальные и психологические средства для существования. Теоретически мужчины и женщины вольны выбирать практически любой вид профессиональной деятельности, так как границы между традиционно «мужскими» и «женскими» профессиями становятся всё более прозрачными. Однако современные гендерные исследования убедительно продемонстрировали, что в обыденном сознании всё ещё существуют довольно устойчивые представления о разделении профессиональных занятий по признаку пола. Согласно литературным источникам противоречия между потребностями и возможностями профессиональной самореализации мужчин и женщин вызваны наличием гендерных стереотипов² в сфере труда. При этом по проблемам профессиональной самореализации женщин имеется большое количество теоретических и эмпирических исследований. А вот по проблемам мужчин исследований явно недостаточно, поэтому цель данной статьи – внести вклад в устранение пробела в этом вопросе.

Ш. Берн выделил три основные нормы, которые «загоняют» мужчин в определённые поведенческие рамки. Первая норма – *антиженственность* (ожидание того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности). Из гендерной литературы нам известно, что успешность в

¹ Кулагина Наталия Владимировна – заместитель директора по научно-методической работе МОУ «Гимназия №2» г. Соликамска Пермского края, преподаватель кафедры психологии ГОУ ВПО «Пермский государственный университет» (Березниковский филиал). Эл. почта: natkulagina@inbox.ru

² Гендерный стереотип – это упрощённый, устойчивый, эмоционально окрашенный образ поведения и черт характера мужчин и женщин [4].

профессиональной роли воспринимается мужчинами как маркер его маскулинности и играет роль своеобразной опоры мужского Я, поэтому даже незначительные проявления женских качеств воспринимаются мужчинами как нежелательные. В доказательство сказанного сошлёмся на описанные в литературе такие специфические негативные проявления у мужчин, как страх приобретения фемининности и потери маскулинности (О.М. Здравомыслова, В.В. Знаков, М. Кауфман, И.С. Кон, В.А. Лабунская, Е.Н. Луковицкая, Г.В. Турецкая и др.). Вторая норма – *наличие статуса или успешность* (связана с ожиданиями, что мужчины завоёвывают статус и уважение других, поэтому социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе) и третья норма – *твёрдость* (ожидание от мужчины умственной, эмоциональной и физической твёрдости) [1].

Большую часть времени мужчины проводят на работе, поэтому их гендерная индивидуальность проявляется в особенностях профессионального поведения. Мужчинам, гендерный тип которых совпадает с идеологией организационной культуры, значительно проще проявлять свою гендерную индивидуальность. Так, поведение мужчин, профессиональная деятельность которых требует проявления маскулинных качеств, даже если они проявляются в гипербализированной форме, одобряется (например, повышенная агрессивность, излишняя напористость, доминантность у мужчин-милиционеров воспринимаются как норма или как издержки профессии). А вот проявление подобных качеств мужчинами, работающими в неполотипичной профессиональной сфере, может быть воспринято коллегами негативно (например, мужчина-учитель, демонстрирующий данные качества, будет осуждён, а возможно, и наказан руководством). Таким образом, нормы поведения, регламентированные существующими гендерными стереотипами, способствуют появлению у мужчин, работающих в неполотипичной сфере, комплекса субъективных негативных переживаний, в некоторых случаях профессиональной дезадаптации. Обратим внимание на то, что гендерные стереотипы в профессиональной сфере как один из основных источников внутренних конфликтов, переживаний, стрессов и дезадаптации личности рассматривали многие авторы (О.А. Воронина, П.П. Горноста́й, В.Е. Исакова, Е.А. Здравомыслова, И.М. Козина, В.В. Пчелинова и др.). Об эмпирически доказанном факте – негативном влиянии гендерных стереотипов на здоровье мужчин – писали В.Е. Орёл, В.А. Бодров, С.И. Ёрина, А.В. Карпов, Н.Г. Полонская и др. Проблемы мужчин, связанные с гендерными стереотипами, актуализировались в работах О.М. Здравомысловой, С.А. Орлянского, И.С. Кона, Л.Э. Семёновой, в выступлениях других ученых на проводимых научно-практических конференциях (например, на конференции «“Мужское” в традиционном и современном обществе», организованной РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева МК РФ и РАН в апреле 2003 г.). Из данных работ видно, что мужчины также сталкиваются с проблемой гендерного отбора для работы в

неполотипичной профессиональной сфере, и чаще всего в данной ситуации они проигрывают, так как практика показывает, что порой для входа женщин в определенные «мужские» профессии существует меньше барьеров, чем для входа мужчин в определенные «женские» профессии.

Руководители некоторых профессиональных сфер высказывают огорчения по поводу нехватки мужских кадров в их системе. Например, наблюдается острый дефицит мужчин в одной из самых фундаментальных профессиональных сфер – системе общего образования. Считается, что главная объективная причина низкой мотивации мужчин к работе в данной неполотипичной профессиональной сфере – это её экономическая непривлекательность. Однако думается, что есть ещё и субъективная причина, которая в свете многочисленных исследований, проводимых в рамках новой области знаний – гендерной психологии обращает на себя внимание и требует анализа и осмысления. Речь идет о влиянии гендерных стереотипов, т.е. боязни прослыть антимужественным, плохим добытчиком, низкостатусным и т.п.

Для того чтобы проверить, оказывают ли влияние гендерные стереотипы на профессиональную мотивацию мужчин, было проведено эмпирическое исследование. Было выдвинуто предположение, что традиционно-патриархальные гендерные стереотипы (представления) мужчин существенно влияют на их мотивацию к выполняемой профессиональной роли: положительно у мужчин, работающих в полотипичной сфере, и отрицательно у мужчин, работающих в неполотипичной сфере. Учитывая мнение некоторых исследователей о том, что носителем наиболее консервативных стереотипных гендерных представлений являются представители системы МВД (И.А.Боброва, Р.Х. Кузина) и системы образования (Е.Е. Корнеева, Л.В. Штылёва), мы в качестве респондентов выбрали представителей именно этих профессиональных сфер. Так, в исследовании приняли участие 150 мужчин: 80 – сотрудники МВД, 70 – учителя городских общеобразовательных школ. Отметим, что для нас не составило труда найти необходимое количество мужчин, работающих в маскулинизированной структуре – системе МВД, однако было очень сложно найти необходимое количество мужчин, работающих учителями в общеобразовательных школах.

Для проведения исследования мы использовали комплекс методик: методику С. Бем для выявления доминирующего гендерного типа респондентов (фемининный, маскулинный, андрогинный); методику «Гендерные характеристики» И.С. Клёцкиной для выявления гендерных стереотипов респондентов; методику «Профиль чувств настроения» Л.В. Куликова для выявления идентификации (положительной/отрицательной) респондентов с профессиональной ролью через изучение модальности переживаний, сопровождающих её выполнение (авторский вариант инструкции был модифицирован под исследовательские цели); методику «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А.А. Реана для выявления мотивации респон-

дентов к выполняемой профессиональной роли (полотипичной, неполотипичной); методику «Интегральная удовлетворённость трудом» Н.П. Фетискина, В.В. Козлова, Г.М. Мануйлова для выявления удовлетворённости выполняемой профессиональной ролью (полотипичной, неполотипичной).

В табл. 1 представлены результаты исследования гендерного типа респондентов, из которых видно, что статистически достоверных различий между гендерными типами у мужчин, работающих в поло- и неполотипичных профессиональных сферах, не выявлено.

Таблица 1

Гендерный тип респондентов, работающих в разных сферах деятельности (средние значения показателей)

Гендерный тип	Респонденты из неполотипичной сферы	Респонденты из полотипичной сферы	Уровень выявленных различий
Фемининный	0,00	0,00	0,00
Маскулинный	0,68	0,75	0,87
Андрогинный	0,32	0,25	0,87

Значительной части мужчин независимо от специфики выполняемой профессиональной роли свойственны традиционно-патриархальные, маскулинные гендерные представления (0,68 и 0,75), а эгалитарные (андрогинные) представления свойственны значительно меньшей части мужчин (0,32 и 0,25). Опираясь на мнение И.С. Кона о том, что мужчинам для самоутверждения необходимо поддерживать традиционно мужской стиль жизни, соответствовать нормативным образцам истинной мужественности, которая заключается кроме всего и в противопоставлении себя модели «женского», и в возможности исполнения традиционно мужских ролей (И.С. Кон), можно заключить, что возможность проявлять свои патриархальные гендерные представления на работе окажет существенное влияние на удовлетворённость ею. Принимая во внимание факт, что профессиональная роль «учитель» предписывает субъекту роли демонстрацию фемининных качеств, которые считаются нормативными для данной профессии (быть заботливым, уступчивым, сочувствующим, умеющим утешать, проявляющим любовь к детям и др.), можно сделать вывод, что у мужчин, реализующих модель женской профессиональной роли, но имеющих при этом маскулинные, патриархальные гендерные представления, будет постепенно продуцироваться конфликтный тип самоотношения, негативная самооценка себя как представителя гендерной группы, стремление к уходу из данной профессиональной сферы.

А вот мужчинам – представителям силовых структур реализация профессиональной роли позволяет быть (казаться) настоящим мужчиной. Даже

демонстрация таких негативных качеств, как агрессивность, грубость, авторитарность, напористость, скрытность и др., приписывается специфике профессии и воспринимается как норма. Таким образом, у субъектов полотиличной роли индивидуальные гендерные представления не расходятся с нормативными требованиями и предписаниями к поведению представителя данной профессии. Органичное сочетание профессиональных и личностных смыслов обеспечивает удовлетворённость собой, стремление к самореализации именно в данной профессии, стимулирует мотивацию к ней.

Таблица 2

Гендерные представления респондентов о личностных качествах, характерных для мужчин (средние значения показателей)

Фемининные характеристики	Респонденты из неполотипичной сферы	Респонденты из полотиличной сферы	Маскулинные характеристики	Респонденты из неполотипичной сферы	Респонденты из полотиличной сферы
Нежный	0,76	0,72	Независимый	0,75	0,89
Сочувствующий	0,72	0,53	Напористый	0,76	0,84
Внимательный к потребностям других	0,68	0,70	Сильный	0,91	0,93
Уступчивый	0,24	0,16	Склонный рассуждать логически	0,90	0,92
Любящий детей	0,90	0,95	Склонный к риску	0,50	0,54
Слабый	0,09	0,04	Решительный	0,84	0,95
Несамостоятельный	0,00	0,00	Ответственный	0,89	0,85
Эмоциональный	0,34	0,30	Самодостаточный	0,88	0,93
Застенчивый	0,06	0,04	Склонный к лидерству	0,82	0,85
Пассивный	0,07	0,04	Честолюбивый	0,54	0,68
Скромный	0,28	0,13	Смелый	0,89	0,91
Разговорчивый	0,59	0,43	Агрессивный	0,05	0,10
Непредсказуемый	0,09	0,04	Уверенный в себе	0,82	0,94

Рис. 1. Образ настоящего мужчины в представлениях респондентов, выполняющих полотиичную профессиональную роль

Рис. 2. Образ настоящего мужчины в представлениях респондентов, выполняющих непотитичную профессиональную роль

Результаты исследования гендерных стереотипов респондентов представлены в табл. 2 и на рис. 1,2.

Статистически достоверных различий между представлениями мужчин разных групп о том, каким должен быть настоящий мужчина, не выявлено. Однако анализ средних значений всё-таки позволяет обнаружить некоторые различия в проявляемых фемининных и маскулинных качествах, характерных для мужчин разных профессиональных сфер. Учителя в большей степени уверены, что мужчина должен чаще проявлять фемининные качества – сочувствие, уступчивость, скромность, разговорчивость. Сотрудники МВД отдают больше предпочтения таким маскулинным качествам, как независимость, напористость, решительность, честолюбие, агрессивность и уверенность в себе. Однако данные результаты мы объясняем и влиянием специфики выполняемой профессиональной роли.

Сравнительное соотношение фемининных и маскулинных характеристик, которые должны быть, по мнению респондентов разных групп, в образе настоящих мужчин, показано на рис. 1 и 2.

Из рис. 1, 2 видно, что в обобщённых образах представителей поло- и непотитичных профессий маскулинные качества значительно преобладают над фемининными. Как мы уже указывали, эти стереотипные, традиционно-патриархальные представления жёстко ориентируют мужчин на нормативно заданное поведение и являются либо мотиваторами, либо психологическими барьерами к реализации и продвижению в определённой профессии.

Согласно мнению Ф.Е. Василюка, маркером успешности выбора той или иной идентичности, в том числе профессиональной, или ошибочности этого выбора являются переживаемые эмоции. Мы посчитали, что модальность эмоциональных переживаний респондентов (табл. 3), сопровождающих выполнение профессиональных обязанностей и отражающих рефлексию категории

Таблица 3

Эмоциональное отношение респондентов к выполняемой профессиональной роли
(средние значения показателей)

Переживания, сопровождающие выполнение профессиональной роли	Респонденты из неполотипичной сферы	Респонденты из полотипичной сферы	Уровень выявленных различий
Удовольствие	1,85	2,92	-6,21*
Неудовольствие	2,91	0,92	5,73*
Раздражение	2,16	0,86	8,00*
Огорчение	2,66	0,90	5,36*
Радость	1,61	2,44	-5,03*
Сомнение	3,41	1,00	22,42*
Уверенность	1,85	2,84	-5,25*
Тревога	1,28	0,76	3,28*
Печаль	2,75	0,87	4,27*
Безразличие	2,70	0,83	4,40*
Разочарование	2,65	1,32	7,21*
Удовлетворённость собой	1,71	3,07	-7,20*
Неудовлетворённость собой	3,25	0,64	7,57*

Условные обозначения: * – различия значимы.

«Я-профессионал», будет отражать и уровень идентификации респондентов с реализуемой профессиональной ролью.

Анализ данных табл. 3 позволяет сделать вывод, что мужчины, работающие в неполотипичной профессиональной сфере, достоверно чаще ($p \leq 0,001$) испытывают негативные переживания при выполнении профессиональной роли. Отрицательная идентичность с профессиональной ролью этих респондентов находит свое отражение в характере таких часто³ переживаемых негативных эмоциях, как: неудовлетворённость собой (3,25), неудовольствие выполняемой профессиональной ролью (2,91), раздражение (2,16), огорчение (2,66), сомнение (3,41), разочарование (2,65), безразличие (2,70). И только иногда при выполнении своей профессиональной роли ими переживаются такие положительные эмоции, как: удовольствие (1,85), радость (1,61), уверенность (1,85), удовлетворённость собой (1,71).

Мужчины, выполняющие полотипичную профессиональную роль, положительные эмоции, связанные с её выполнением, переживают часто: удовлетворённость собой (3,07), удовольствие (2,92), радость (2,44), уверенность (2,84);

³ Переживаемые эмоции оценивались респондентами по параметрам силы (никогда, исключительно редко, иногда, часто, всегда). Оценка производилась по 4-балльной шкале: никогда – 0, исключительно редко – 1, иногда – 2, часто – 3, всегда – 4.

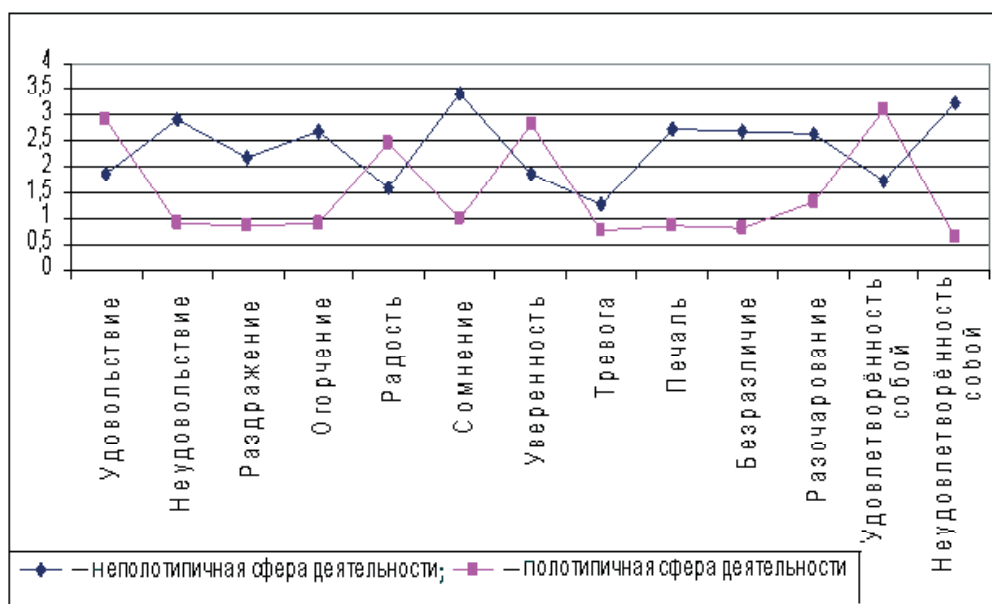

Рис. 3. Эмоциональное отношение респондентов к выполняемой профессиональной роли

а негативные эмоции переживают исключительно редко: неудовлетворённость собой (0,64), неудовольствие (0,92), раздражение (0,86), огорчение (0,90), сомнение (1,0), безразличие (0,83).

Рис. 3 иллюстрирует разницу модальности переживаний респондентов, связанных с выполнением поло- и неполотипичной профессиональной роли.

Полученные результаты позволяют нам сделать вывод о том, что традиционно-патриархальные гендерные представления респондентов об образе настоящего мужчины определяют модальность переживаний, возникающих при выполнении профессиональной роли соответствующей или не соответствующей по культурно-нормативным эталонам его полу. Так, мужчины-учителя, работающие в неполотипичной сфере, эмоционально не принимают выполняемую профессиональную роль, испытывают негативные эмоции при выполнении своих профессиональных обязанностей, а мужчины, работающие в полотипичной сфере, испытывают разный спектр эмоций, связанный с выполнением своей профессиональной роли, но доминируют всё-таки положительные.

Положительное эмоциональное отношение к выполняемой профессиональной деятельности соотносится с категорией «удовлетворённость профессиональной деятельностью», «удовлетворённость профессиональной ролью». Степень удовлетворённости выполняемой профессиональной ролью, на наш взгляд, является тем показателем, который отражает отношение субъекта к

Таблица 4

Показатели удовлетворённости респондентов выполняемой профессиональной ролью (средние значения показателей)

Показатели удовлетворённости выполняемой профессиональной ролью	Максимальное значение	Респонденты из неополитической сферы	Респонденты из ополитической сферы	Уровень выявленных различий
Интерес к профессиональной роли	6	3,25	5,56	10,67*
Удовлетворенность достижениями в профессиональной деятельности	4	2,20	3,46	7,14*
Удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами	6	3,78	5,44	7,84*
Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	6	3,58	5,12	7,85*
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	4	2,40	3,84	7,65*
Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	4	0,83	1,50	5,76*
Удовлетворенность условиями профессиональной деятельности	4	2,21	2,32	0,62
Профессиональная ответственность	2	0,78	1,15	3,10*
Общая удовлетворённость профессиональной ролью	28	14,43	26,67	8,92*

Условные обозначения: * – различия значимы.

избранной профессии и мотивирует (или демотивирует) к самореализации в данной профессии. На уровень удовлетворённости профессиональной деятельностью влияет и такой фактор, как возможность реализации индивидуального личностного смысла, потребностей индивида. Именно личностный смысл субъекта профессиональной роли, по мнению Л.Н. Ожиговой, служит вершинным регулятором, направляющим мотивы профессиональной деятельности и стремление к самореализации в данной профессии. Невозможность реализовать свои личные мотивы (потребности) в профессиональной сфере (которая занимает большую часть нашей жизни) актуализирует негативное отношение к ней, стремление расстаться с данной профессией. По мнению исследовательницы, мужчины в своём реальном поведении не разводят профессиональную и гендерную роли, в их сознании эти две роли «склеены» [6], поэтому они стремятся во всех своих ролях и деятельности буквально оста-

Таблица 5

Мотивы респондентов к выполняемой профессиональной роли
(средние значения показателей)

Мотивы выполняемой профессиональной роли	Максимальное значение	Респонденты из неполо-типичной сферы	Респонденты из полоти-пичной сферы	Уровень выявленных различий
Денежный заработок	5	4,45	3,24	10,66*
Стремление к продвижению	5	3,65	4,72	6,37*
Стремление избежать критики со стороны руководителя и коллег	5	3,36	2,63	4,94*
Стремление избежать возможных наказаний и/или неприятностей	5	3,46	2,80	4,27*
Потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других	5	4,11	4,73	– 0,69
Удовлетворение от процесса и результата профессиональной деятельности	5	2,83	4,84	9,37*
Возможность наиболее полной самореализации именно в данной профессии	5	2,53	4,86	11,52*
Внутренняя мотивация	5	2,68	4,83	10,50*
Внешняя положительная мотивация	5	4,04	4,20	1,60
Внешняя отрицательная мотивация	5	3,36	2,71	4,80*

Условные обозначения: * – различия значимы.

ваться (или выглядеть) как настоящий мужчина. Вероятно, сложность поддержания в рамках неполо-типичной профессиональной роли стандарта чисто маскулинного поведения провоцирует формирование отрицательной профессиональной идентичности.

В табл. 4 и 5 представлены результаты исследования удовлетворённости респондентов выполняемой профессиональной ролью и мотивации к ней.

Данные t-критерия Стьюдента иллюстрируют, что все показатели удовлетворённости выполняемой профессиональной ролью у представителей не-поло-типичной профессии ниже на статистически достоверном уровне ($p \leq 0,001$),

чем у представителей полотипичной профессии (кроме показателя «удовлетворённость условиями профессиональной деятельности», где $t = 0,62$). Интегральный показатель «общей удовлетворённости» у представителей данной группы соответствует *среднему уровню* удовлетворённости⁴ выполняемой профессиональной ролью (14,43 или 51 % от максимального значения), тогда как у представителей полотипичной профессии данный показатель соответствует высокому уровню удовлетворённости выполняемой профессиональной ролью (26,67 или 95 % от максимального значения).

Из данных табл.5 видно, что мотивы респондентов к выполняемой профессиональной роли имеют отличия на статистически достоверном уровне ($p \leq 0,001$), кроме мотивов «потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других» ($t = 0,69$) и «внешняя положительная мотивация»⁵ ($t = 1,60$). Это подтверждает общеизвестную истину, что для мужчин успешность в сфере профессиональной самореализации очень значима. А внешние положительные мотивы – денежный заработок, стремление к продвижению, потребность в достижении социального престижа и уважения важны независимо от сферы деятельности.

Также выявлено, что у мужчин, выполняющих непотипичную профессиональную роль, общий мотивационный комплекс можно отнести к неоптимальному типу – ВПМ (4,04) > ВМ (2,68), т.е. показатели внешней положительной мотивации выше показателей внутренней мотивации. Из этого мы заключаем, что субъектам непотипичной профессиональной роли содержание, смысл профессиональной деятельности важны в меньшей степени, их скорее интересуют какие-то выгоды, которые они могут получить в результате её реализации. Обнаруженные у респондентов этой группы низкие показатели удовлетворённости процессом и результатом профессиональной деятельности (2,83), отсутствие у них стремления наиболее полно самореализоваться именно в данной профессии (2,53) и наличие выраженного стремления избежать критики (3,36), наказания и неприятностей (3,46) также показывают на наличие внутреннего конфликтного отношения к выполняемой профессиональной роли. Можно заключить, что работа, обусловленная такими мотивами, не приносит удовлетворения, выполняемая профессиональная роль становится в тягость,

⁴ По ключу обработки методики *высокий уровень* общей удовлетворённости профессиональной деятельностью – *выше 55%* от максимального значения, *средний уровень* – в диапазоне 45–55%, *низкий* – до 44%.

⁵ О *внутреннем типе мотивации* следует говорить, когда профессиональная деятельность имеет значение для личности сама по себе. А если в основе мотивации профессиональной деятельности лежит стремление к удовлетворению иных потребностей, внешних по отношению к содержанию самой деятельности (мотивы социального престижа, зарплаты и т. д.), то в данном случае принято говорить о *внешней мотивации*. Сами внешние мотивы делятся на внешние положительные и внешние отрицательные. Внешние положительные мотивы, несомненно, более эффективны и более желательны со всех точек зрения, чем внешние отрицательные мотивы [5].

а субъект роли не стремится к профессиональной самореализации и профессиональному росту. Здесь мы опять видим противоречие в сознании мужчин этой группы: с одной стороны, их патриархальные гендерные представления ориентируют на профессиональные достижения, с другой – реализуемая профессиональная роль не соответствует их представлениям о настоящем мужчине, не даёт, по их мнению, возможности реализовать свои карьерные амбиции.

Субъекты полотиличной профессиональной роли, напротив, демонстрируют повышенную внутреннюю мотивацию к её выполнению, их мотивационный комплекс имеет достаточно высокую степень оптимальности – ВМ (4,83) > ВПМ (4,20) > ВОМ (2,71) и достоверно отличается от неоптимального мотивационного комплекса субъектов неполотиличной профессиональной роли. Особенно ярко у них выражены такие мотивы, как: стремление к продвижению (4,83), удовлетворение от процесса и результата профессиональной деятельности (4,84), стремление наиболее полно самореализоваться именно в данной профессии (4,86).

Итак, итоги исследования подтвердили выдвигаемую гипотезу. В заключение обобщим полученные результаты и сделаем выводы.

Гендерная самооценка мужчин зависит от уровня восприятия себя как соответствующего/не соответствующего социокультурным стандартам маскулинности, поэтому гендерная самооценка совокупной выборки мужчин, работающих в полотиличной сфере, достоверно выше. На это, по нашему мнению, «работает» возможность соответствовать нормам мужской культуры при выполнении мужской профессиональной роли.

Мужчины независимо от специфики профессиональной сферы ориентируются на традиционные нормы мужской культуры – статус, роли, качества. Это провоцирует возникновение проблемы – представители неполотиличной профессиональной сферы не могут преодолеть свою стереотипную и демонстрировать новую для себя и во многом для маскулинной культуры эгалитарную (оптимальное сочетание маскулинных и фемининных качеств) модель поведения. Мы видим, что пока такая модель поведения мужчинам не свойственна и необходимость демонстрировать фемининные качества на работе вызывает негативные эмоции, нарушает внутреннее равновесие, личностную целостность и отрицательно сказывается на мотивации к выполняемой работе.

Ограничение возможности реализовать свои личностные смыслы, ценности, потребности в рамках профессиональной деятельности (которая занимает большую часть жизни и успешность в которой является для мужчин маркером их мужественности) вызывает неудовлетворённость работой и собой, дезорганизует деятельность, провоцирует конфликтное самоотношение, душевное неравновесие, рост внутренних деструктивных проявлений и психической напряжённости.

Таким образом, патриархальные гендерные стереотипы мужчин влияют положительно на мотивацию к работе в полотилической маскуленизированной профессиональной структуре, так как органично сочетаются с её идеологией, но эти же стереотипы отрицательно действуют на мотивацию к работе в не-полотилической феминизированной профессиональной структуре, поскольку расходятся с её идеологией.

Для решения проблемы ограничивающего влияния гендерных стереотипов на карьеру и профессиональную успешность мужчин психологи предлагают следующие пути: повышение их гендерной компетентности (И.С. Клёцина); переориентация на внутренние ценности и снижение значимости внешних оценок, изменение ролевых ожиданий группы, обращение за помощью к психотерапевту (П.П. Горноста́й); ослабление внутренних стандартов, норм и требований внутри самих выполняемых ролей, осознание важности личных интересов и ценностей, расстановка личных приоритетов (Д. Грэйд).

Библиографический список

1. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
2. Клёцина И.С. Психология гендерных отношений: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб.: Российский гос. пед. университет им. А. Герцена, 2004.
3. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире/ Персональный сайт И.С.Кона // <http://www.sexsologi.narod.ru>.
4. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер Пресс, 1997.
5. Мотивация профессиональной деятельности // Педагогика: Учебник для вузов / Под ред. Н.В. Бордовской, А.А. Реана. СПб: Питер, 2000.
6. Ожигова Л.Н. Гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.
7. Орлянский С.А. Трансформация образа мужчины в современной культуре: Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2004.
8. Рымарев Н.Ю. Внутриличностный конфликт и стратегия поведения личности при межличностном конфликте в профессиональном женском коллективе // Гендер и молодежь: проблемы карьеры и управления персоналом: Матер. краевой межвуз. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002.
9. Семёнова Л.Э. Особенности самопрезентации мужчин-педагогов средней школы // Психологическая наука и образование. 2008. № 1.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

.....

Г.Б. Горская¹

Цивилизационные изменения, происходящие в настоящее время, накладывают существенный отпечаток на личностное и профессиональное развитие современного человека. С одной стороны, они предъявляют к человеку как личности и профессионалу новые требования: способность адаптироваться к быстрым изменениям жизненного мира, пополнять собственные знания и умения, преодолевать повышенные нагрузки и стрессы и т.п.; с другой стороны, они обнаруживают недостаточность традиционных путей социализации и профессионального развития.

Как известно, по мере развития цивилизации происходит удлинение детства, в процессе которого новое поколение приобретает ресурсы включения в жизнь социума. Но общество заинтересовано в том, чтобы каждое новое поколение вливалось в жизнь социума в оптимальные сроки, что проявляется в появлении различных форм ранней профессионализации, которые являются, по сути дела, ответом на вызовы современной жизни.

Широко обсуждаемый в отечественной и зарубежной научной литературе феномен ранней профессионализации, несмотря на разнообразие трактовок, рассматривается как фактор интенсификации включения молодого поколения в созидательную деятельность общества за счет создания условий для полноценного раскрытия его личностного и интеллектуального потенциала.

В научной литературе термин «ранняя профессионализация» употребляется обычно в трех смыслах:

¹ Горская Галина Борисовна – доктор психологических наук, профессор, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. Эл. почта: gorskayagalina@mail.ru
Статья написана в рамках проекта РФФИ № 08-06-99014.

1) включение личности в профессиональное развитие в детском возрасте, т.е. во временные сроки, не являющиеся типичными для профессионального развития, что характерно для музыкантов, артистов балета, спортсменов;

2) профилирование обучения учащихся общеобразовательных школ с целью облегчения их профессионального самоопределения и подготовки к реализации профессионального выбора;

3) приближение содержания обучения студентов вузов к требованиям конкретного направления будущей профессиональной деятельности для облегчения и ускорения профессиональной адаптации молодых специалистов.

Какова бы ни была форма ранней профессионализации, она продиктована стремлением ускорить достижение ее субъектом зрелого профессионализма, обеспечивающего желаемый уровень профессиональных достижений. Вследствие этого часто не принимается во внимание влияние ранней профессионализации на личностное развитие, социально-психологическую адаптацию вовлеченных в нее детей и молодежи.

Чем раньше дети вовлекаются в раннюю профессионализацию, тем более значителен ее эффект, поскольку профессиональное становление накладывается в этом случае на личностное и интеллектуальное развитие, совпадает во времени с получением общего образования. Именно поэтому представляется важным теоретическое осмысление первой из перечисленных форм ранней профессионализации.

Среди многочисленных видов человеческой деятельности есть такие, в которых достижение высоких результатов возможно лишь при условии ранней профессионализации. Это балетное искусство, инструментальное и вокальное музыкальное исполнительство, спорт. Раннее включение в освоение определенной области знаний, которая потенциально является будущей сферой профессиональной деятельности, рассматривается и как предпосылка развития способностей интеллектуально одаренных детей. Профессиональное совершенствование при ранней профессионализации в перечисленных видах деятельности совпадает во времени с интеллектуальным, личностным развитием, получением образования, освоением системы социальных отношений, что может быть фактором изменения нормативных возрастных особенностей взросления будущих профессионалов [12, с. 151–153].

Хорошей моделью для исследования влияния ранней профессионализации на личностное и интеллектуальное развитие включенных в нее подростков и молодежи является спортивная деятельность.

Рассмотрим те психологические аспекты ранней профессионализации спортсменов, которые, судя по публикациям, представляются исследователям и практикам наиболее существенными. Один из них – специфика развития интеллектуальной сферы, психомоторики как совокупности общих двигатель-

ных способностей. Развитие этих психических функций имеет, по характеристике Б.Г. Ананьева [1, с. 379], двухфазный характер. Первая фаза – прогресс в развитии от рождения до зрелости, вторая – специализация в зрелости, происходящая преимущественно под влиянием профессиональной деятельности. Уровень достижений в развитии психических функций на первой фазе сказывается на успешности второй фазы. То, что они разведены во времени, способствует благоприятному и полноценному протеканию каждой.

Раннее включение юных спортсменов в целенаправленное совершенствование мастерства в избранном виде спорта приводит к совмещению во времени первой фазы развития психических функций, т.е. развития общих способностей, и второй – специализации функций в связи с включением в освоение определенного вида деятельности. Такое совмещение может ухудшить условия для развития общих способностей, что сокращает потенциал личностного и профессионального роста спортсменов. Сокращение базы общих способностей может стать фактором, ограничивающим рост технического мастерства спортсменов, а их полноценное развитие создает дополнительные резервы роста. [16, с. 25].

Сокращение возможностей развития общих способностей при ранней специализации обучения специфично не только для спорта. Оно прослеживается, например, у учащихся хореографических училищ, которые, как и спортсмены, включаются в профессиональное совершенствование в детском возрасте. Преимущественное развитие у будущих артистов балета пластических средств выразительности сопровождается прогрессивным снижением вербальной экспрессивной активности как компонента общих способностей [14, с. 184]. Поэтому нельзя считать случайным беспокойство, высказываемое ведущими психологами по поводу широкого распространения в массовой школе профильного обучения, следствием которого может стать ухудшение условий развития общих способностей, рассматриваемых как потенциал саморазвития.

Включение в углубленное спортивное совершенствование, связанное с большими затратами времени, может создавать неблагоприятные условия для развития полноценной Я-концепции [20]. Одним из последствий ранней профессионализации оказывается сужение Я-концепции до представления о себе только как о спортсмене. Вследствие этого спорт воспринимается спортсменами как единственная сфера приложения собственных сил, реализации себя как личности, что делает особенно болезненным завершение спортивной карьеры, воспринимаемое спортсменами как собственная психологическая смерть. Другой формой неблагоприятного развития Я-концепции у спортсменов, которую выделил С.Р. Хейман [20], является возникновение негативной личностной идентичности, обусловленное затруднениями в учебе или в общении со сверстниками.

В большинстве случаев одаренные спортсмены совершенствуют свое мастерство в специализированных школах-интернатах, специализированных центрах подготовки, для которых характерны относительная автономность, замкнутость среды общения, подчиненность всей жизни решению основной задачи – совершенствованию спортивного мастерства. Так как в специализированные центры приглашают наиболее одаренных юных спортсменов, между ними неизбежно возникает более или менее острая конкуренция, порождающая довольно тягостные эмоциональные переживания. Аналогичная ситуация свойственна и специализированным учебным заведениям, в которых обучаются дети, одаренные, например, в области математики и физики [11, с. 33–42]. Узкая профилированность специализированных школ способствует моноструктурированности взаимоотношений учащихся, связанной с выделением монокритерия межличностного оценивания и самооценки, – успешности в том виде деятельности, в котором специализируются дети. В этом случае возрастает количество детей, имеющих неблагоприятный социальный статус, ведущий к снижению самооценки.

Процесс формирования Я-концепции включает осознание подростками и юношами своей принадлежности к определенному полу, освоение социальной роли представителя того или иного пола. Для юных спортсменов специфику в этот процесс вносит то, что спорт традиционно воспринимается как преимущественно мужской вид деятельности. Занятия спортом позволяют мальчикам развивать и демонстрировать свойства личности и образцы поведения, соответствующие стереотипу мужественности. Участие в занятиях спортом девочек в меньшей степени поощряется, а в некоторых случаях вызывает полоролевой конфликт, связанный с интересом к виду спорта, рассматриваемому как не очень подходящий для девочек, с одной стороны, и опасением утратить женственность – с другой. Исследование девочек-подростков, занимающихся легкоатлетическим бегом, показало, что они, стремясь соответствовать стереотипу женственности, сознательно стараются не опережать своих ровесников-мальчиков, хотя вследствие более раннего полового созревания имеют возможности для этого [19, с. 247–274].

Ориентация спортивной деятельности на превосходство над другими, столкновение юных спортсменов с острой конкуренцией смещает границы приемлемого для достижения собственных целей в направлении снижения строгости критериев честной спортивной борьбы. На это указывают данные отечественных и зарубежных исследований, свидетельствующие о готовности достаточно большого числа юных спортсменов нарушить правила честной борьбы, о наличии у многих из них реального опыта таких нарушений [17, с. 28]. Соревновательная суть спорта способствует формированию у спортсменов эгоизма, противопоставления групповых и индивидуальных ценностей [15, с. 152]. Поощряемые в спорте агрессивность и жесткость оказываются неприем-

лемыми и порождают межличностные конфликты, если они переносятся на взаимоотношения с близкими людьми вне спорта [20].

Как известно, в подростковом и юношеском возрасте особую значимость приобретает мотивация аффиляции. Включение в спортивную деятельность стимулирует мотивацию достижения, которая подавляет или ослабляет аффилятивные тенденции. Исследования, проведенные в подростковых спортивных командах, указывают на то, что соотношение мотивов достижения и аффиляции заметно определяется возрастными особенностями юных спортсменов. Повышенная значимость для них взаимоотношений со сверстниками, чувства принадлежности к группе сверстников накладывает отпечаток на отношение к соперничеству: дружеские отношения делают подростков плохими спарринг-партнерами. Желание сохранить дружбу может оказаться сильнее стремления к первенству, к превосходству над соперником [10]. Однако реализация мотива достижения может сопровождаться и фрустрацией мотива аффиляции, вызывающей у спортсменов подросткового возраста психологические травмы [18, с. 99–116].

Еще один мотивационный конфликт связан с возрастной динамикой понимания сути успеха и его причин. До наступления подросткового возраста дети связывают успех с величиной собственных усилий, своего старания и не ориентируются в той же степени, что подростки и взрослые, на социальные критерии успеха [9, с. 16–22]. В спорте таким критерием является преимущество над другими, показанное во время соревнований. Следствием расхождения между соревновательной сутью спорта, ориентацией взрослых на социальные критерии успеха, с одной стороны, и отсутствием ориентации на них у юных спортсменов, не достигших подросткового возраста, – с другой, нарушение взаимопонимания между юными спортсменами и их наставниками, появление негативного отношения к соревнованиям из-за психологического давления взрослых.

К числу наиболее обсуждаемых аспектов проблемы ранней профессионализации юных спортсменов относится влияние на их становление интенсивных физических нагрузок и эмоциональных стрессов, прежде всего соревновательного стресса [3, с. 23]. Относительно влияния на юных спортсменов физических нагрузок и эмоциональных стрессов высказывают различные мнения. С одной стороны, подчеркивается их позитивная роль как средства подготовки к жизненным трудностям. С другой стороны, приводятся данные о том, что часть юных спортсменов избегает соревнований, рассматривает их как наименее приятный компонент занятий спортом [20, с. 23; 21].

Фактором, увеличивающим эмоциональные нагрузки детей, оказывается перфекционизм взрослых, повышающий вероятность развития тревоги и депрессии, переживания фрустрации вследствие несоответствия достижений чрезмерно высоким стандартам успеха [5, с. 23–32].

Данные исследований указывают на то, что юные спортсмены, спортивная карьера которых началась наиболее рано, раньше и завершают ее, во многих случаях не реализовав до конца свои возможности. Основными причинами раннего завершения спортивной карьеры являются: психологическая усталость, очень высокая интенсивность нагрузок, потеря интереса к самосовершенствованию, отклонения в состоянии здоровья [3].

Раннее включение в профессиональное по сути совершенствование затрудняет формирование у них реалистичного представления о месте спорта в их жизни. Поглощенность юных спортсменов совершенствованием спортивного мастерства отодвигает на второй план проблему профессионального самоопределения вне спорта [2, с. 20]. С этим связано возникновение у спортсменов кризисных ситуаций в период завершения спортивной карьеры [21]. Специалисты, изучавшие жизненный путь и профессиональное становление талантливых высококвалифицированных спортсменов, не считают негативные последствия ранней профессионализации спортсменов неизбежными, а проблемы гармонизации профессионального и личностного развития спортсменов неразрешимыми. Вместе с тем игнорирование негативных явлений, связанных с ранней профессионализацией спортсменов, осложнений развития спортивной карьеры одаренных спортсменов сказывается на благополучии их жизненного пути после прекращения занятий спортом. Этим объясняется усиливающийся интерес к исследованию многолетней спортивной карьеры одаренных спортсменов.

Анализу позитивных и негативных сторон ранней профессионализации был посвящен цикл исследований, проведенных под руководством автора.

Как показали результаты исследований, позитивной стороной влияния занятий спортом на личностное развитие является наблюдаемое у спортсменов по мере продолжения занятий спортом возрастание интернальности, принятия других, а также снижение показателя доминирования. Следовательно, спорт дает спортсменам возможность испытать успех, достигнутый собственными усилиями, побуждает к выстраиванию конструктивных отношений с окружающими, без которых невозможно приобретение мастерства. Приобретаемый опыт взаимоотношений в процессе спортивной деятельности способствует формированию у юных спортсменов готовности принимать партнеров по совместной деятельности такими, каковы они есть. Достигаемые реальные успехи снижают потребность в самоутверждении через социальное доминирование. Рост интернальности и позитивного самоотношения, отмечаемый у спортсменов по мере повышения мастерства и появления реальных достижений, способствует снижению показателей доминирования и агрессивности.

Юных спортсменов подросткового возраста отличает от их сверстников, не занимающихся спортом, большая реалистичность самооценки, меньшая боязнь неудач, более низкая тревожность, что связано с приобретаемым в спорте

опытом успехов и неудач. Однако с возрастом у спортсменов отмечается рост расхождения уровня притязаний и самооценки, что является фактором риска неустойчивости к соревновательному стрессу.

К негативным аспектам влияния занятий спортом относится изменение нормативного развития взаимоотношений со значимыми Другими. Его индикаторами являются ослабление тенденции к усилению значимости сверстников как партнеров по общению при одновременном усилении ориентации на семью, а также выраженная потребность спортсменов в помощи и защите, которая не обнаруживается в такой степени у их сверстников, не занимающихся спортом. Причиной изменения нормативного направления развития взаимоотношений с социальным окружением служит свойственное спорту соперничество, усиливающее эмоциональную напряженность и вызывающее потребность в психологической поддержке, главным источником которой является семья. Еще одно негативное проявление занятий спортом – отмечаемая у спортсменов узость Я-концепции, индикатором которой является достоверно более низкое число признаков самоописания, которые дают спортсмены по методике «Кто Я?», по сравнению со своими сверстниками, не занимающимися спортом. [6; 8, с. 72–77].

Влияние занятий спортом на социально-психологическую адаптацию имеет выраженные гендерные аспекты [4, с. 24]. Спортсмены всех исследованных возрастных групп имеют более высокие показатели социально-психологической адаптации, чем их сверстники, не занимающиеся спортом. У спортсменок обнаруживается разнонаправленность влияния занятий спортом на показатели социально-психологической адаптации. Спортсменки имеют более высокие по сравнению со сверстницами, не занимающимися спортом, показатели интернальности и принятия Других, но уступают им по показателям адаптированности, принятия себя, эмоционального комфорта. Снижение показателей социально-психологической адаптации у спортсменок зависит от степени соответствия вида спорта гендерным стереотипам. Это снижение более заметно у гандболисток, чем у девочек, занимающихся художественной гимнастикой [4; 6 с. 57–71; 7, с. 48–49].

Спортсмены разного пола различаются по особенностям взаимоотношений с ближайшим социальным окружением. В возрасте 12–13 лет у девочек-спортсменок обнаруживается усиление значимости сверстников как партнеров по общению, в то время как мальчики выделяют как значимых членов социального окружения родителей и других членов семьи. Более выраженная ориентация на семью у спортсменов мужского пола, которая устойчиво прослеживается во всех исследованных возрастных группах, может быть следствием давления на них гендерного стереотипа, включающего ожидание от мужчин высоких достижений [8, с. 72–77; 13, с. 22].

У спортсменов разного пола обнаруживаются различия когнитивной и аффективной регуляции социально-психологической адаптации. У спортсменов с возрастом возрастает значимость когнитивной регуляции. У спортсменок такой тенденции не обнаруживается. По-видимому, конкуренция, эмоциональная напряженность, характерные для спорта, усиливают свойственную женщинам склонность к эмоциональному, а не рациональному восприятию значимых жизненных ситуаций [13, с. 22].

Установленная в ходе исследования разнонаправленность влияния спорта и других видов профессиональной деятельности, требующих ранней профессионализации, на личностное развитие детей и молодежи убеждают в необходимости научного осмысления путей подлинно гуманистического построения образовательной среды для их личностной и профессиональной самореализации.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
2. Багина В.А. Психолого-педагогические условия активации юных спортсменов в профессиональном самоопределении: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1995.
3. Барынина И.И. Социальные, биологические и психолого-педагогические последствия ранней спортивной специализации пловцов высокой квалификации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1990.
4. Бондаренко Н.А. Влияние полоролевых стереотипов на мотивацию и самоотношение спортсменов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.
5. Воликова С.В., Холмогорова А.Б., Галкина А.М. Родительский перфекционизм – фактор развития эмоциональных нарушений у детей, обучающихся по усложненным программам // Вопросы психологии. 2006. № 5.
6. Горская Г.Б., Бондаренко Н.А., Зернова Т.И. Полоролевые стереотипы как регуляторы самопринятия человека как субъекта деятельности // Психологические проблемы самореализации личности. Краснодар: КубГУ, 2000. Вып. 5.
7. Горская Г.Б., Бондаренко Н.А., Зернова Т.И., Пархоменко Е.А. Психологические проблемы подготовки спортсменов разного пола // *Physical education and sport. Quarterly*. Vol. 46. Sixth International Scientific Congress Modern Olympic Sport and Sport for All. Warsaw: Scientific Publishers PWN, 2002.
8. Горская Г.Б., Пархоменко Е.А. Социальная адаптация юных спортсменов: проблемы, условия успешности // II Международный форум «Молодежь. Наука. Олимпизм», 15–18 июня 2002 г. Юношеский спорт 21 века. М.: Советский спорт, 2002.
9. Дашкевич О.В. Психологический анализ предметной неадекватности эмоционального компонента спортивной деятельности // Психология личности и деятельности спортсмена М.: Союзспортобеспечение, 1978.
10. Коломейцев М.Ю. Взаимоотношения в спортивной команде. М.: Физкультура и спорт, 1994.

11. Кондратьев М.Ю. Особенности межличностных отношений в профессионально специализированных интернатах // Вопросы психологии. 1995. № 6.
12. Лях В. Психологические проблемы юношеского спорта в странах Западной Европы // Международный форум «Молодежь. Наука. Олимпизм». М.: Советский спорт, 1998.
13. Пархоменко Е.А. Влияние ранней профессионализации на личностное и интеллектуальное развитие спортсменов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2002.
14. Пономарева И.М. Особенности психического развития учащихся хореографического училища: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1992.
15. Рогалева Л.Н., Малкин В.Р. Установки тренера и особенности личностного развития юных спортсменов // IX Международный научный конгресс «Олимпийский спорт и спорт для всех». Киев: Национальный университет физического воспитания и спорта Украины, 2005.
16. Сахновский К.С. Подготовка спортивного резерва. Киев: Здоровья, 1990.
17. Хайрутдинова Н.У. Социально-психологические проблемы спортивного совершенствования учащихся ДЮСШ: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1991.
18. Carrier C. The adolescent-champion paradox // Movement and Sport. Psychological foundations and effects. Abstracts. Cologne. 1991.
19. Harris D.W. Female athlete // Sport psychology (Eds. J.R. May, M.J. Asken). N. Y.: PMA Publishing Corp, 1987.
20. Heyman S.R. Counselling and psychotherapy with athletes: special consideration. // Sport psychology (Eds. J.R. May, M.J. Asken). N. Y.: PMA Publishing Corp, 1987.
21. Loland S. Fairness in sport – critical comments on Olympic competitions // Paper presented at the 2004 Pre-Olympic Congress «Sport Sciences through the Ages». Thessaloniki. 2004.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ
ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ СВОЕЙ ЖИЗНИ»**
.....

Кафедра психологии личности и общей психологии факультета управления и психологии Кубанского государственного университета при поддержке Российского гуманитарного научного фонда совместно с филиалом Южного Федерального Университета в городе Геленджике с 26 по 27 сентября 2008г. осуществляла Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и современность на Северном Кавказе: Личность как субъект организации времени своей жизни» (грант № 08-06-38684 Г/Ю)

В ходе конференции были рассмотрены вопросы психологических и междисциплинарных исследований организации времени личности в рамках психологии субъекта и психология бытия: различные типы реализации субъектности и индивидуальные стратегии организации времени личности в условиях полиэтнических отношений и рекреационной специфики Северного Кавказа; эффективное использование времени в процессе учебно-профессиональной и профессиональной деятельности; возрастные кризисы и стратегии совладания; технологии рационального распределения временных ресурсов; тайм-менеджмент и проблема синхронизации разновременных процессов; семейные отношения как со-бытие и проблемы синхронизации жизненных процессов живущих вместе людей; личностные особенности организации свободного времени; измерительные процедуры компетентности личности во времени.

В работе конференции приняли участие ученые и специалисты из 20 городов России, что отразило актуальность и междисциплинарный характер конференции. Программа семинара и список участников. С программными докладами, отражающими основные тенденции в развитии психологии человеческого бытия выступили З.И. Рябикина (Краснодар), В.И. Моросанова (Москва),

Ю.П. Зинченко (Москва), С.К.Нартова-Бочавер (Москва), Н.Е. Харламенкова (Москва), А.С. Кузнецова (Москва), В.А. Лабунская (Ростов-на-Дону), Г.А. Брандт (Екатеринбург), Т.В. Бендас (Оренбург), И.Б. Шуванов (Сочи), Р.М. Шамионов (Саратов).

Теоретико- методологические вопросы проблемы личности как субъекта организации времени своей жизни в контексте традиций и современных трансформаций на Северном Кавказе рассматривались на заседаниях четырех секций: «Семейные отношения и проблемы синхронизации процессов со-бытия в семье»; «Личностные особенности организации времени и психологическое здоровье»; «Организация времени как аспект идентичности личности»; «Проблемы структурирования человеком своего личного времени в профессиональной деятельности».

В рамках конференции были также проведены: мастер-класс А.С. Кузнецовой (Москва) «Представления об отдыхе в системе ценностей современного профессионала»; лекция Н.Г. Бяковой (Геленджик) «Писатель как субъект организации времени в мифах Северного Кавказа»; круглый стол «Краснодарский край как олимпийский и курортно-туристический регион» (ведущие: И.Б. Шуванов (Сочи), С.Н. Тесля (Сочи)).

Важными результатами конференции стали:

Созданы условия для укрепления теоретических, практических и междисциплинарных связей профессионального сообщества ученых, разрабатывающих теорию и методологию субъектно-бытийного подходов в современной российской психологии.

По итогам проекта издан сборник материалов «Традиции и современность на Северном Кавказе: Личность как субъект организации времени своей жизни», который состоит из материалов исследований участников конференции и специалистов других вузов России. Объем сборника 39 печатных листов.

РЕФЕРАТЫ

.....

Баранов Н.А. Социальная обусловленность политики инновационного развития

В центре внимания автора находятся проблемы, связанные с осуществлением инновационной стратегии развития России. Они рассматриваются в контексте демократизации и социальной политики государства. Демократические институты, уже сложившиеся в России, оставляют шанс на сокращение авторитарной составляющей в политическом режиме. Социальное развитие России состоит в принятии обществом не только новых социально-экономических условий или формы политического устройства, но и нового типа социокультурного развития, способствующего эффективному решению современных проблем, и адаптации общества к динамично развивающемуся миру.

Библиогр. 31 назв.

Элеменкина В.В. Имидж муниципальных образований: структура, функции и проблемы формирования

В работе идет речь о значении и многофакторности имиджа муниципального образования, исследуются наиболее значимые аспекты проблематики его формирования и практической реализации. Эмпирической базой являются «кейсы», отражающие динамику имиджа ряда крупных городов РФ, обладающих необходимыми ресурсами для его развития. Автор отмечает, что выстраивать и реализовывать стратегии продвижения имиджа в экономически депрессивных городах, районах и поселениях значительно сложнее.

Библиогр. 22 назв.

Калашникова О.А. Обращения граждан как показатель эффективности работы органов местного самоуправления

Обращения граждан во властные структуры различного уровня выступают в качестве одного из важных источников информации, позволяя дать наиболее объективные представления о качестве муниципального управления и

эффективности деятельности органов местного самоуправления. Анализируя тематику обращений, поступивших в администрацию Краснодарского края в 2007–2008 гг., автор выделяет такую проблему, как невысокий уровень доверия муниципальным институтам.

Библиогр. 9 назв.

Трещевский Ю.И., Щекина Е.В. Направления и инструменты поддержки реального сектора экономики Воронежской области в аспекте повышения ее конкурентоспособности

В работе рассматриваются аспекты «Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу», связанные с повышением конкурентоспособности региональной экономики. Поднимается проблема выработки инструментария, обеспечивающего достижение высоких конкурентных позиций в конкретных российских условиях. Для привлечения крупных инвесторов в Воронежскую область целесообразен комплекс инструментов гарантирования безопасности инвестиций и их эффективного использования.

Библиогр. 1 назв.

Лебедева Э.Е. Особенности инновационной деятельности предприятий малого бизнеса

Автор исследует преимущества малого бизнеса в реализации инновационных проектов. Инновационная деятельность рассматривается как процесс, направленный на разработку и на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт. Успех ее реализации зависит от объема и доступности необходимых ресурсов, которыми располагает предприятие, от эффективности применения организационно-управленческих механизмов и от уровня развития инновационной инфраструктуры.

Библиогр. 5 назв.

Сурай И. Г. Построение компетентностных моделей государственных специалистов: опыт Украины

Статья написана на основе материалов доклада, сделанного на Второй международной летней школе повышения квалификации преподавателей дисциплин государственного управления (МГУ, 2 – 6 июня 2008 г.). Автор анализирует структуру государственной службы Украины, описывая типичные профессионально-квалификационные характеристики ее должностей. На данном этапе развития системы государственной службы необходима разработка «профиля

компетентности», который включал бы как профессиональные специфические компетентности, так и личностные, психологические характеристики.

Библиогр. 3 назв.

Фоменко Г.Ю. Возможности преодоления «схизиса» между исследовательской и практической психологией

Целью статьи является обсуждение возможных путей преодоления «схизиса» (расщепления) исследовательской и практической психологии. Выделяются условия такого преодоления, при осуществлении которых проблема «схизиса» может быть отнесена к разряду ложных дихотомий.

Библиогр. 20 назв.

Лузаков А.А. Психосемантика личностных черт: нормативный и сравнительный подходы

Обсуждаются особенности нормативного и сравнительного подходов в психосемантике. Применение нормативных моделей не всегда оправдывает себя, поэтому способы категоризации, используемые человеком, нужно соотносить со средними тенденциями в некоторой макро- или микросреде или с изменениями структур одной и той же личности во времени, в разных сферах ее жизни и т.д., т.е. использовать сравнительный подход.

Библиогр. 21 назв.

Павленко В.А. Проявления когнитивно-стилевых и личностных характеристик субъекта в текстах-интерпретациях.

Предлагается методический прием, где когнитивно-стилевые и личностные характеристики субъекта изучаются через порождение собственного текста путем письменной интерпретации содержания популярного художественного фильма. Показано, что на порождение текстов влияют как личностные характеристики субъекта, так и его когнитивный стиль.

Библиогр. 9 назв.

Харитонов Е.В. Востребованность, жизненные ресурсы и адаптационные способности пожилых людей.

На основе данных эмпирического исследования анализируется соотношение жизненных ресурсов и адаптационных способностей у «востребованных» и «невостребованных» пожилых людей.

Библиогр. 12 назв.

Кулагина Н.В. Гендерные стереотипы и профессиональная мотивация мужчин, работающих в полотипичной и неполотипичной сфере

В обыденном сознании существуют довольно устойчивые представления о разделении профессиональных занятий по признаку пола. Автор рассматривает гендерные проблемы профессиональной самореализации мужчин. Нормы поведения, регламентированные существующими гендерными стереотипами, способствуют появлению у мужчин, работающих в неполотипичной сфере комплекса субъективных негативных переживаний, в некоторых случаях профессиональной дезадаптации.

Библиогр. 9 назв.

Горская Г.Б. Психологические эффекты ранней профессионализации личности

Феномен ранней профессионализации как фактор ускоренного включения молодого поколения в жизнь общества рассматривается на примере спортивной деятельности. Выделяются позитивные и негативные эффекты влияния занятий спортом на личностное развитие.

Библиогр. 21 назв.

SUMMARY

.....

Baranov N.A. Social conditionality of innovation development policy.

The author focuses on the problems connected with realization of innovational strategy of the Russia development. They are considered in the context of democratization and social policy. Democratic institutions, already established in Russia, give the chance of the reduction of the authoritarian component in the political regime. Social development of Russia consists in adoption by the society not only new socio-economic conditions or forms of political organization, but also a new type of social and cultural development, promoting effective solution of contemporary problems, and adaptation of the society to the dynamically developing world.

Elemenkina V.V. Image of municipalities: structure, functions and problems of formation.

The article describes the essence and plurality of image of a municipality, and investigates the most significant aspects of its formation and implementation problems, the empirical base being the cases, which reflect the dynamics of images of a number of big cities of the Russian Federation having necessary resources for their development. The author notes that to build and implement the strategy of the image promotion in economically depressed urban areas and villages is much more difficult.

Kalashnikova O.A. Citizens' appeals as indicator of local governments' efficiency.

Citizens' appeals in the power structures of different levels represent an important source of information, providing the most objective representation of the quality of municipal administration and effectiveness of local governments' functioning. Analyzing the subject area of the requests received by the administration of Krasnodar territory in 2007-2008, the author identifies the problem like poor level of confidence with respect to municipal institutions.

Treshchevsky Yu.I., Shchekina E.V. Directions and tools of support to Voronezh region real sector economy in view of enhancing its competitiveness.

The article considers Strategy of long-term socio-economic development of Voronezh region aspects, related to enhancement of competitiveness of the regional economy. The author raises the problem of developing tools providing achievement of high competitive position at specific Russian conditions. In order to attract major investors to Voronezh region, complex tool is reasonable to guarantee the investment security of and its effective application.

Lebedeva E.E. Features of innovation activity of small business enterprises.

The author explores the advantages of small businesses in implementation of innovation projects. Innovation activity is considered as a process aimed at developing and implementing the results of the completed research or other research and technological achievements in a new or improved product. The success of its implementation depends on the amount and availability of the necessary resources available to the enterprise, and upon the effectiveness of organizational and managerial mechanisms used together with the level of development of the innovation infrastructure.

Suray I.G. Building competence models of government officials: Ukrainian experience.

The article is written based on the material of the report at the Second International professional development Summer School for teachers of public administration (MSU, 2 - 6 June 2008). The author analyzes the structure of the public service of the Ukraine, describing typical professional and qualification characteristics of its positions. At this stage of the public service system development, elaboration of a "competence profile" is necessary, which included both specific professional competences and personal and psychological characteristics.

Fomenko G.Yu. Opportunities to overcome "schizis" between research and practical psychology.

The aim of the article is to discuss possible the ways to overcome "schizis" (splitting) of research and practical psychology. The conditions of such overcoming are marked out, when the problem of "schizis" may be attributed to the class of false dichotomies.

Luzakov A.A. Psychosemantic of personality peculiar features: normative and comparative approaches.

Peculiarities of normative and comparative approaches in psychosemantic are considered. Application of normative models is not always justified, so the ways of categorization used by a person, have to be correlated with the overall trends in a macro- or microenvironment, or with changes in the structures of the same personality over time, in different spheres of life, etc., i.e. to use comparative approach.

Pavlenko V.A. The manifestations of cognitive-style and personal characteristics of a subject in text-interpretations.

The technique is offered where cognitive-style and personal characteristics of a subject are learned via production own text by written interpretation of content of a popular movie. Both personal characteristics of the subject and its cognitive style are shown to influence the production of the text.

Haritonova E.V. Demand, vital resources and adaptation abilities the older.

Correlation of vital resources with adaptation abilities of socially needed and non-needed aged people are analyzed on the base of empirical investigation.

Kulagina N.V. Gender stereotypes and professional motivation of men working in sex-typical and sex-atypical spheres.

For everyday mind, there are quite stable conceptions on division of professional activities by sex assignments. The author considers gender issues of male professional self-actualization. Behavioral norms governed by existing gender stereotypes, promote arising in men working in a sex-atypical sphere subjective negative emotions and sometimes professional disadaptation.

Gorskaya G.B. Psychological effects of early person professionalization.

The phenomenon of early professionalization as a factor of accelerated inclusion young generation into societal life is considered with the example of sports. The author marks positive and negative effects of the influence of sport activity on personal development.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Порядок приема рукописей. Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования).

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 415. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.